

Осколки: коготь Зверя

Майя Чернышева

Принц Алан Нилионский верит в две незыблемые истины: наследник престола должен быть идеален во всем; в мире нет никого хуже тупой необразованной ведуньи. Маргарита Прикер не знает, чему и кому верить в чужом и холодном мире, куда она попала, на первый взгляд, абсолютно случайно. Что же у них общего? Взаимная ненависть? Таинственное прошлое? И что за Зверь угрожает им обоим?

Пролог

Мы — осколки.

Мы разбиты и уничтожены. Наши тела превратились в скопище из стеклянной крошки и фрагментов всех размеров и изъянов, а потом разлетелись по миру с жестоким холодным ветром.

О нет, мы не пришли такими в мир изначально. Мы были целыми и гладкими, как чистый речной лед. День за днем мироздание подтачивало нас, отламывая понемногу, пока наконец тот самый кусочек, на котором держалось наше бытие, не был утрачен окончательно.

Не расстраивайтесь. Принятие правды и страшное успокоение придут к вам постепенно. Я вот принял, что превратился в ничто, жалкую тень себя.

Но сейчас... Сейчас мне нужно собрать себя заново, чтобы поставить точку в вопросе, мучающем меня уже давно.

Меня зовут король Алан Нилионский. И я соберу перед вами картину своей жизни, как мастер заново вставляет разбитые осколки в раму зеркала.

Новый этап жизни

Каждый рассказчик, желая расположить к себе слушателей, говорит в начале повествования нечто милое, привлекающее внимание и доверие. Следуй я этой стратегии, то сказал бы что такой же, как вы, но это будет ложь. А я лжи не терплю. Больше нет.

Я не знаю, доживет ли этот пеклов диктофон до конца недели. На слушателей я вообще не надеюсь, так что за помехи и прочие неполадки извиняться не буду. Меньше мотивации переслушивать свой голос.

Хотя все же один, самый важный слушатель у меня все же есть. А вы... Вы серая безликая масса. Несчастные, случайно нашедшие эти записи.

По инерции представляю себе заголовки газет. "Король Алан сравнял своих подданных с серой массой".

Человек я и вправду необычный. Король Ниллиона, последний из рода. Хотелось бы сразу обозначить границы:

Мы с вами неравны.

Вас обманули. Может быть однажды мы все ляжем в могилах и станем единым прахом. Но до этого чудесного момента тления о равенстве забудьте. Короли и подданные всегда будут стоять на разных ступенях. Так что не воображайте, что мой рассказ сродни исповеди душевному другу.

Кажется, я вам точно не понравлюсь. Должно ли меня это беспокоить?

Не думаю.

История, поведенная на этих кассетах будет на редкость паршивая. Скверно начало, середина, а конец... Хуже всех ожиданий.

Когда же она началась? Полагаю, много лет назад. Тогда мой отец пришел утром в покои с важной новостью.

***

Я узнал его поступь, еще когда он только вошел в анфиладу бесконечных коридоров нашего фамильного замка Артенар. О, вы никогда не поймете того трепета, обожания и страха, что я ощутил, только лишь заслышав их. Словно бы Благодетель решил снизойти до грешного мальчика. Я мигом вскочил с кровати, на которой лежал с книгой, заправил покрывало, а потом лихорадочно принялся приглаживать волосы и рубашку, лишь бы не осталось помятости.

Он вошел без стука, чеканным шагом дойдя до середины спальни. Я стоял прямой как струна, боясь даже дышать. Отец медленно оглядел рабочий стол, шкафы, кровать. Его зоркий глаз сразу же нашел небольшую вмятину на наволочке. Мое сердце застучало словно у зверька в западне. В такие моменты нужно было максимально сосредоточиться и собраться.

Король Нилиона не оставлял шанса на ошибку.

— Мой принц, — поприветствовал он меня, склонив голову в традиционном жесте.

— Мой король, — ответил я, практически согнувшись до пола в поклоне.

— Ты снова читал на постели? — отец внимательно посмотрел на меня.

— Да, мой король.

— Говорил ли я тебе, что это вредно для глаз?

— Да, мой король.

— Тем не менее, ты пренебрег моим советом?

— Позвольте объясниться, мой король.

Отцу нравились эти моменты. Он обожал, когда я стоял как натянутая струна, оправдываясь перед ним за каждую малейшую оплошность. Момент, когда мышка дрожит в когтях у кошки, а та решает: разорвать ее или помучить еще немного.

— Дозволяю, — кивнул он.

— С раннего утра мне нездоровится, — заговорил я, указав пальцем на висок. — Вот почему решил полежать в кровати. Книга же утешала меня и давала небольшой отдых от боли. Прошу прощения, что ослушался вас, мой король.

Отец приподнял мою голову за подбородок и прицокнул языком. Мне показалось, что сердце разорвет мне грудь.

— Неразумно с твоей стороны было читать в постели с такой больной головой, мой принц, — сказал он мне таким тоном, словно объяснял правила чтения ребенку. — Выглядишь и правда неважно. Но думаю, что новости тебя развеселят.

Когда меня в скором будущем спросят, что я чувствую, когда думаю о нем, то мой ответ вырвется сам собой.

Ужас.

— Рад лишь одним вашим присутствием, мой король, — тихо произнес я.

— Выходит, тебя сейчас переполнит эйфория? — приподнял уголки губ он. — Что ж, через час у тебя встреча со сквайром. Надеюсь, ты сможешь провести ее достойно.

У меня на мгновение пропало дыхания. Настоящий сквайр полагался мне только в одном лишь случае.

— Неужели? — только лишь спросил я.

— Все так, — кивнул отец, — совет министров и королевский дом решили, что твой

срок пришел. Ты отправляешься в Тинтагель для прохождения обучения. Твой гувернер уже передал господину Свену все дела.

Как же трудно мне было спокойно устоять на ногах в тот момент. Все мое существо переполнялось радостью. Хотелось смеяться, хотелось кричать от радости.

Но я стоял и только лишь кивал в ответ.

***

Здесь стоит дать небольшие разъяснения.

До семнадцати лет я жил во дворце, как птица в неволе. Мой день был расписан вплоть до минуты. С шести утра многочисленные няньки и учителя облепляли меня, как мертвяки живое мясо, и не отпускали до тех пор, пока не наступит поздняя ночь. Я не мог отойти от них ни на шаг. Они не могли пропустить ни единого моего чиха. У нас сложились отношения взаимной ненависти друг к другу. Мы лишали друг друга возможности жить. Мы губили свободу друг в друге на корню. Так что никто из нас точно бы не скучал друг по другу. То утро было лишь единственным свободным за все полгода.

Отец в моем воспитании участвовал постольку поскольку. Мы виделись лишь за официальными приемами пищи. У нас были совместные аудиенции аристократии. И на этом в общем все.

О нет, даже не спрашивайте, был ли он хорошим родителем. Мне самому уже никогда не стать родителем, потому судить его я не имею права.

Вся моя жизнь крутилась вокруг вечного ожидания. Я ждал конца учебных часов, конца изнурительных тренировок, конца обеда, конца дополнительных занятий. Но ничего в своей жизни я не ждал так, как конца тепличной жизни и поступления в школу рыцарей, Тинтагель.

Наш род уже давно мог не посылать лучших сынов для прохождения службы в Гвардии. То был наш долг, который мы платили обществу. Никто не любит царственных паразитов. Мы должны были завоевывать их любовь каждую минуту нашего существования, оправдывая налоги и вообще наше право управлять ими. Но я не считал учебу в Тинтагеле долгом. Для меня это было началом той самой «новой жизни», когда меня перестанут опекать и посвятят в мир взрослых смелых мужчин, героев и храбрецов.

Для официальных аудиенций мне выделили старый кабинет матери. Я обожал его. Обитые розовыми шелковыми обоями стены. Стол с панно из драгоценных камней. Глубокие бархатные кресла. Камин.

Почти как у настоящего короля.

Мне нравилось воображать себя важным и взрослым, сидящим за этим столом и принимающим министров и послов. Нравилось представлять себя в синей атласной мантии с окладистой светлой бородой как у отца и с бриллиантовым обручем на голове.

Тебе не идет борода. Просто для справки. А да. Ты не слышишь.

Сквайр уже ждал меня, сидя на стуле и неприкрыто глаза на роскошь кабинета своими узкими серо-зелеными глазами. Он мне сразу же не понравился. Мне хотелось, чтоб мой поверенный, охранник и помощник в одном лице был высоким, накачанным и внушающим ужас парнем, желательным бритым наголо. Но передо мной сидел молодой человек на вид чуть старше меня. Он был ниже ростом (мой рост составляет метр девяносто по вашим меркам). По весу, правда, сквайр меня обогнал (это было не так уж сложно, по природе я худощавый, в семнадцать лет весил около семидесяти пяти килограмм). Однако он был не накачан, не представлял угрозы, вообще походил на добродушного паренька, каких словно

деревьев в лесу на улицах. Именно потому меня захлестнула раздражительность, которую я тут же захотел выплеснуть на него.

— Мой принц, — вскочил со стула тот. — Сквайр Ленард Свен прибыл для исполнения своего долга!

Я холодно посмотрел на него, ощутив прилив раздражения от вида его растрепанных светло-русых волос, и прошествовал к столу, даже не кивнув.

— Почему ты сидел, когда я вошел? — ледяным тоном спросил я.

— Простите, — басом ответил он, — я не слышал ваших шагов.

— Когда враги короны решат меня похитить, ты тоже ничего не услышишь? — передразнил я зло.

— Нет, вовсе нет, — начал он оправдываться, но я поднял правую руку вверх и тот замолчал.

Как мне понравился этот жест. Величественный, короткий и выразительный — все именно так, как я представлял. Король, от которого всех бросает в жар. Я продолжал свой спектакль. Еще от отца я понял, что больше всего людей пугает пустое выражение лица, по которому невозможно считать, что на самом деле творится на душе.

Ну что за любовь к дешевой драме!

— Говоришь, тебя зовут Ленард? — я увидел на столе папку с его личным делом и открыл ее, изучая бумаги. — Опыт работы?

— Нет, — отчеканил он, — но я закончил подготовительные курсы и лучше всех сдал экзамены...

— То есть ты ничего не умеешь? — небрежно прервал его я. — Почему ты вообще здесь? Лучше всех переключивал бумажки с места на место? О чем думали рекрутеры?

Я так надеялся, что он хотя бы покраснеет или смутится. Но Ленард оставался железно спокойным. И мне стало тревожно даже от его полуулыбки.

— Мой принц, — спокойно обратился ко мне он, — я вижу у вас канцелярский нож на столе. Можно его одолжить?

— Если тебе нечем вскрывать конверты — пожалуйста, — развел я руками, — пользуйся моей щедростью.

Свен с таким же спокойствием взял ножик, затем величаво встал со стула, размахнулся и швырнул его в мою сторону. Я в ужасе зажмурился, но лезвие только лишь просвистело мимо моего уха.

— С бумажками у меня хорошие отношения, — в тоне Ленарда прозвучал скрытый смешок, — но также я лучше всех курсантов прошел военную подготовку.

Я приоткрыл глаза, прикидывая в голове, успею ли дотянуться до кнопки вызова охраны под столом. Можно было еще поступить в лучших традициях героических баллад: перепрыгнуть через стол, вырубить его и убежать, но идея с охраной явно одерживала первенство.

Злополучный ножик пригвоздил мошку, залетевшую в кабинет, прямо к полу. Ленард показал мне несчастную и улыбнулся:

— Никогда не промахиваюсь.

Он с трудом пытался не показывать, что смеется надо мной. За подобное отец уже бы прогнал нахала из кабинета, но я стиснул зубы и решил сделать вид, что его ничем неприкрытая попытка меня унижить не увенчалась успехом.

— Прекрасно, ты не прошел проверку, — оскалился я в злобной улыбке, — Хороший

сквайр выдерживает любую критику от своего непосредственного начальства, не играя в дешевых спектаклях.

Свен застыл, снова приняв безучастный вид. Мне были непонятны его мысли и намерения, что злило еще больше. Хорошие короли всегда читали собеседника как книгу, а я постоянно должен был чуть ли не Прорицательством заниматься. Чтобы не доставлять сквайру удовольствия над победой, я резко развернулся к нему спиной и показал на карту Ниллиона на стене:

— Что ты видишь перед собой?

— Карту? — осторожно поинтересовался тот.

— Очевидный ответ, — огрызнулся я, — мысли шире.

Ленард молчал, сидя все в той же позе. Поняв, что тот не будет даже пытаться, я прокашлялся и продолжил:

— Что ж, не буду мучить тебя столь сложными для твоего мышления вопросами. Перед тобой королевство Ниллион. Мы поставляем Измерению лучшие технологии и предметы роскоши. Закупаем... В этом списке много статей, не буду сильно тебя нагружать.

Мы закупаем почти все. На Нилионе не было густых лесов, как у наших добрых соседей из Лореанга, или глубоких и чистых морей, как у менее добрых соседей из Друэллы. Даже далекий Шелруд, где ночь и день длились по полгода, мог похвастаться редкими растениями, а в стремительно беднеющей Лефарии можно было прорастить даже палку. Но мы не были захолустьем вроде далеких и медленно погружавшихся в пески Пустошей. Нилион забирал под свое покровительство самые пытливые умы и самые трудолюбивые руки, вознаграждая их за верность. И за изобретения, что они придумывали и воплощали в жизнь.

— Королевский дом Ниллиона — древнейший и благороднейший в нашем Измерении, не считая почивших Арилийцев, — продолжал я, — и даже для тебя не секрет, что для нас родовая честь и совершенство во всем не пустой звук. Именно потому на тебя, как на сквайра кронпринца, будет возложена огромная ответственность. Ты уверен, что сможешь ее нести?

— Да, мой принц, — снова только лишь кивнул Ленард, — я прошу прощения за инцидент с канцелярским ножом. Для меня было важно...

— Бахвалиться, — закончил я за него, — надеюсь, ты избавишься от этой дурной привычки. На чем я остановился? Ах, да. Фактически, ты пока что единственный, но важный член моей свиты. В каком-то смысле даже ее глава. И ты должен держать лицо. С уставом ознакомлен?

— Да, мой принц, — принялся перечислять Свен, — Никаких отношений до окончания срока службы, не покидать пост до...

— Да, я понял, в бумажках роешься прекрасно. Но ты не знаешь самого важного: подчинение каждому моему слову.

— Это прописано в правила...

Я постучал ногтями по столу и произнес спокойно, но угрожающе:

— Тебе будет дано слово, когда твой принц сочтет это нужным.

Ленард затих. Я прочистил горло и продолжил:

— В очередной раз приходится вспоминать, на чем меня прервали, покорно благодарю. Верность и умение отключать мозг — вот твои лучшие друзья. Я говорю тебе стоять — стоишь. Велю молчать — молчишь. Приказываю съесть человека — просишь лишь передать

столовые приборы. Мое слово закон для тебя. И отныне будет так. Ты понял меня?

Сквайр молчал. Я понимал, что он нашел лазейку, ведь «слова принц не давал», потому встал из-за стола, подошел к его стулу и склонился над ним:

— Ты. Понял. Меня?

— Да, мой принц, — спокойно ответил Ленард. И я ощутил невероятную досаду.

В его взгляде читалось абсолютное безразличие ко всем моим словам. Он подчинился мне, но совершенно не боялся. Даже не испытывал трепета. Что ж, то было только начало.

Скоро я внушу ему неподдельный ужас.

***

Вечером я вышел на традиционную прогулку по окрестностям нашего дворца, чтоб очистить разум и заодно хоть ненадолго вырваться из Артенара.

Фамильный замок нашей семьи стоял на холме посреди огромного поля. Я медленно протаптывал тропинку среди долгой травы, задевая отдельные из них пальцами и вдыхая этот прекрасный запах.

Именно в поле меня настигли мысли о маме.

У всех в жизни есть призраки. Я не имею в виду бестелесных созданий в цепях. Я с людьми, что были когда-то в вашей жизни, а потом бесследно оттуда пропали. И из вашего сердца словно вырвали кусок, который больше ничем не заполнить. Однажды кровь перестанет литься, рана затянется и перестанет сочиться гноем и болью. Даже воспоминания угаснут и станут лишь далеким миражом на горизонте. Но пустота? О, пустота останется с вами навсегда. И вы никогда ничем ее не восполните.

Ее не стало, когда мне было пять лет. Остались монографии о ее вкладе в борьбу за равные права мужчин и женщин (о, мама, какая ты сказочница). Остались стереографии, остались портреты и видеозаписи. Вот только ее больше нет.

У меня осталось только воспоминание о давней прогулке в саду, когда я был совсем маленьким.

Нежные мягкие руки, медальон на шее, цветочный свежий запах.

Я боялся сесть на землю и запачкать форменные новые брюки, потому просто стоял и подставлял лицо ветру и маленьким травинкам, летевшим в меня. Закат уже окрасил облака в нежно-розовый свет. Становилось прохладнее. Такова вторая пора сосны, последние недели лета. Надо было возвращаться домой.

И в тот самый момент я ощутил незнакомое ранее чувство тревоги. Страх перед будущим. Словно я стоял в черной комнате перед открытой дверью, откуда ярким лучом шел белый-белый свет. Что он нес в себе? Просвещение? Новые свершения? Может то было ослепление от успехов? Или нечто иное, что не видно непосвященному, а только лишь человеку, который постиг и понял некое таинство?

Видишь ли, милый Алан, белый свет рождается из смешения всего на свете. Когда цвета соединяются вместе, то получается белый.

А ты готов увидеть их все? Не испугаешься ли этой белизны?

***

— Что это? — Ленард с удивлением вертел в руках украшение в виде круга с начерченными на нем геометрическими фигурами.

Был последний день перед отправлением в Тинтагель. Прислуга упаковала все мои вещи, а мы собирали то, что она не имела права даже видеть.

— Дай сюда, — скомандовал я, забирая кулон из его рук, — это защита.

Сквайр смотрел на меня с минуту с весьма ошарашенным видом, а затем прошептал:

— Там шипы.

— Да.

— И треугольник с запирающим закливанием.

— Я знаю. Он у меня с пяти лет.

— Так это...

— Да, это амулет от ведуний! — раздраженно ответил я. — Будь добр, закрой рот!

Родные мушки могут отомстить за ее убийство!

Свен замолчал. Я принялся упаковывать книги в бумажные обложки, наблюдая за Свеном краем глаза. И уже заранее был готов к ответам на его нетактичные и глупые вопросы.

— Да. Нет. Да. Да. Нет.

— Мой принц? — переспросил Ленард.

Я вышел из-за стола, сложил руки на груди и отчеканил каждое слово заученной речи, что твердил еще с четырнадцати лет:

— Да, мою мать действительно прокляли ведуньи во время падения Арилии. Нет, это не доказано Союзом Познания, потому что они решили спустить все на тормозах. Да, я верю в эту версию, потому что оснований не верить у меня нет. Да, я считаю каждую ведунью отмеченной Зверем еще с рождения. Нет, это нельзя говорить вслух, ведь познанцы не хотят новых конфликтов.

Ленард смотрел на меня с неприкрытым ужасом. Я был готов к предстоящей битве, ведь мысленно разрушал доводы ведуньелюбов каждую ночь, когда не мог заснуть.

— Но, мой принц, — сделал первый выпад Ленард, — ведуньи полезны для нас. Они создают заклинания...

— Которые или работают из рук вон плохо, или вообще не работают, — отрезал я, — знаешь ли ты соотношение успешных результатов выпускных экзаменов к проваленным у ведуний за последний шесть лет? А я знаю. Один к пяти. Всего одно Чудо могло работать как надо. Что уж там говорить про заклинания, если они даже не могли собраться и повторить все то, чему их якобы учили три года в школе Ронетт. Про школы дальше Централы я вообще молчу. Там позор на позоре. Даже Чародейки оттуда выходят весьма посредственные.

— Многим преподавателям сокращают учебные часы, — заспорил Ленард, — ведуньи жалуются, что их даже толком не учат...

— Ах да, — прервал я его, — хваленые библиотеки, где книги по конструированию магии стоят рядом с книгами по Черному ведовству. Знаешь ли ты, сколько несчастных случаев происходило за один семестр еще даже до того, как начался этот зверинец? А я знаю. Три в месяц. Чародейки же всегда отличались примерным поведением.

— Условия работы были опасными!

— Их задача заключалась в простом создании заклинаний практической магии! — впервые повысил я голос. — Более сложную магию им доверяли на старших курсах или только после выпуска! Что же угрожало бедняжкам? Удар шваброй по голове? Или подзатыльник тупым ножом? Бьюсь от нетерпения узнать!

Ленард лишь открывал и закрывал рот. Я наслаждался его молчанием и невозможностью спорить со мной, ведь никуда не уйдешь от простой статистики. Наконец, тот прибег к самому жалкому, на мой тогдашний взгляд, аргументу в мире:

— Это неправильно! Они ведь этого не заслужили! Нельзя ровнять их всех под один гребень! Даже младенец отмечен злом?

— Прекрати истерику! — рявкнул я. — Не люблю этот аргумент, но ты не оставил мне выбора. На последней проповеди Верховного Жреца Вигге было доказано, что ведуньи есть дети черной крови Благодетеля. Той, что он пролил, сражаясь со Зверем!

— Но ведуньи сами вызвались помочь Ему...

— Идиот, да ведуньи родились от смешения Его крови с кровью тех тварей! — стукнул я кулаком по столу. — Они дети Дракона лишь наполовину! Вигге это подтвердил! А теперь замолкни. Повторишь это при отце — вылетишь отсюда в Пустоши.

Ленард покраснел. В самый первый раз я видел, как в нем клокочет ярость.

— Почему же, мой принц, — произнес он медленно-медленно, словно тщательно выбирая каждое слово, — Вы носите амулет, если они так тупы?

Я захлопнул свой чемоданчик, куда уже уложил все документы, и процедил:

— Потому что нет опаснее существа, чем тупая и необразованная ведунья!

***

Последний, перед отбытием, ужин с отцом проходил просто прекрасно. Мы сидели в парадной столовой, освещенной тысячами свечей — еще одна дань нашим традициям. Он угощал меня лучшим из наших вин. был весел и жив, интересовался всеми делами. Даже похвалил мою систему укладки рубашек в чемодан. Под самый конец трапезы отец с гордостью во взгляде сказал:

— Мой дорогой принц, ты — главная надежда нашего королевского дома! И я рад видеть, что смог вырастить тебя по всем заветам нашего рода. Завтра ты начинаешь новую главу своей жизни. Но помни, что обучение в Тинтагеле преследует за собой очень важную цель: связи, поддержка и репутация. Заведи полезные связи с военной элитой Измерения, заручись поддержкой Гвардии и укрепи репутацию нашей семьи. Только так все будущие короли могли быть спокойны за себя и свои дома.

Затем он сделал глоток вина и добавил чуть более развязно:

— Ты не имеешь права меня подвести. Это же, Пекло, всего три простые задачи.

Ты не имеешь права меня подвести. Он никогда не оставлял права на ошибку. Максимализм по-королевски.

Воздуха в комнате как будто стало меньше. На шее затянули невидимую петлю, и я почувствовал удушье и холод в ладонях. Я привык к отцовской строгости, но страх никогда меня не оставлял. Стоило допустить малейший провал и...

Лучше было даже об этом не думать.

— Я сделаю все возможное, чтобы оправдать ваши ожидания, мой Король, — прошептал я, стискивая бокал.

— Ты сделаешь даже невозможное, — сурово посмотрел на меня отец. — Ты Алан Нилионский. Ты не имеешь права проиграть.

***

Страх не отпускал меня всю ночь. Я принял невозможность заснуть и просто разлегся поперек кровати, смотря горевшими от бессонницы глазами в потолок.

Нельзя проиграть. Три простые задачи. Ни одного провала.

Ногти впивались в ладони. Еще с раннего детства мне стригли их коротко, чтоб я не ранил себя. Но чем сильнее я становился, тем больше мог врезаться ими в ладони. Не было крови, но лунки оставались надолго.

Небо за окном медленно начинало сереть. Нужно было вставать.

Три простые задачи, и ты не должен их завалить.

Я медленно встал с кровати и так же медленно начал приводить себя в порядок: холодная ванная, чтоб даже кости оледенели; вытереться докрасна, растирая себя полотенцем.

Затем костюм. Жесткое накрахмаленное белье, врезавшееся в кожу. Одевание из такой же жесткой белой рубашки, застегнутой под горло, и черных брюк с мундиром. Обязательно галстук, затянутый под самый кадык. Ни одного выбивающегося волоска из прически. Выбритость до синевы. Ногти подстрижены под мясо.

Протокол, заученный с самого детства. Принц идеален во всем, или его не должно существовать.

Ленард уже ждал меня у выхода из анфилады. Я придирчиво осмотрел его форму и внешний вид, сказав:

— Манжеты проглажены неровно. Стрелка на брюках под кривым углом. Ты вообще куда собрался? На рынок?

Свенн все с таким же безразличным видом отвечал мне:

— В следующий раз обязательно учту все ваши замечания, мой принц.

— Следующего раза у тебя может не быть, — рыкнул я.

Отец не одобрил бы столь быструю смену сквайра, узнав, что принц не может управиться с одним туповатым слугой. Нужно было потерпеть его хоть полгода.

Мы вышли в главный двор, где уже собрались все приглашенные журналисты, жаждавшие последнего комментария короля перед отправкой сына в «новый этап его жизни». Отец уже стоял там, под прицелами стереокамер. Он подозвал меня выученным ласковым кивком головы.

Я гордо выпрямился и подошел к нему. Мы встали в знаменитую позу дома Нилиона: его рука на плече, выправка, легкая улыбка и прицельный жесткий взгляд в объектив стереокамеры.

— Разумеется, все мы не сомневаемся в том, что принц Алан пройдет все испытания, ниспосланные Благодетелем, — величавым тоном вещал отец на камеру. — Он преисполнен уверенности и готов с честью выдержать все испытания. Верно, мой принц?

Его рука сжала мое плечо до боли. Стоял недостаточно прямо.

Никакой жалости к себе. Ты преисполнен уверенности и готов вынести все испытания, что ниспослал Благодетель.

Почему ты родил меня таким? Я не спал и почти не ел. Моя плоть слабее духа.

— Верно, мой принц? — повторил вопрос Эйл.

— Верно, мой король, — с холодной гордостью ответил я.

Трудности и неожиданности первого учебного дня

Когда мы вышли из межпространственного портала и оказались прямо у главных ворот Тинтагеля, то с огромным трудом смогли протолкнуться между толпами таких же поступающих, сновавшими в разные стороны.

— Они правда хотят опозориться! — ворчал я на Высшем наречии, языке нашего королевского двора, чтоб нас никто не мог подслушать. — Благодетель, зачем устраивать конкурс для студентов со всех миров Измерения! Еще и женщин решили принимать! Как они собираются обучить эту ораву?

Ленард закатил глаза. И я уже готов был высказать ему все, что о нем думаю, но он

успел принять достойный вид и спросил:

— Мой принц, когда мне идти готовить вашу комнату?

— А распределение ты проходить не собираешься? — приподнял я бровь.

— Но я не подавал документы.

— Мы за тебя подали. Ты будешь учиться вместе со мной.

Сквайр остолбенел. Я щелкнул пальцами у его носа и объяснил:

— В мотивационном письме ты написал, что мечтаешь стать Целителем. Мы решили дать тебе шанс, когда истечет мой срок обучения. В конце концов, долг обществу должен отдавать не я один.

— Но ведь... Это мечта! Не было шанса... — Свен разом растерял всю свою бесстрастность. — Мой принц, я...

Эмоции меня раздражали. Я считал, что сдержанность должна стоять во главе. Даже улыбался я по стандарту, указанному в протоколе: уголки губ подняты ровно на этот угол, легкая россыпь складок на лбу, небольшие морщинки в уголках глаз. Искренно, но не слишком. А придыхания и слезы действовали мне на нервы.

— Теперь есть. Мне нужен образованный сквайр. И, пожалуйста, не реагируй на все как девица.

Мы оба были одеты в форменные мундиры нилионских высших чиновников, потому привлекали взгляды окружающих. Трудно было не узнать парня, чье фото мелькает чуть ли не на каждой обложке журнала «Королевская кровь». Я делал вид, что не происходит ровным счетом ничего особенного, взял карту кампуса и расписание распределения и даже спросил у распорядителя, где находится главная аудитория.

Однако, не обошлось без инцидента. Стоило мне приняться за изучение бумаг, как раздался громкий щелчок. Я заморгал, ослепленный яркой вспышкой. Разумеется, писаки прибыли и сюда. Я ко всему этому давно привык. Как и к вопросам, сыпавшимся на меня со всех сторон.

Я мысленно построил между собой и ними толстейшую стену. Их пошлость ударялась о стену моей невозмутимости. Когда мне уже почти удалось прорвать эту стену, Ленард выскочил вперед, загораживая меня, и заорал:

— Господа журналисты, за каждый вопрос его Высочество берет пару тысяч маджикпоинтов! А за ответ — пять тысяч! Вся вырученная сумма, само собой, пойдет на благотворительность! Есть желающие? Нет? Тогда покиньте площадку перед школой!

Писаки испарились, как Лефарийские запасы достоинства. Ленард гордо подбоченился:

— Как я их?

— Провокационно, бездумно, эпатажно, — показал я ему три пальца, — поздравляю, ты только что создал по меньшей мере два скандальных заголовка: «Отмывание денег на благотворительность: неужели Нилион способен на вымогательство?» Или как тебе: «Скандальный сквайр: серый кардинал принца Алана или просто его пешка?»

Ленард посмотрел на меня исподлобья и вдруг изрек:

— Кажется, вы голодный.

Поспорить с ним было трудно. Желудок ныл от резей и уже давно подташнивало. Но я не делился постыдными слабостями с прислугой:

— С чего ты взял? Я прекрасно себя чувствую.

Ленард вытащил батончик из кармана мундира и решительно протянул мне:

— Ешь.

— Какого Пекла ты носишь еду в карманах мундира, который стоит, как храм Централы?! Сейчас начнется церемония! — прошипел я.

— Мундир можно выстирать, а твой обморок нам точно не нужен! Жуй, говорю!

Я аккуратно надкусил батончик, хотя хотелось просто вцепиться в него зубами и проглотить в один момент. И хоть в глубине душе расцветало желание выговорить сквайру за панибратство (с каких пор он вздумал мне тыкать?) и за ношение еды в дорогушем парадном мундире, его быстро вытеснило совсем другое чувство.

Благодарность.

***

Экзамен на распределение проходил в огромном просторном светлом зале. Когда все расселись за одноместные крохотные парты, на трибуну взошел седенький сгорбленный старичок в светлой мантии, опирающийся на посох. За ним следовал мужчина лет сорока, одетый в синий жилет и светлые брюки. Он помог старичку устроиться поудобнее и приказал:

— Поступающие, приветствие!

— Доброго здравия, рыцарь Персиваль! — громогласным эхом отозвались все.

Я не сводил восхищенного взгляда со старика. Не каждый день живая легенда поколения стоит перед тобой! Это был он, член союза Познания, Персиваль, величайший рыцарь во всем Измерении! Он заставлял ужаснейших порождений Зверя бежать без оглядки, только лишь подходя к ним и произнося особое слово, которое никто не знает до сих пор! Он приручал самых диких зверей и владел всеми видами оружия! Я с огромным трудом заставил себя сидеть смирно, хлопая четко в такт, хотя порывался вскочить с места и орать на всю аудиторию от восхищения.

Директор заговорил тихо, но клянусь, каждое его слово было слышно даже в самом дальнем углу аудитории:

— Здравствуйте, смелые юные умы. Я рад видеть вас всех в этот прекрасный день. Знаю, прямо сейчас вас раздражают волнение и стремление узнать, к какому мастерству у вас есть предрасположенность. Вы талантливый инженер? Или же непревзойденный разведчик? Или же спасающий жизни лекарь? Ни один ваш талант не пропадет незамеченным. Однако же помните, что все свои силы и все свои таланты и навыки вы должны отдать на благо команды, которая станет для вас второй семьей. Единство и братство — вот ради чего существует школа рыцарей Тинтагель. И вот чему здесь в первую очередь здесь научат вас. А теперь откройте буклеты с заданиями и приступайте к вашему первому испытанию в этих стенах.

Половина парней из моего выпуска никогда не встанут на защиту Измерения. О сэр Персиваль, вы никогда так не ошибались.

Я не собирался растрчивать себя на вопросы вроде «Распределите указанные травы на лекарственные и ядовитые» или «Каким маневром следует объезжать рядом стоящие транспортные средства».

Я собирался стать инженером. И никем другим больше.

Сэр Персиваль не соврал, сказав, что каждое направление важно. Но я считал, что нет и не было более почетного направления, чем инженерия. Инженер проектировал для команды новейшие виды оружия, имел доступ ко всем техническим лабораториям Тинтагеля и мог даже освобождаться от занятий, чтобы посещать семинары. Инженера берегли и ценили, чтобы ничто не мешало ему творить. Правда было одно «но»: его всегда старались захватить

в плен или убить первым. Однако и спасали всегда в первых рядах.

Я с блеском ответил на вопросы по циклу «Угадайка» и на вопросы с кратким вариантом ответа из блока «Точные науки». На задания со свободным ответом ушло больше времени. Чертеж новейшего двигателя для мотоцикла, который снился мне целое лето, я закончил за полчаса до конца распределения, к своему недовольству, не сумев выразить всю глубину несогласия с новыми протоколами безопасности для экипировки мотоциклистов. Однако, даже весьма поверхностного эссе было достаточно

Как только я положил стилус на стол, на экране планшета высветилась такая прекрасная и вожделенная для меня надпись

Церемония Распределения успешно завершена. Специальность «Инженерия»

Ленард сидел совсем неподалеку от меня и тоже успел пройти церемонию Распределения. Его зачислили в Целители, что меня обрадовало.

Уж чего, а конкуренции бы я не потерпел.

***

— Здорово, что мы в одной команде, — прошептал Ленард на Наречии, пока мы шагали по коридору, пробираясь сквозь общую суматоху.

— Ты ожидал чего-то другого? — разглядывал я карту кампуса с отмеченным местом встречи нашей команды. — Отец дал высшее распоряжение о том, чтоб ты всегда был неподалеку от меня.

— Просто... Не думал, что король Эйл будет как-то нам содействовать.

— И не будет. Эта услуга была первой и единственной.

Ленард вздохнул с явным разочарованием. Очевидно, он ожидал, что отец будет раздавать мне привилегии налево и направо, попутно осыпая милостями и его. Что тут сказать, ожидания не оправдались.

— Рад, что ты стал Целителем, — произнес я достаточно мягко, но как бы вскользь, дабы не показать ему своей эмоциональной вовлеченности.

— О да! — широко заулыбался он. — слышал, тут прекрасная медицинская программа! И сразу же будут давать работу в лазарете. Честно, даже рад, можно...

Я жестом остановил сквайра, показав взглядом, что не слишком заинтересован выслушивать его соображения, показав пальцем на поворот коридора:

— Кабинет двадцать пять. Нам направо.

Мы пришли как раз вовремя. Все остальные члены команды были уже в сборе. И не нужно было быть тонким душеведом, чтобы сделать о них весьма точные выводы:

Слабаки.

Компания людей, терпеть которых я должен был целых три года состояла из щуплого парнишки с рыжевато-каштановыми взъерошенными вихрами, могучего вида русоволосого парень, испещренного мелкими ранами и царапинами с удивительно отрешенным взглядом, и сардонического вида объекта, обритого наголо, похожего на беглого преступника наглым взглядом ядовито-зеленых глаз. И все они разом уставились на нас.

Я сделал вдох и вспомнил совет, который дают всем членам королевского дома Ниллиона, попавшим в положение, которое им, к сожалению, не поправить:

Сохраняйте стойкость духа и будьте любезны к каждому

— Добрый день, господа! — улыбнулся я. — Рад со всеми вами познакомиться.

Сокомандники хранили молчание. Положение становилось все более и более неловким.

— Вижу, мы теперь работаем вместе, — с невозмутимым видом продолжал я, —

преисполнен больших надежд на сотрудничество...

И снова молчание. Отвечать мне никто не собирался.

— Прошу прощения, если между нами возникло недопонимание, — понизил я тон, — но не потрудитесь ли вы ответить хоть на одну мою фразу? Это базовая коммуникация, не так уж сложно ее освоить.

— Сейчас рожу, — выдохнул сардоник, — Пекло и Смола! Это типа настоящий принц? Не голограмма?

— Прошу прощения, но роды не входят в ваши физиологические обязанности, — с огромным трудом сохранял я внешнюю любезность, — не потрудитесь ли...

— А как к вам обращаться? — прервал меня тощий парнишка. — По титулу?

Ситуация накалялась как отродья Зверя на вертеле. О базовой вежливости никто из этих чурбанов явно не слышал. Ленард, стоявший у меня за спиной, молчал, но краем глаза я видел, что ему самому очень неловко.

— Учитывая тот факт, что мы будем много времени проводить вместе, полагаю, вы можете звать меня Алан. Но никаких сокращений, пожалуйста. Я это не приветствую.

— Это будет не так просто, — мечтательным тоном отозвался парень с отсутствующим взглядом, — с нами разговаривают как в посольстве. Прости, но лично у меня сейчас желание сделать книксен.

— Книксен подходит лишь для женщин, — скулы сводило от улыбки, — если уж так хочется, позволятся неглубокий поклон, но спину полностью сгибать не стоит, так что...

— О, базовые уроки этикета! — раздался позади нас бойкий звонкий голос. — И зачем я лазал весь вечер по Сети?

Голос исходил от парня чуть старше нас с копной курчавых рыжевато-каштановых волос. Одетый в традиционное обмундирование рыцарей, состоящее из черной водолазки, брюк из плотной грубой ткани, ботинок и жилета, он походил скорее на пажа, решившего тайком надеть наряд господина, пока тот ненадолго отвернулся. И мне он сразу не понравился, ибо один выскочка уже пил мою жизнь.

— Да, так называемый рыцарь! — повернулся я к нему, с трудом держа интонацию на слегка прохладной, хотя уже хотелось рычать. — Хотите, преподам еще? Здравойтесь и не вступайте в разговоры людей, пока к вам не обратились!

Парень выслушал меня и ответил, все так же широко улыбаясь:

— Да без вопросов. Только дай инструктаж проведу. Кстати, разговаривать так будешь только со своим слугой, и то, пока я не вижу. Ребята, приветствую! Меня зовут Адам Горн. В этом учебном году я буду вашим капитаном.

Ох, как ужасен и горек вкус первого позора. Авторитет в команде был утерян, даже толком не найдясь.

— Вижу, что все здесь, но давайте проведем переключку, — достал он панель из сумки. — Фланн Бернадотт, разведчик.

— Я, — прижал руку к груди сардоник, отдавая честь.

— Как там в Пустошах? Ты же из них, судя по глазам? — дружелюбно улыбнулся Адам.

— Жил последние пять лет в Централле, — спокойно ответил ему тот, — Друзья говорят, что ветра стали лютыми.

— Никакого спасу от них, — кивнул капитан, — Тиннакорн Розенкранц, укротитель.

— Так точно, — кивнул тот.

— Твои родичи настоятельно просили быть с тобой пожестче, — почесал стилусом лоб

Адам, — говорят, ты мечтательный.

— Борюсь с этим недостатком.

Горн подмигнул ему и переключился на щуплого парнишку:

— Томас Нарт, водитель. Видел тебя на юниорских гонках в прошлом году. Рад, что ты смог проявить себя. Как прошел тест-драйв?

— Лучше некуда! — заверил он. — Поступление в Тинтагель без экзаменов!

— Смотри, нос не задирай! В этом году обещали плотную программу по вождению, — ответил ему Адам, — так, сквайр Ленард Свен, целитель. На чем планируешь сосредоточиться?

— Хирургия и реанимация, — с гордостью ответил сквайр. — Начну, конечно, с основ. Хочу стать лучшим в своем деле.

— Серьезный задел, надеюсь тебе он придется по зубам, — все так же душевно и тепло обратился к нему Адам, — что ж, а теперь наша суперзвезда, которая решила показать себя еще до начала занятий, но пролетела как фанера над Парижем. Его королевское Высочество Алан Нилионский, инженер. Прости, что не могу взять у тебя уроки этикета. Расписание забито.

Фанера над чем?

Я промолчал. Очевидно, что моя позиция была самой проигрышной. Адам был вежлив и любезен со всеми. Кроме меня.

— В конце моего инструктажа я раздам вам пакеты с формой и расписание на семестр, — встал он у лазерной доски, расписывая схему, — пока же сосредоточимся на речи сэра Персиваля, а точнее на двух главных составляющих, которые обеспечат вам относительно спокойное и беспроблемное обучение: единство и братство. Ну, думаю, принц Алан уже подал вам пример того, как вести себя не надо.

— Указывать на мои недостатки при всей команде как минимум неэтично, — подал голос я.

— Да? — обернулся ко мне Адам. — Задирать нос тоже не есть хорошо. Ага, я слышал, как ты с ними разговариваешь. Люблю подслушивать, столько нового узнаю.

Я закусил себе щеку. Очевидно, моя вежливость была воспринята как гордыня, но то было совершенно не так. Будь моя воля, то уже бы морально уничтожил всех присутствующих в этой комнате.

Но что же было не так в речи капитана? Произношение или странные слова, которые я в жизни не слышал даже от прислуги. Что еще за «Париж»?

— Что же следует понимать под «единством»? — развернул перед нами доску капитан. — Это значит, что вы должны работать как единый слаженный организм. Лажает один — лажает все. Именно потому рассматривайте свои личные амбиции через призму амбиций команды. Потому, как писал один известный автор у меня на Земле: «Один за всех, и все за одного!».

— На Земле? — сорвалось у меня с губ. — То есть вы...

Адам медленно подошел ко мне, все так же держа стилус в руках. Судя по его взгляду, я уже изрядно действовал ему на нервы.

— Я англичанин, — ответил он, — родился в Лондоне, соединенное королевство Великобритании, Шотландии и Ирландских островов. Предки сеяли Просвещение при короле Якове Первом. У меня есть право на жительство и поступление без экзаменов в Гвардию. А также я с блеском сдал все экзамены по владению языком, потому могу сказать

тебе все, что думаю, на чистейшем маджиклете. А теперь, пока я все еще в хорошем настроении, у тебя есть претензии насчет моего происхождения?

Я помотал головой. Ленард стоял все так же неподвижно, но его скулы покраснели.

— У кого-то еще есть претензии насчет моего происхождения? — оглядел команду Горн.

Парни молчали. Адам прокашлялся и продолжил:

— Перейдем же к «братству». Не хочу показаться излишне пафосным, но вы правда должны таковыми стать. Вам придется друг с другом жить и работать долгих три года. Вы или друг друга сожрете, или же станете друзьями навек. Третьего не дано, пацаны.

Перспектива «брататься» с абсолютно незнакомыми людьми совершенно не радовала. Виски и желудок отозвались острой болью почти одновременно. Капитан же завершал свою речь:

— Завтра у вас трудный день. Наешьтесь, отоспитесь, а завтра в бой. Пакеты с формой и расписанием уже лежат на столе. Все свободны!

Сокомандники разобрали пакеты и направились к выходу. Как только я сам подошел к двери, Адам окликнул меня:

— Алан, на пару слов. Ленард, тебя не касается. Думаю, твой принц найдет комнату сам.

Сквайр недоверчиво посмотрел на нас обоих. Я жестом показал ему уйти.

— Буду ждать вас, мой принц, — попрощался со мной сквайр на Высшем наречии.

Как только дверь захлопнулась, Адам присел за стол и устало потер глаза. Я стоял, не решаясь даже прислониться к стене.

— Ешь, — протянул он мне очередной ненавистный питательный батончик, — мне рекомендовано следить за твоим весом. Дадут конфетку, если наберешь пару-тройку кило.

— Спасибо, Капитан, — сдержанно кивнул я, — но подожду до обеда. Мой сквайр дал мне перекусить перед Распределением.

— Оставь уже своих Капитанов, — отмахнулся он, — я Адам. Просто Адам.

— Адам, — кратко кивнул я.

— Уже лучше, — хмыкнул тот, — так вот, дорогой, мне уже наговорили о тебе столько интересного.

— Хорошего или плохого?

Капитан заинтересованно прищурился и заговорил:

— Говорят, ты знаешь три языка.

— Все так. Я говорю на маджиклете, Высшем наречии, и немного понимаю язык Пустошей.

— Твой первый гувернер — сэр Кристобаль, лучший выпускник сэра Персиваля.

— Он? Нет, скорее наставник. Проводил экзамены для меня каждый год.

— Ты обладаешь абсолютным музыкальным слухом и лабаешь на пяти музыкальных инструментах.

— Лабают в грязных тавернах, — сложил я руки на груди, — а я играю. Слух у меня обычный, играю только на пианино. Отцу посоветовали нанять учителя, чтоб воспитать во мне концентрацию.

Адам нахмурился и произнес:

— Что ж, из того, что я услышал, можно сделать вывод, что ты одаренный, умный, сосредоточенный и сдержанный молодой человек.

— Так и есть.

— Тем не менее, на брифинге ты вел себя как высокомерная дрянь, — холодно закончил Горн, — потому я и оставил тебя, чтоб донести лично с глазу на глаз одну мысль.

— Готов ее выслушать, — произнес я сквозь зубы.

В висках застучало сильнее, так, словно кто-то попеременно вбивал гвозди.

— Я не буду делать тебе никаких поблажек, — встал из-за стола капитан. — Будешь работать в два раза тяжелее и больше, чем твои сокомандники. Если твой отец вздумает до меня докопаться — переживу. Мне будет хорошо и в гвардии, и в автомастерской на «зачуханской» Земле, или как вы любите поносить моих собратьев.

— Думаешь, отец просто не даст твоей карьере ход? — ухмыльнулся я. — Поверь, король Эйл Нилионский умеет доставлять неприятности и похуже.

Адам улыбнулся и промурлыкал:

— Так ты любишь состроить из себя львенка и порычать. Я тоже люблю. Посмотрим, кто из нас кого перерычит. Свободен!

Я повернулся к нему спиной и направился к столу за своим пакетом.

— Я знаю, кто ты, принц Алан, — вдруг задумчиво произнес Капитан, — увидел тебя насквозь прямо сейчас.

— И кто же? — спросил я небрежным тоном через плечо.

— Расскажу в конце первого года. Топай отсюда.

Мне и правда откроют глаза на свою истинную натуру. Но это будешь не ты. И победа в нашем состязании дастся одному из нас горькой ценой.

***

— Спасибо, что пришел, — я горячо поприветствовал сквайра, стоило тому только зайти в мою комнату, — возникла срочная проблема, только ты можешь помочь.

Меня поселили в одноместной комнате с отдельной ванной, обставленной невероятно просто, можно сказать, почти не обставленной: железная койка с матрасом и голой подушкой, письменный стол, стул, комод и шкаф. Стены были абсолютно голые, выкрашенные в белый цвет. Свет ламп на потолке ослеплял холодным сиянием, будто желая ослепить. Но что было самым ужасным — звенящая пустота. Полное отсутствие звуков.

Мои покои во дворце были убежищем, маленьким царством, где я мог спрятаться от огорчений и бед. Там скрипели половицы, шуршали на ветру шторы, свет от канделябров был мягко-золотистым и приглушенным. Там пахло моими любимыми книгами, духами и травяным настоем, которым меня поили перед сном. В тайнике в ящике письменного стола лежали леденцы и графические романы, которые отец ненавидел, но я читал их запоем и доставал через прислугу за пару лишних монет в жаловании. Простыни и одеяла с подушками были мягкими, в них можно было утонуть и забыться во сне, если дела были совсем плохи. Еще был новейший проигрыватель, который я включал, пока работал над заданиями для учителей, и слушал концерты для королевского оркестра.

В этой же комнате спрятаться было невозможно. Здесь можно было только обитать, находиться. Но не жить.

Через два часа после моего заселения, которые я провел, сидя на стуле, уставившись в стену, по пневмопочте доставили три пакета: постельное белье, пижама и туалетные принадлежности. От всех пакетов несло дезинфицирующим средством, от которого в носоглотке тут же запершило. Казалось им пахло на всю комнату.

Я решил отложить решение проблемы на вечер и ушел на обед, совмещенный с ужином.

Еда была, на удивление, сносной. Свен, которого поселили напротив меня, с увлечением рассказывал сокомандникам, как намеревается стать «лучшим целителем» во всем Измерении. Изредка он оглядывался на меня, ожидая, что я прикажу ему замолчать. Но я сидел как в мороке, запихивая в себя тушеное мясо и овощи. Все вокруг казалось нереальным: огромный зал с большими столами и скамейками, шум и гвалт на всех языках сразу, яркий слепящий свет, много посторонних, порой неприятных запахов. К концу ужина стук в висках переносить было невозможно. Я вскочил и убежал к себе в комнату, жмурясь от боли и с трудом разбирая дорогу, а оказавшись в комнате, тут же заперся на все замки.

Пришло время ложиться спать. Я вскрыл пакеты и с трудом подавил подступавший стон отвращения. Зубная щетка и паста с гелем пахли, словно горькая микстура от кашля. Пижама и белье были жесткими и пахли так, словно их постирали мылом из смолы и забыли прополоскать. Но хуже всего ситуация обстояла с постельным бельем! Его нужно было заправлять самому! За меня это всегда делала прислуга!

Промаявшись полчаса с наволочкой, я решил отставить гордость куда подальше и вызвал сквайра. Свен пришел уже одетый в пижаму, на удивление спокойный и веселый. Заметив мое весьма удрученное выражение лица, он тут же понял, что случилось.

— Не знаете, как делать? — спросил сквайр, склонив голову набок.

Я лишь кратко кивнул и устало бухнулся на стул.

— Ну, самое время научиться! — бодро заявил Свен, взяв в руки наволочку и подушки. — Сейчас Ленни вам все покажет! Итак, смотрите: сначала нужно вывернуть наволочку наизнанку. Это древний секрет, что открыла мне бабушка! Запоминайте, мой принц!

Он показывал и рассказывал все весело и шутливо, словно уличный артист. Понемногу я начал успокаиваться, даже против воли решился поинтересоваться:

— Сколько тебе лет?

— Будет двадцать в осеннюю пору клена, — ответил Свен, беря в руки пододеяльник и одеяло, — так, а вот и наши враги! Ох, с ними порой никакого сладу! Но не надо отчаиваться!

Когда он полностью застелил постель, стук в висках окончательно затих. Я не хотел себе в этом признаваться, но мне было приятно находиться со Свеном в одной комнате. Он был железно спокоен, словно мысленно убеждая всех: «Нет такой беды, с какой бы я не справился!».

А семнадцатилетнему мальчику, впервые оказавшемуся вне дома, всегда нужен такой человек рядом.

Потому, когда я понял, что нам пора расходиться, то стук заново принялся грохотать в ушах.

— Что вы обычно делаете перед сном? — вдруг, как будто невзначай, спросил Свен.

— Пью травяной настой, — пробормотал я. — Что-нибудь читаю...

— Вот эту книгу? — Свен взял с тумбочки книгу. — «Легенды о короле Артуре и рыцарях Круглого стола»?

— У землян интересное представление о наших Просвещенцах, — небрежно ответил я, стараясь скрыть желание отобрать у него свою самую любимую книгу, которую вез обернутой в четыре слоя бумаги.

— А настой где же раздобыть... — пробормотал под нос Свен. — Ждите пять минут, сейчас вернусь!

Он выбежал из комнаты, оставив дверь распахнутой. Мне стало легче дышать. То ли запахи потеряли свою резкость, то ли дело было совсем не в них...

В горле созрел большой ком, а в груди появилась странная тяжесть. Я сделал пару глубоких вдохов, но ничего не помогло.

— Во! — прибежал сквайр с чашкой в руках. — И не спрашивай, где добыл все это роскошество! Пришлось подключить свое обаяние, связи и легкий шантаж.

Я молча схватил кружку и сделал пару жадных глотков, еще пока не готовый оценить его «жертвы». Настой был слабо заварен, сахара Свен тоже не пожалел, но у меня даже в мыслях не было придирааться к вкусу.

Мне было хорошо, как дома.

Вдруг произошло нечто ужасное. Из глаз потекли слезы. Одна тоненькая струйка за другой. Их не получалось скрыть или незаметно утереть кулаками. Ком в груди нарастал и нарастал. В конце концов, я поставил кружку на стол, закрыл лицо руками и разрыдался.

— Ну, что ты? — осторожно дотронулся до моего плеча сквайр. — В первую ночь всегда тяжело. Когда меня засунули в училище, я ревел не переставая. Меня заставили драить душевые целую пору Ивы. Потом уже догадался, как плакать так, чтоб не видели. Ты выпусти из себя все, чтоб потом на занятиях не палиться, хорошо? Поверь, тут времени на слезы не будет. Так достанут, что едва сил добраться до койки хватит. Ал, ты со всем справишься, не переживай! Ты же вон какой умник, на распределении задачи решал, как настоящий Познанец! Мой отец бы от радости дух испустил, будь я вполовину умен как ты.

У меня с трудом получилось вернуть над собой контроль. Когда слезы перестали литься из глаз, я устало опустил назад на койку.

— А как же чистить зубки перед сном? — пошутил Ленард. — Не хочешь? Ну, ладно. Доброй Темной поры!

— Свен, — окликнул я его, когда тот уже открывал дверь, — ты ничего не видел и не слышал.

— Глух, слеп и нем с рождения, — ответил тот. — Спокойной ночи, мой принц.

Сон настиг меня как буря в Пустоши. Я заснул так крепко, что не просыпался до самого утра.

Во сне мы с мамой гуляли по полю. У нас на головах были венки из всего, что росло под ногами. Она пела мне колыбельные и ласково гладила по волосам.

Мы были счастливы.

Первая миссия и роковая случайность

Что вы знаете о роковой случайности?

Кажется, я обживаюсь в новой роли ходящего говорильника. Пустоши приняли меня, но ветра иногда просто невыносимы. Удивительно, почему меня еще не нашли?

Да, я в бегах. И каждую ночь прожектора освещают мое серое беспросветное существование, словно вторая, третья, а то и четвертая луна.

Я тут! Просто прицельтесь и застрелите!

Заинтригованы? Хотите узнать больше? Не сегодня. Мы будем тонуть вместе, не спеша и со вкусом.

Давайте вернемся к разговору о роковой случайности.

У вас бывали случаи, когда одна малейшая деталь, ненамеренная оплошность или случайная встреча полностью меняли вашу жизнь? Не можете припомнить? Не надо пытаться. Их в вашей жизни было много. Просто вы даже не отдаете себе отчета, не до конца

поняли, что именно с вами случилось.

Ну же, вспоминайте!

Вас не должно было быть там, но вы оказались. Все стояло против вас, но вы словно храбрый маленький камешек сопротивлялись бурному потоку, пытавшемуся снести вас с пути.

Вы должны были завянуть и зачахнуть, но... Вы цвели вопреки всему.

Вы вспомнили? Видите хоть что-то в этой россыпи осколков?

Не должен был быть там... Случайность, ошибка... Поток подхватил меня, как можно было сопротивляться?

ВСПОМИНАЙ НЕ СМЕЙ ЗАБЫВАТЬ!

***

Казенный будильник прозвенел ровно в шесть после Темной поры. На рефлекс я нажал на кнопку остановки, сел на койке, съежившись в комок и протер глаза.

Свет включился в комнате автоматически, потому я зажмурился, прикрыв глаза рукой. Было нестерпимо душно, потому что система кондиционирования воздуха работала только пару часов ночью, а потом ее отключали, боясь разгула эпидемии простуд. Я нечаянно вдохнул спертый воздух с ароматом дезинфекции полной грудью и закашлялся.

Первый месяц выдержан. Осталось лишь каких-то девять.

Пять минут на пробуждение закончились. Далее шло время утреннего туалета: встать под обжигающе холодные струи воды и смыть с себя весь сон; почистить зубы быстрыми и жесткими движениями, чтобы нечаянно не распробовать вкус мерзкой пасты; выбриться и причесаться. И как всегда никаких полумер.

Или принц выглядит идеально, или никому ненужен такой принц.

Форма для утренней разминки висела на дверце шкафа еще с прошлой ночи: футболка, штаны и теплая кофта с капюшоном. Я сдавал всю одежду в прачечную каждые три дня, потому что считал вещь грязной, стоило ей хоть немного пропахнуть потом. У работников от одного моего вида случалась истерика. А у меня случалась истерика от их средств для стирки, так что ненависть была обоюдная.

Зарядка начиналась ровно в семь после Темной поры. На поле для тренировок выстраивались ровные ряды заспанных и злых однокурсников. Моя команда с утра вообще напоминала главный совет Пекла во плоти. Фланн злобно посмотрел на относительно бодрого меня и проворчал сквозь зубы:

— Почему твоя светлость по утрам всегда такая свежая? Ты вообще устаешь?

Смертельно. Каждый день. Не жалею себя.

— Дисциплина, организация режима и выдержка, — показал я три пальца. — Если с первого дня составить для себя расписание и придерживаться его, то проблем с адаптацией не будет.

Фланн лишь злобно что-то прорычал про себя. Я пропустил его слова мимо ушей. Он был против любой власти, так что моя персона раздражала его одним существованием.

Свен прошептал мне на ухо на Высшем наречии:

— Он выйдет на связь сегодня после обеда.

— Отлично, — ответил я. — Подготовь мой костюм.

— Есть.

Сокомандники косились на нас с большим подозрением. Им не нравилось, когда мы говорили между собой на непонятном им языке. Мне же не нравились слухи, что про меня

распускали. Прецеденты уже случались, заголовки газет мне не понравились.

«Принц Алан не может совладать снапором воды vsвоей личной душевой».

Зверье.

Я не нравился в команде решительно никому. Фланн считал меня высокомерным и заносчивым; Тиннакорн полагал, что я глубоко травмирован (душеведство не было его стезей); мнение Томаса я не учитывал, потому что тот шел за большинством; а что думал про меня Свен было неважно. Пятьдесят тысяч в месяц ему платили не за мысли.

С конца строя раздался свисток сэра Роланда, заместителя сэра Персиваля и заведующего нашей физической подготовкой. Я бросился бежать до противоположного конца поля.

Однокурсники были удивлены, осознав, что я не слабак. Они ожидали, что изнеженный белокожий и худощавый принц не выдержит даже вводной тренировки. Но все нормативы я сдавал с блеском. Инженеров не учили на первом году дуэлям, потому еще никто не знал, что мне было вполне по силам одолеть любого противника.

Отец верил в пользу физического воспитания. В королевстве, где зима бывает настолько лютый, что воздух замерзает, а лето настолько жарким, что плавится даже железо, выживает сильнейший.

Я несся впереди всех. Свежий холодный осенний воздух был для меня благодатью. Сквозь утренний туман лучи солнца светили мягкой позолотой. И я бежал за ними. Бежал за светом, лишь бы не оставаться в этой удушающей темноте.

Звон свистка вырвал меня из сладостной и мучительной погони за солнцем. Пот заливал всю спину и лицо, дыхание с хрипом вырывалось из груди. Однокурсники рядом падали на землю и не могли даже перевернуться на спину.

Я брезгливо смотрел на них всех и думал, что Измерение явно под угрозой, если защищать их должны были абсолютно небоеспособные единицы.

— Рыцари, подняться! — рыкнул сэр Роланд. — Завтрак через двадцать минут, всем привести себя в порядок!

Для экономии времени и сил после пробежки нас заставляли пройти через специальную арку с очищающими чарами, которую я считал единственным полезным изобретением ведуний. Я с некоторой неприязнью прошел эту процедуру, ощутив холодок по всему телу.

Старая добрая ванна с холодной водой работала куда лучше.

— Табели успеваемости уже лежат на столах в классах для теоретических занятий, — услышал я наставления Роланда, — Затем состоится собрание команд, где ваши капитаны подведут итоги первого месяца. Вечерней пробежки не будет, можете немного выдохнуть.

Я чуть не взвыл от обиды. Вечерняя пробежка была идеальным способом заснуть как можно быстрее. И ее в этот день бессовестно забрали, заставив меня провести целый вечер комнате без дела.

Пять минут напереодевание вкостюм для гражданских занятий. Водолазка, черные легкие брюки, ботинки ихалат. Ниодного пятнышка или помятости. Перед преподавателями надо появляться во всем блеске.

Завтрак я проглотил молниеносно, даже не ощутив вкуса еды. Столовая окончательно и бесповоротно упала в моих глазах, став миниатюрной версией Пекла. Пришлось учиться не отвлекаться на шум, мысленно переносясь в куда более приятные места: фамильную библиотеку или поле рядом с Артенаром, где никто не галдел и не надрывал глотки. Моих

сокомандников злила эта отстраненность, но сделать они ничего не могли.

В класс я влетел как на пегасе и мигом ринулся к своей первой парте, стоявшей прямо перед столом преподавателя. Руки дрожали и сердце бешено колотилось, пока я разрывал конверт и доставал заветный табель с оценками.

Результат меня безумно порадовал. По высшей математике, физике, черчению, конструированию, основам инженерии, семинару по творческим идеям, общей физической подготовке я получил «Великолепно». Внизу даже стояла приписка для Адама:

Перспективный студент иподающий надежды изобретатель

Это была самая прекрасная фраза в моей жизни. Месяц зубрежки за учебниками, месяц недосыпа и месяц обжигающе холодных ванн. Месяц сдавленных рыданий в подушку от усталости и месяц ранок на ладонях от ногтей, впивавшихся в кожу каждый раз, стоило только почувствовать сонливость.

Все окупилось. Все было незря.

Программа инженерии была в Тинтагеле самой лучшей в Измерении: экскурсии в лучшие технические лаборатории Централа, семинары с ведущими инженерами гвардии Союза Познания, лекции от, Пекло и смола, самого сэра Клауса, создавшего двигатель для сверхскоростного мотоцикла, который был на вооружении у рыцарей целых тридцать лет и не устарел!

А как же были прекрасны мастерские, где можно было сидеть хоть Темной поры, создавая проекты и ни на что не отвлекаясь, потому что все необходимое оборудование никогда не переводилось!

Кстати, половина моих коллег-инженеров недоживет до выпускного. Безумная растрата рабочей силы и денег.

— Доброе утро, рыцари! — зашел в класс сэр Уильям, куратор отделения Инженерии. — Сегодня утром я подписывал ваши первые табели успеваемости. И не стану скрывать, что получил невероятное удовольствие, видя некоторые из них. Вы все потрудились на славу.

Никто из них не получил приписку «Перспективный студент». Я точно знаю. Никто не пашет больше меня.

Именно сэр Уильям и был моим первым пунктом в задаче «Авторитет». Его взгляд остановился на мне, и я заметил, что он одобрительно кивнул только одному мне. И никто не смог бы переубедить меня в обратном.

— Как вы уже, наверное, знаете, научная ярмарка пройдет через каких-то два месяца. Мы решили сделать исключение и допустить первокурсников до участия. Можете попросить организационные документы у своих капитанов. Показ проектов состоится совсем скоро, победители будут допущены до финального показа перед началом зимы. Не буду желать вам удачи, а почему?

— Потому что удача здесь не причем, — ответил я раньше всех, — только лишь труд, упорство и креативность.

— Вижу достойного кандидата на победу, — улыбнулся Уильям и произнес уже на Высшем Наречии: — Я лично передал копию табеля твоему отцу. Не сомневаюсь, что он будет гордиться тобой.

Доблестные рыцари, к сожалению, понятия не имели, что один из секретов величия королевского дома Нилиона — невозможность насытиться. Нам никогда не бывает достаточно. Нам всегда мало.

Одногруппники смотрели на меня украдкой. Я чувствовал спиной их зависть и злобу. Любимчики учителя никогда не были в чести. Но мне было наплевать. Я купался в ненависти этих лентяев и посредственностей, которые не были готовы поставить на карту все самое ценное.

Которые не были готовы пожертвовать собой ради высшей цели и высшего блага.

Которые готовы были отступить, когда дела шли наперекосяк.

Одним словом, я не ощущал за собой никакой вины.

— Служу Магическому Измерению, своей славной родине Нилион и моему старинному и благородному королевскому дому, — встал я из-за стола и отдал честь командиру.

***

— Ешь давай, сейчас все остынет, — шипел Ленард, двигая ко мне тарелку, — давай, машинка врум-врум залетает в гаражик!

Месяц совместных занятий до глубокой ночи и учений по застиланию кровати привел к удивительным последствиям. Теперь мы оба обращались друг к другу на «ты», изредка лишь вспоминая про субординацию. Свен все больше и больше начинал переходить границы дозволенного, то передразнивая мой акцент, то иногда в шутку перемешивая стилусы на моем столе, то насильно таща меня на прогулки в редкие часы отдыха. Меня злило такое панибратство, но и терять помощника в борьбе с пододеяльником и домашними заданиями по толкованию книги о Сотворении Мира я тоже не хотел. Пришлось смириться. И уже к началу второго месяца я с раздражением начал признавать, что мне это нравится. Что мне нравятся его шутки, что я рад его приходу, что даже молчать с ним приятно. Никаких логических объяснений тому не находилось. Выходит, то была дружеская симпатия.

До сеанса связи с отцом оставалось всего ничего. Я переоделся в мундир для светских аудиенций и сидел на скамейке, не в силах даже взять вилку и приняться за пирог с мясом. Гвозди забивались в виски с удвоенной силой, в желудке стоял противный ком, который грозился вот-вот выйти наружу.

— Я набрал полтора килограмма мышечной массы, — прошептал я. — Что ты вообще ко мне привязался? Ты мне не нянька!

— Ох, ошибаешься! — парировал Ленард. — Я твоя нянька, твой секретарь и душевед на досуге! И, если ты опять припрешься с собрания, держась за стенку, я не знаю, что с тобой сделаю! Ешь давай!

Фланн, сидевший справа от нас, что-то прошептал на ухо Тиннакорну, но тот лишь осуждающе покачал головой. Я встал из-за своего места и подошел к парням:

— Какие-то проблемы, Бернадотт? — спросил я максимально спокойно, хотя понемногу кровь начинала закипать.

— У меня никаких, — язвительно ответил тот. — Тебе можно нас обсуждать на своем языке, а нам нет?

— Оцениваешь себя слишком дорого, — процедил я, — Мы обсуждаем не вас.

— Так и мы обсуждали не вас! — встрял Розенкранц. — Фланн опять рассказывал очередной тупой анекдот.

— Мне не терпится его выслушать, — сложил я руки на груди.

Ленард дотронулся до моего плеча, но я скинул его руку. Перед глазами появилась красная пелена, кровь стучала в висках. Хотелось взять и избить Звереныша чем-то тяжелым.

— Да легко, — ответил Бернадотт, — поделил король свои владения между тремя сыновьями. «Зверь меня сожри!» — ответил четвертый сын.

Я подошел к нему совсем близко. Поганец едва доставал мне до подбородка. Я склонился над ним и прорычал:

— Анекдот твой ужасен. Совсем шутить не умеешь.

— Парни, вы что тут затеяли? — раздался позади нас голос Адама.

Фланн уже хотел открыть рот, но я перехватил инициативу и фальшиво бодро произнес:

— Делились друг с другом смешными историями. Не понять мне ваш юмор! А теперь прошу простить, мне пора на сеанс голограммосвязи с отцом.

***

Достижения науки и техники Измерения позволили нам общаться через голограммы. Собеседник стоял перед тобой как живой, и порой его цифровую копию нельзя было отличить от оригинала.

Отец оглядел зал для связи и слегка рассеянно произнес:

— Да, здесь и правда ничего не поменялось. Персиваль старается сохранять дух старого доброго рыцарства.

— И у него прекрасно получается, мой Король, — робко вторил я, сложив руки за спиной и вонзив ногти в ладони.

Он снисходительно посмотрел на меня и приподнял уголки губ. Мне показалось, что мир приобрел в момент тысячу ярких цветов.

Папа улыбнулся...

— Я получил твой табель успеваемости, — продолжил отец, — и могу заключить, что ты проделал весьма неплохую работу. Тем не менее, спешу напомнить, что нет предела совершенству. И ты несомненно порадуешь меня и месяц спустя.

«Весьма неплохая работа» звучала из уст отца как высшая похвала. Почетнее было только «Очень даже недурно».

— Рад быть причиной вашей гордости, мой король, — поклонился я.

— Однако меня расстраивает твое пренебрежение социальными навыками, — жестом остановил меня тот, — ходят слухи, что ты не общаешься с сокомандинками. В чем причина?

О нет.

— Мой король, — прикусил я уголок губы, подбирая нужные слова, — я заслужил достойную репутацию у всех преподавателей и уважение капитана...

— Меня не интересуют эти аспекты. Отвечай на мой вопрос.

— Боюсь, что мои так называемые, сокомандники не являются важными звеньями в цепи поставленных задач, — закончил я фразу.

Отец шумно втянул воздух через нос. У меня подкосились коленки. Он делал так всегда, когда был недоволен мной.

— Что значит «не являются важными звеньями в цепи»? — прошипел родитель. — Ты хоть понимаешь, что писаки следят за нами с самого момента твоего отбытия?

— Да, мой король.

— А знаешь ли ты, глупец, что их сеть осведомителей невероятно расширилась? Ты осознаешь, что все твои товарищи могут быть уже подкуплены?

— Мой король...

— Молчать! — рявкнул тот. — Ты мог подвергнуть нашу репутацию ущербу! Какие твои доказательства, что обиженные юнцы уже не рассказывают о тебе сплетни?! Мне хватило статьи про напор воды в душе! Так ты благодаришь старинный рыцарский замок за то, что

принял тебя в своих стенах?!

Я не мог сказать ни слова в свое оправдание. Ноги едва держали меня, воздуха катастрофически не хватало. Каждое слово отца било меня под дых.

— Мой король, — только и смог я выдать из себя, — я делаю все, что в моих силах...

— Ты делаешь недостаточно! — рыкнул отец. — Если я еще узнаю, что ты посмел опозорить наш дом, то можешь готовиться к наказанию заранее! Ты меня понял?

Я молчал. Ногти буквально прорывали кожу и плоть, врезаясь по самое мясо.

— Ты. Меня. Понял?! — пророкотал в ярости отец.

— Да, мой король, — задрал я голову высоко, — клянусь вам...

— С меня достаточно твоих клятв! — отрезал тот и отсоединился, даже не попрощавшись.

Я сполз по стенке и сжался в комок, закрыв лицо руками.

До конца сеанса оставалось семь минут. Достаточно, чтобы нарыдаться всласть.

***

Надо чем-то заняться.

До собрания оставалось еще полчаса. Я отчаянно метался по комнате, пытаюсь забыться.

Пробежку убрали, уроков не задали. На книге не сосредоточиться.

Я забрался на койку с ногами и завернулся в одеяло. Меня бросало то в жар, то в холод, дышать было нечем. Правая рука кровоточила и болела.

Вспомни хоть что-нибудь хорошее!

Мама. Запах полевых цветов. Нежные руки, обнимающие меня и защищающие от всего мира.

Она умерла из-за тебя!

Я бросился в ванную и подставил голову под поток холодной воды. Не помогало. Мысли резали точно нож. Одна была больнее другой. И воспоминания, что были моими спутниками еще с пяти лет, возвращались волнами и били больнее тысячи кнотов.

— *Бедняжка, — цедит старуха-фрейлина в траурном одеянии, — лекари не смогли уберечь.*

— *Что она могла поделать? — пищит ее наперсница, — Проклятие было не удержать*

— *Эйла нужно было удержать, — злобно отвечает старуха, — ему никогда не было достаточно.*

— *Никогда не умел остановиться вовремя... И избавиться ведь...*

— *Рослин? Она полюбила мальчишку, еще только он появился у нее в чреве! Подкосил Алан ее знатно. Она рожала его почти всю ночь. В муках. Как плакала.*

— Это не я! — стонал я, лежа на полу ванной и прижимая руку к груди. — Это все ведуньи!

Где-то из глубины комнаты раздался треск служебной рации и тревожный голос Адама:

— Всей команде собраться в кабинете двадцать пять. Живо!

Я наскоро вытерся полотенцем, накинул плащ поверх мокрой рубашки и выбежал в коридор.

Даже не заметил, как из ранок на пол накапала кровь.

***

— Нам доверили первую миссию, — необычно дрожащим голосом начал свою речь Адам. — Но я хочу отказаться.

Повисла тишина. Рыцарей из Тинтагеля посылали на различного рода испытания как подмогу гвардии. Это было невероятно почетно, потому что абы кому такую роль не доверили. И никто из нас не понимал, почему Адам отказывался от такой прекрасной возможности продемонстрировать свои таланты руководителя.

— Мы готовы к этому! — закричал Фланн. — Мы в первой пятерке команд по рейтингу!

— Остуди пыл, — осадил его Адам, — вы тут без году неделя, я не могу подвергать вас такому риску.

— Адам! Для чего тогда нужны рыцари? Чтобы сидеть по классам?

— Вы не рыцари, а желторотики! Нас посылают на Землю!

Недоумения только лишь прибавилось. Никто не считал далекое отсталое во всех отношениях измерение «Земля» за серьезную опасность. Мы пытались принести свет Просвещения ее жителям еще во времена Основателей королевств, за что жестоко поплатились. С тех пор только самые самонадеянные отправлялись туда, возвращаясь или по частям, или с поврежденным разумом.

— Там же нет ничего магического, — почесал переносицу Томас, — кого туда только занесло?

— Не имею понятия, — мрачно ответил Адам, — и я не хочу вас туда пускать. Судя по донесениям, принцесса Лефарии где-то напортичила в гипперпрыжке и оказалась там заодно с неведомой твариной. Точных описаний почему-то не дали.

Знакомое имя...

— Речь идет о принцессе Элине? — поинтересовался я.

— О ком еще?!

Я тихонько прыснул от смеха, но быстро взял себя в руки и принялся объяснять:

— Капитан, если бы вам выдался шанс хоть немного посмотреть на принцессу, то вы бы с первого взгляда поняли, что переживать не о чем. Она, как бы так сказать...

— Умишка темный, — закончил за меня Фланн.

— И это мягко сказано, — подтвердил я, — Принцесса несколько... Впечатлительна. Видит опасность там, где ее по сути нет.

— И что смешного в том, что бедная слабая девушка оказалась в незнакомом месте?! — злобно спросил Адам.

Тут рассмеялись мы все. Бедный капитан явно не читал светской хроники.

— Она не слабая! — вытер слезы Бернадотт. — Сколько взрывов в школе Эйлин устроила, посчитать страшно!

— Бедный ее папа. Столько ущерба Централу не наносил еще никто — вторил Томас.

Я и Тиннакорн вежливо молчали. Он явно был не болтун. А я едва сдерживал желания раскрыть команде ее полный послужной список.

Милая сладкая принцесса, боявшаяся даже дуновения ветерка. Сколько хлопот она доставила своему дому. Ну, хотя бы не больше чем ее мать-потаскуха.

— Все равно даже не уговаривайте! — стукнул по столу кулаком Адам. — Это может быть слишком опасно! Отправлю туда старшекурсников!

— Капитан, при всем уважении, — вмешался Ленард, — лучше команды чем мы не найти. Вы знаете язык Земли и ее быт. Алан знает Элину и может с ней хотя бы разговаривать, не срываясь на крики. Я наварил отличного успокоительного. Тин наизусть знает весь бестиарий, Фланн ему поможет. А Томас вообще красавчик!

Меня удивило столь горячее желание Свена защитить абсолютно незнакомую ему

принцессу, но стремление оправдаться перед отцом затмило все остальные чувства.

— Что если мы также будем под вашим пристальным контролем? — предложил я. — И вы будете с нами на подкреплении? А еще мы можем взять с собой кнопку экстренной помощи, ящик «Черный сюрприз», электрические сети, щиты-брандмауэры...

— Мой принц, — остановил меня Ленард, — это же последние новинки в области вооружения. Нам их не выдадут. Они очень дорогие, да и в пользование они еще не поступили.

— Я это достану, — пламенно пообещал я, — все прибудет в течение нескольких часов. Капитан, разрешите удалиться на поиски!

Адам лишь слабо кивнул головой. Сдался под нашим напором.

Я не стану описывать, как семнадцатилетний юнец раздобыл все эти новинки, имея под рукой пару телефонных номеров, капли, вызывающие слезотечение и изменитель тона голоса. Это было непросто, скажу я вам. Но через три часа ребята уже примеряли новое обмундирование, а я бегал между ними, настраивая брандмауэры и заряжая пистолеты.

Только проверив нашу экипировку на несколько раз, руководство разрешило нас отпустить.

Когда мы шли к порталу, я заметил, что капитану пришло новое сообщение на панель. И он стал еще напряженнее, поторапливая нас.

— В чем дело? — осторожно спросил я.

— Пришли новые послания от принцессы, — ответил тот. — Судя по всему, она втянула местных. Семья простаков притащила ее в свой дом, чтобы помочь. А тварина пришла по их душу.

Я не смог сдержать раздраженного вздоха.

Милая глупая солнечная принцесса, какой дряни ты опять натворила?

***

Я несколько иначе представлял себе место миссии. В моих мечтах это была равнина, залитая лунным светом, никакого ветра и осадков, чтоб оборудование не испортилось, и монстр, желательно не самый опасный, но серьезный. Однако мечты нанесли ответный удар.

Мы оказались на заднем дворе прямо в воронке от магического взрыва. Старый двухэтажный выбеленный дом с зеленой крышей кое-как стоял на месте, рискуя обрушиться в любой момент. В лицо дул прохладный осенний ветер, небо было абсолютно темным. Но больше всего пугала тишина, словно помогать было уже некому.

— А где же тварина? — спросил Ленард, держа аптечку у груди.

И тут как нельзя кстати раздался рык. Но то был не боевой клич, а скорее вымученный стон. Мы обернулись на звук и обомлели от ужаса.

Змееподобного вида монстра распластался на земле, практически не подавая никаких признаков жизни. Иглы и броня на его коже сморщились до состояния тряпки. Перепончатые лапы ходячего ужаса висели практически на лоскутах кожи. Морда с кривым клювом была перепачкана в густой коричневой крови. Клюв был отрублен намертво. А рога и что-то похожее на крылья валялись неподалеку, словно детали конструктора.

— Это все Элина? — шепотом спросил меня Адам.

— Чтоб я знал, — в ужасе признался я. — Это слишком даже для нее!

— Благодетель, вы здесь!

Принцесса выбежала к нам навстречу из домика, хромая на правую ногу. Она была одета в странного вида пижаму с уродливыми медведями, которая была порвана на рукаве и

перепачкана в грязи и крови. Прическа растрепалась, а губа была явно подбита. Элина схватила меня за руку и заорала на диалекте ее королевства Лефия:

— Где тут лекарь?! У тебя есть детектор заряда?!

— Есть! — переорал я ее. — Лекарь стоит с чемоданчиком! Элла, в чем дело?! Почему ты похожа на замарашку?!

Команда стояла в растерянности. Кроме нас с Ленардом никто ее не понимал. Адам жестом показал не вмешиваться, предоставив мне самому разбираться с этой умалишенной.

Элина, впрочем, уже не обращала на меня внимания. Она тащила Ленарда куда-то вперед, вереща:

— Успокоительного! И много! Да что ж ты ползешь?! Если не дашь сейчас, будет еще хуже!

— Какое успокоительное?! — заорал я. — Тебя максимум можно из ведра окатить! И заряд уже сброшен!

— Если бы! То было лишь начало! Не поторопимся — дело станет еще хуже!

— Да куда хуже?! — остановил я ее за плечо. — Ты чуть не разнесла дом простаков и сразила эту тварину наповал! И воронку тоже ты устроила?!

Элла истерически захихикала, отпустив рукав сквайра. Она обернулась ко мне и в ужасе прошептала:

— Алан, это была не я. Совсем не я.

— А кто же?! — рявкнул я.

Никого из нас не должно было быть в этот вечер в этом маленьком забытом Благодетелем измерении. То была роковая случайность, перевернувшая все наши жизни.

И тебя. Тебя тоже не должно было там быть.

Элина показала за угол пальцем и в ужасе пропищала:

— Она.

В эту же самую минуту меня чуть не сбила с ног мощная волна магической энергии. Ее вызвала миниатюрная худенькая девчушка лет пятнадцати на вид в порванных на ноге синих джинсах и белой кофте без рукавов. Она выбежала наперерез всем нам и схватила Элину за руки.

— Что случилось, Элла?! — испуганно кричала она. — Что я наделала?!

Ее тонкие белые руки буквально дымились от заряда. Нас всех обдало волной жара. Девчушка медленно через плечо обернулась ко всем нам.

Рыжие растрепанные косы. Красный воспаленный румянец на щеках. Огромные горящие голубые глаза.

— Кто вы все такие?! — заверещала она. — Что со мной происходит?!

Тей-Тей и борьба со штормом

Я купила тетрадку с принцем Каспианом три года назад на книжной ярмарке. Обложка уже поистрепалась, многие страницы пожелтели и держатся на честном слове. Но я нежно люблю ее, потому что все эти три года она была моим дневником. Короткие записи о том, как бесит соседка Гортензия Фитцджеральд, домашние задания, черновики сочинений, пометки, рецепты печенья и желе, топорные зарисовки моего бывшего краша — вот что она хранит. Это не Вирджиния Вульф. Никакой культурной ценности мой дневник не принесет. Да и я сама не ахти какой литератор. Но теперь придется учиться. Видите ли, невидимые читатели, только эта тетрадка будет моим поверенным и гарантом того, что я не сошла с ума. А сомнений по этому поводу выше крыши, ведь...

Простите за пятна. Это я нечаянно расплакалась и залила слезами страницу. Этого не повторится, честно. Я не плакса, правда. Надо уже начинать, верно? Но позвольте еще немного продлить это ощущение.

Разрешите представиться — глупость какая, ведь дневник не прочитают, а свое имя я знаю — но все же последую заветам романов Диккенса и немного расскажу о себе.

Меня зовут Маргарита. Не Маргарет, не Мегги, не Мардж и не, прости Господи, Пегги.
Мар-Га-Ру-Та

Мне восемнадцать лет. Я родом из маленького городка Форестсайд, штат Орегон. У меня маленькая семья из мамы и папы. И...

И я не знаю, почему все свалилось на меня.

Но хватит жалоб. Я хочу начать свою историю с танца.

***

— Прыгай выше! — командовал Густаво.

Третья часть урока танца — *allegro* — самая сложная. По спине бежал пот, пятки болели. Я повторяла прыжок за прыжком, пока аккомпаниатор играл мелодию на фортепиано.

Первая позиция, корпус подтянут, колени сильно вытянуты, руки в подготовительном положении, голова en face.

— Раз и два! — командовал преподаватель. — Умничка!

В тот день мы отрабатывали прыжок с места и прыжок в пятой позиции с переменной ног в воздухе. К концу той части у меня всегда болели пятки и голени. Считайте меня лентяйкой, но больше всего я любила заключительную часть урока, где можно было порастягиваться и расслабиться. А прыжки... Не для всех. Уроки классического танца давались мне непросто.

Я танцовщица, если вы еще не поняли. Не вливания задницей на дискотеке, но серьезное искусство. Балет и современный танец. Царство грации, красоты и совершенства.

— Закончили.

Я легла на пол и с наслаждением потянула все мышцы. Густаво сел рядом на пол с тем самым выражением лица, когда намеревался учить меня уму-разуму.

— Какой завтра день? — спросил он.

— Воскресенье, — лукаво улыбнулась я.

— А если подумать? — упер тот руки в бока.

— Конец сентября, — села я по-турецки.

— Не горбимся, — он легонько коснулся моей спины, — молодец, Рири. Конец первого месяца твоего выпускного года. И чем мы занимались весь сентябрь?

— Придумывали и ставили кучу танцевальных композиций.

— Умница, — кивнул Густаво, — а чем мы будем заниматься дальше?

— Х-м-м. Слушать «1989» на репите? — почесала я затылок.

— Кто-то сегодня в слишком хорошем настроении, — нахмурился он, — давай посерьезнее.

— Ты не можешь меня в этом винить, но Бог с тобой, — пропела я, — Мы будем записывать видео. Очень много видео для моего фешенебельного портфолио.

— А еще?

— Отсылать мое фешенебельное портфолио и мотивационное письмо во все танцевальные школы нашей чудесной страны!

— Зачем?

— Чтобы в следующем году слушать «All too well» и пить тыквенный латте...

— Маргарита!

— ... На улицах Нью-Йорка, потому что именно там я и окажусь! — закончила я, показав язык.

Густаво лишь покачал головой, но в его глазах зажегся мягкий добрый свет.

— Сосредоточь все усилия на поступлении, — напутствовал он. — Что там говорят родители?

— Согласны, деньги уже почти собрали, — отчиталась я, — придется ужаться, так что никаких больше плакатиков с Тей-Тей. И свитшотиков с Тей-Тей. И...

— Пресвятой Господь, мисс Свифт разорится без твоего шопоголизма, — рассмеялся Густаво.

— Но они все равно надеются, что я передумаю. Хотят, чтоб я изучала литературу.

— Боже, кому вообще сдалась эта сраная литература?! — простонал он.

— Мне сдалась, — осторожно напомнила я, — ты же знаешь, что я за книжки готова драться. А в этом году такая классная программа по английскому! «Отелло», «Ад», «Грозовой перевал», «Сага о Форсайтах»...

— Так, слушай, — положил руки на мои плечи хореограф, — ты можешь читать свои книжки запоем и поступить в среднячковый колледж, из которого выйдешь занудной училкой. Можешь выскочить замуж по залету за бывшего капитана команды по футболу, который приперся к тебе за конспектом, а ушел с твоей девственностью. Можешь жить в типовом доме, взятом в ипотеку. Можешь родить двух лоботрясов, так похожих на отца. Можешь рыдать по пятницам под «Холостяка», потому что муж жиреет, лысеет и рыгает. Но, милая, я смотрю на тебя и понимаю, что ты завоеешь дурниной от такой жизни. Выбор за тобой, но... Это то, чего ты хочешь?

Позвольте небольшое лирическое отступление. Густаво у нас тот еще король драмы. Он всегда меня мотивировал страшными сказками об обычной жизни, которая точно меня погубит.

— Нет, сэр, — отдала я ему честь, — Буду великой танцовщицей, позову на самый шикарный спектакль, а ты купишь мне самый дорогой букет и...

— Давай домой, — похлопал он меня по голове, — собирайся в эту свою школу. Ох, скольких она сгубила.

Милый Густаво, я подвела тебя. Никакой школы танцев не будет. Но посмотри на светлую сторону: ты сэкономил кучу денег на цветы!

***

Меня не должно было быть там.

Сразу после занятия я вышла из общественного центра, где у Густаво был свой хореографический класс и направилась по главной улице на другой конец города домой, закладывая на дорогу где-то полчаса (Весь Форестсайд я могла обойти за час) и шесть-семь прекрасных избранных песен Тейлор Свифт. Но тут случился он — тот самый поворот не туда, которому суждено было стать фатальным.

Прямо навстречу мне из бакалеи вышла моя «заклятая подруга» и президент нашей школы — Гортензия Фитцджеральд. Мы обменялись взаимными пренебрежительными взглядами и одновременно фыркнули. На этом все могло и закончиться.

Но порой бывают дни, когда навстречу судьбе Высшие силы толкают вас, что есть

мочи.

— Ты в курсе, что пропустила заседание школьного совета, Прикер? — резко спросила она меня. — Какого черта тебя там не было?!

— Во-первых, привет. Во-вторых, не будь такой королевой драмы, Фитджеральд, — простонала я. — Что вы там обсуждали? Новые коды на замках для шкафчиков? Статью в школьной газете о подростковом переедании? Тему для дискотеки на Хэллоуин?

Я не была заядлой двоечницей и отбитой прогульщицей, которая всегда идет против системы — скорее даже наоборот. Но все заседания школьного совета в маленькой школе провинциального городка были бесполезны и похожи друг на друга как две капли воды, потому большая часть школы пропускала их со спокойной душой. Теоретически, Гортензия могла сорваться на любого ученика, который попался бы ей под горячую руку. В тот день под ней оказалась я.

— О, ну, простите, тринадцатая танцующая принцесса, что наши житейские проблемы так вас раздражают! — всплеснула та руками. — Знаешь, не обязательно настолько демонстративно показывать, как тебе насрать на школу!

— Одна фраза, а сколько лицемерия! — покраснела я до кончиков ушей. — Кто слинял в прошлом семестре с выезда в Сейлем, сказав, что простуда доконала?

— Где доказательства?

— Я своими глазами видела, как ты сожрала килограмм мороженого буквально на следующий день! Нехило так для болеющей!

— Мороженое охлаждает и обезболивает!

— Килограмм?!

Отношения у нас не заладились чуть ли не с самого первого дня. Я даже не помню, что стало причиной конфликта: то ли я без спросу куклу у нее взяла, то ли она скатала весь мой пластилин в большой комок. Но причина уже не важна: непонимания и разногласия начали накапливаться между нами, точно снежный ком. Не буду выставлять себя абсолютным ангелом: иногда ссоры начинались из-за меня. Я всегда была не очень общительной, не умела доносить свои чувства и желания словами через рот, да и интересы у нас кардинально различались. Но мы никогда не цапались так яростно, как в тот день.

Гортензия завелась. Она буквально заскрежетала зубами, подошла ко мне вплотную и завизжала одним из своих самых мерзких тонов:

— Я пашу над учебниками сутками и заслужила отдых! А ты чем занимаешься, позволь спросить? Скачешь по залу в своих выкрутасиках?! Чего ради?!

У меня появилось непреодолимое желание вывернуть на нахалку содержимое ближайшего мусорного бака. Я сжала руки в кулаки и произнесла сквозь зубы:

— Я тоже работаю на износ, к твоему сведению. И ты не имеешь права обесценивать мой труд.

— У меня хоть есть шанс поступить! — самодовольно отозвалась она. — А у тебя?! Ты вообще в курсе, какой конкурс в твои супер-пупер школы? Человек сто на место?

— Как мило, что ты считаешь! — рыкнула я. — Вот только в Йеле тебя тоже не ждут с плакатами!

Баталия была выиграна мной. Но Гортензия не упустила возможности нанести последний и самый болезненный удар:

— Я везде пробьюсь, Рита. А ты? Какие планы на жизнь после учебы? Преподавать для детворы в таком же зачуханском общественном центре? Нет-нет, подожди! Кордебалет и

танец маленьких лебедей раз в год! А, может, пойдешь в клубешник стриптиз танцевать? Вот только там тебе себя не проявить — фигурой не вышла!

Сердце заколотилось в груди с такой силой, что его стук, наверное, можно было услышать на соседней улице. Я с такой силой сжала зубы, что они даже заскрипели друг о друга. Чтобы не наброситься на нее с кулаками, я развернулась и пошла проулками, лишь бы нам не пересекаться.

— Не забудь подать резюме в местный гадюшник! — доносились до меня издевки Фитцджеральд. — Там тебя уже заждались!

***

— Сука! — заорала я во все горло. — Тварина поганая!

Я дала волю своему гневу, только лишь когда оказалась в самой глубине нашего центрального парка, медленно перетекающего в лес. Бросив сумку на землю, сама бухнулась прямо на уже пожелтевшую траву, оперлась о толстый ствол старой ели, закрыла глаза и постаралась прийти в себя, вдыхая этот чудесный запах хвои и пока что теплой земли.

Гортензия всегда попадала не в бровь, а в глаз своими едкими замечаниями. В ту осень моим самым большим страхом был провал на вступительных экзаменах, безработица и разочарование в глазах родителей, осознающих, что сотни тысяч долларов, часы подготовки и мои слезные увещания и мольбы не принесли ровным счетом ничего.

Бедными мы не были, но и деньгами сорить тоже не могли. Мама держала маленький книжный магазин в центре города, папа только получил звание сержанта полиции. Оба горбачились, не разгибая спины, копили на оплату учебных счетов. У меня не было морального права их подвести.

Я делала глубокие и медленные вдохи и выдохи, пытаюсь успокоиться, но страх и злость накатывали на меня волнами, словно на бедный камешек, которому не повезло очутиться на пляже во время прилива.

Не поймите меня неправильно: я любила Форестсайд. Маленький городок, затерянный в лесах, население чуть меньше десяти тысяч человек. Уютнее Твин Пикса без всякой жести с мертвыми старшеклассницами, обернутыми в целофан. Но... Порой, когда я смотрела парады на день Благодарения или новогоднюю трансляцию с Таймс-сквер, мне казалось, что воздуха в комнате катастрофически не хватает. Окружающая действительность становилась маленькой и тесной. А иногда, когда я слушала рассказы одноклассниц, выезжавших на каникулы куда-то дальше границ штата, мне хотелось заплакать от обиды, как маленькой девочке.

Мне хотелось увидеть большой мир и мировые столицы. Хотелось пожить без родителей и попробовать взрослую жизнь на вкус. Испытать себя, понимаете? Маленькая хрупкая девочка и большой город? Не потеряет ли она свою самобытность? Не предаст ли себя?

Я не хотела остаться в Форестсайте на всю жизнь и потратить ее на нелюбимую работу, постылого мужа и нежеланных детей. Моя душа жаждала перемен.

Французская пословица: бойтесь своих желаний. Они имеют свойство сбываться.

В тот день я впервые обнаружила в себе новое чувство. Оно было сильнее злости и гнева. Оно росло во мне и обдавало все внутренности жаром. Казалось, что прямо сейчас из меня что-то вырвется. Не в силах больше сдерживать себя, я вскочила с земли и заорала во всю мощь легких:

— Прошу, кто-нибудь, заберите меня отсюда!

Неожиданно в деревьях загудел холодный ветер, разом остудивший мой пыл. Я застегнула короткую джинсовку на все пуговицы, поежилась и подула на ладони, чтобы их согреть.

Лучи солнца постепенно розовели. Надо было возвращаться домой. Я снова воткнула наушники чуть ли не в слуховой проход и зашагала по направлению к главной дорожке.

Вдруг на меня накатила странная слабость, даже усталость. В голове словно повисла пелена тумана. Я зашаталась, схватившись за ближайшую ветку дерева. И в то же самое время поняла, что сквозь пение Тей-Тей раздаются и другие звуки, похожие на удары, грохот и гром одновременно.

Я вытащила наушники. Да, определенно мне не показалось. И правда были глухие удары. И чьи-то сдавленные крики боли.

Наверное, надо было вызывать полицию. Или просто решить, что пьянчужки подрались. Наверное, надо было просто уйти.

Да как ты можешь. Ведь ты же знаешь, что случилось бы, если бы ты ушла. Ты поступила правильно.

Драка была на поляне, скрытой ивами. Я подняла палку и камень с земли, надеясь, что их хватит для усмирения буйных душ. Подкравшись к стволу, я осторожно заглянула за угол, чтоб оценить обстановку. К своему удивлению я подметила, что звуки борьбы прекратились. А вот стоны остались.

Именно здесь и случилось то, после чего точка невозврата была пройдена.

На поляне ничком лежала девушка на вид чуть старше меня. Одета она была скорее для вечеринки в роскошном отеле, нежели для прогулки по нашему захолустью: серебряное длинное платье с открытой спиной и короткими рукавами, туфли на шпильках в тон, маленькая белая сумочка.

Но ее пепельного цвета волосы были перепачканы в крови и грязи. Губа была подбита, на двух пальцах правой руки не было ногтей. Она едва-едва дышала.

А еще она сияла. В прямом смысле слова. Как чертов диско-шар. От ее кожи исходило серебристое свечение.

Я подбежала к ней и перевернула на спину. Видимых повреждений не было, только лишь наряд годился разве что для помойки. Но не нужно было быть доктором Хаусом, чтоб понять: кто-то напал на нее. И чудо, что она была относительно цела и невредима.

— Эй! — похлопала я ее по щекам. — Очнись, милая!

Она медленно по щелочке открыла глаза и прошептала что-то. Я не разобрала ни слова.

Мне не было понятно, как такая красавица оказалась посреди парка. И мне не было понятно, кто напал на нее.

Но были две вещи, которые я понимала предельно ясно:

Невинный человек в беде. И я должна помочь ему.

— Сейчас придет помощь! — достала я телефон из кармана джинс, набирая номер службы спасения.

Но моя новая знакомая выбила его у меня из рук, схватила за плечи и что-то закричала на своем наречии.

— Не понимаю! — кричала я в ответ. — Объясни, что случилось?! Кто ты?!

Девушка приложила руку ко лбу, застонала и снова потеряла сознание.

Тогда же случилось еще одно происшествие, которому я не придала значение. Жар полностью пропал. И, когда я держала ее руку в своей, нащупывая пульс, мне показалось, что

и моя кожа сияет так же, как и ее, но только свет был золотистый, а не серебристый.

И тогда мной было принято, наверное, самое странное решение в жизни. Я не вызвала скорую или полицию, а подняла и потащила ее к себе домой.

Все могло сложиться иначе, сбagri ты ее парамедикам или детективам. Они взрослые, они бы разобрались.

НЕТ.

Прекрати заниматься самообманом. Ты знаешь, что ни с чем бы они не разобрались. Ты знаешь, что спасла город от трагедии.

Вот только почему в роли спасителя выступила я? У меня нет лука или шрама на лбу.

Мне было семнадцать лет! Почему я все должна была разгрeбать в одиночку?!

***

— Малыш, — осторожно спросила мама. — Ты уверена, что все видела именно так?

Я с трудом держала стакан в дрожащих руках. Мне казалось, что происходящее — декорации к фильму-абсурду, а меня записали в главные актрисы, не спросив разрешения.

Дом казался спасительной гаванью, напоминанием о нормальном мире. Мама успокаивала меня, отпаивая семейной микстурой из ромашки и мяты, пока папа в гостиной возился с девушкой, которую я насилу дотащила до дома.

— Я не сумасшедшая, поверь! — всхлипнула я. — Все было именно так! Она уже была такая, когда я ее нашла! На нее кто-то напал! И исчез буквально за мгновение!

Мама смотрела на меня со смесью неприкрытого ужаса и восхищения. Утром я уходила веселая и довольная жизнью на тренировку. Вернулась же под вечер вся взмокшая и растрепанная. Одно дело, когда ваша дочка притаскивает в дом щеночка или котенка. Такое уже бывало не раз, они привыкли. Но вот к тому, что я притащу другую израненную и бездыханную девушку жизнь их точно не готовила.

— С ней все хорошо, — зашел в кухню отец, — слегка треснулась головой, но там небольшая шишка. Перенервничала девочка.

Папа фактически выполнял всю работу за нашего престарелого шерифа, потому никогда не терял хладнокровия. За это я его обожала. Мама же... Волновалась много. Но ей положено, она же мама.

Мы сели за стол. Было время ужина, но есть никому не хотелось. Вся наша семья не понимала, что же делать с девушкой, свалившейся нам на голову точно снег в июне.

— Я пойду распространять ориентировки, — твердо сказал папа, — девочка очень хорошо одета, явно ее ищут.

— Что мы там напишем? — нервно захихикала я. — Она слишком шикарна для нашего захолустья. Уж пусть лучше у нас отлежится.

— Рири, никто ее не гонит. А что до шикарности... Ну, мы можем дождаться ее показаний, — уже не так уверенно сказал папа.

— Боюсь, с этим тоже будут сложности, — пробормотала я, вспомнив щебет девушки на непонятном языке.

Когда родители отвлеклись, я тайком вышла из кухни и одним глазком заглянула в гостиную, где на диване лежала возмутительница сегодняшнего спокойствия. Мы с мамой промыли ее царапины, расчесали волосы и аккуратно переодели в мою старую пижаму с медвежатами.

Боже, мне не описать вам, как она была красива: мерцавшая золотистым свечением кожа; пепельного цвета пряди, струившиеся по груди и спине; пушистые черные ресницы.

Она была сложена как богиня. Только лишь невысокий рост мешал назвать ее прекрасной эльфийкой.

Не буду лукавить, если скажу, что немного позавидовала ее красоте. Поймите правильно: я любила себя и не считала последней уродкой. Иногда меня даже сравнивали с принцессой Меридой. Но иногда, когда настроение было хуже некуда, а модные журналы в очередной раз забывали, что их читательницы не куклы, а живые люди, мне хотелось быть другой.

Мне хотелось быть повыше и не просить продавцов подать банку с горошком с самой верхней полки. Мне хотелось иметь формы и не походить на тринадцатилетку в раннем пубертате. Мне хотелось, чтоб волосы не вились так сильно, а лежали прямо и ровно. И чтоб рыжина не была такой яркой, как листва в октябре. Мне хотелось, чтоб кожа была светлой, без роя веснушек. И еще мечтала о нежном высоком голосе — мой родной казался почти мальчишеским.

Глупые детские мечты, что тут сказать.

Девушка потянулась и медленно открыла глаза. Случился тот самый неловкий момент, когда подглядывающий и подглядываемый встречаются взглядами. Я быстро отпрянула от двери, но было поздно. Она вскочила с дивана, в два прыжка приблизилась к двери и широко распахнула ее.

— Простите! — начала оправдываться я, даже почему-то перейдя на «вы». — В мыслях не было за вами подглядывать...

Однако незнакомка даже не думала сердиться. Ее большие светло-карие глаза лучились невероятной теплотой и добротой. Она улыбнулась мне и снова что-то защебетала.

— Простите, — смущенно призналась я, — не понимаю ваш язык.

Девушка и сама это поняла, потому принялась отчаянно оглядываться вокруг, словно что-то ища.

— Очнулась? — выбежали из комнаты родители. — Давай, распроси ее!

— О чем? — пропищала я, ощущая себя самой большой дурой в мире. — Она не говорит по-английски.

— Ну, спроси на другом! — нетерпеливо отрезал папа. — Зря что ли ты отличница уже третий год?

Проблема была в том, что язык этой девушки не походил ни на один из тех, что я когда-либо слышала. Он был плавный, как французский, твердый, как немецкий и певучий, как итальянский. Моих школьных познаний в испанском явно не хватало.

Внезапно девушка щелкнула пальцами. От ее пальцев разбежались золотистые искры. Но она заговорила на чистом английском, все так же широко улыбаясь:

— Вот теперь мы можем общаться. Храни Богдетель лингвоведуний. Так на чем мы остановились? Ах да, почему ты пряталась? Такое солнышко должно освещать всю комнату, а не подглядывать в щелку. Уж поверь, я в этом разбираюсь.

Я обомлела, удивившись ее чистому голосу, похожему на трели соловья. Но еще больше обомлели родители. И я не понимала почему.

— ... Спасибо, — проблеяла я, — не хотела вас беспокоить, потому...

— Ладно, с официозом закончили. Можешь даже титул не приплетать, — жестом остановила она меня, ее голос вдруг стал неожиданно серьезным. — У нас неприятная ситуация. Неопознанный монстр выдернул меня прямо из гиппер-прыжка и чуть не убил. Накладывай на простаков еще морок и пойдём накладывать защиту на границы этой

деревеньки. Он сейчас где-то в лесу, перехватим его с помощью следящих чар, которые я выучила у одной своей подружки. Я еще вызову рыцарей, будут у нас на подхвате. Ну, пошли!

Она взяла меня за руку и потащила к выходу. Я с трудом вывернулась из ее хватки и замерла на месте как вкопанная.

— Мы теряем время! — топнула девушка ногой. — Хочешь, чтобы чудовище пришло за простаками? Прояви хоть элементарное уважение! Тебе охота потом бумажки заполнять и объяснять, почему зверюга задрала заживо этих идиотов?!

У меня и так голова шла кругом от каждого ее слова, но пренебрежительный пассаж о родителях, которые были заочно убиты и объявлены «простаками и идиотами» окончательно выбил меня из колеи. Она говорила о них, как будто животных в зоопарке, которых пожалели только лишь из-за чувства долга.

— Мои родители не простаки! — закрыла я уши руками. — Если на тебя напал зверь, то надо просто позвонить в службу по отлову животных! Что за морок?! Какие чары?! Что ты вообще несешь?!

Незнакомка сделала краткий вдох и произнесла еще более тихо:

— Они нас не понимают, так что заканчивай этот театральный кружок. Я осознаю, что обладаю не самой безупречной репутацией, но поверь мне: на этот раз все серьезно. И благополучие местных зависит сейчас от нас и от кучки идиотов, которые не наигрались в детстве. Так что прошу, не бери их работу на себя!

Мне становилось все труднее и труднее дышать. Жар опять накатил волной. Кровь в жилах закипела, словно бы ее вскипятили на палящем солнце.

— Не знаю я о твоей репутации! — завизжала я. — Вообще в первый раз в жизни тебя вижу! И это не дыра! Это мой дом!

И в ту же самую секунду все стекла в доме задрожали как от землетрясения, а мои руки задымились, но тут же остыли. Я завизжала еще громче от ужаса. Родители ворвались в гостиную, загородив меня от нее. Но девушка и не думала нападать. Она лишь закрыла лицо руками и сдавленно спросила:

— Ты правда не понимаешь, что произошло? Действительно меня не понимаешь?

— Ни единого твоего слова! — подтвердила я, прячась за широкой спиной папы, угрожающе оглядывающего незнакомку.

Девушка щелкнула пальцами, снова засияв как звезда на небе. Затем она подошла к маме с папой и заговорила:

— Приветствую вас, жители Земли. Меня зовут Элина. Я кронпринцесса и кандидат в верховные чародеи королевства Лефария. Я прошу вас умерить свой гнев, усмирить гордыню и выслушать все, что я скажу. Всем жителям этого поселения угрожает серьезная опасность, потому что из параллельного и чуждого вашей природе измерения проник опасный монстр, который представляет серьезную угрозу даже для меня, существа с магическими силами. Я и мои подручные постараемся помочь вам избежать самых печальных последствий. Однако мне нужна помощь вашей дочери. Судя по всему, она такая же как я. И сила ее магического заряда велика.

— С чего это нам вам верить, мисс?! — абсолютно спокойно спросил папа. — Может быть, это вам нужна помощь? Все, что вы сейчас рассказали нам...

Девушка снова щелкнула пальцами. Журнальный столик закружился по комнате. Во всей комнате погас свет, а на ее свободной руке появился светящийся шар, похожий на огромного светлячка.

— Что я говорила о гордыне?! — повысила та голос. — Разумеется, я могу прочитать вам курс лекций о магии и продемонстрировать весь свой потенциал, но мы потеряем драгоценное время! То создание, что напало на меня, очень опасно. Если оно причинило вред мне, то я не ручаюсь за вашу судьбу и судьбы остальных жителей этого поселения! А потому доверьтесь мне, вашей единственной надежде на помощь.

Она обернулась ко мне, протянув руку со словами:

— Подруга, я прошу в этот роковой час твоей помощи. Объединим наши силы и противостоям тьме, что грозит истребить нас и Благодетеля нашего.

От ее руки снова начало исходить свечение. Она смотрела на меня прямо и строго, даже сурово.

Не знаю, что двигало мной в тот момент. Поймите правильно: я никогда не была бойцом. Милая маленькая девочка, словно сошедшая из стереотипного кукольного домика.

Но я знала твердо две вещи: моя семья в опасности, и я должна ее спасти.

Любая семнадцатилетняя девочка хочет быть героиней.

Я пожалала ее руку, которая не дымилась, но светилась, точно июльское солнце.

— Готова бороться с тобой, подруга, — ответила я.

***

— Дорогой, может ли ОБН нагрязнеть по нашу душу? — краем уха услышала я вопрос мамы.

— Не думаю, — осторожно ответил ей папа, — а вот кухне и плите пришел конец.

Элина уже полчаса что-то варила на кухне, откуда шел противный запах трав и чего-то горелого. А от черного дыма, который шел в нагрузку к запаху, слезились глаза и першило в горле. Мне было поручено раздобыть можжевельник, полынь и дуб с розмарином, потому все это время я рылась в домашней аптечке и в нашем садике, где, разумеется, все уже давным-давно отцвело.

— Нарвала полынь, но здесь немного, — я вывалила на стол все свои находки. — Ягоды можжевельника и розмарин есть в этой приправе для мяса. Кора дуба в этом пакете, а падуба у нас нет, извини.

Еще более растрепанная, но все такая же прекрасная, новая знакомая оглядела пакетики, коробочки и пучок полыни в моих руках, крякнула и пробормотала:

— Рыцарям бы лучше добраться побыстрее. Мы с такой защитой долго не продержимся.

— У папы есть ружье! — вспомнила я.

— Оружие простаков не работает против магических существ, — отрезала она, убирая волосы назад, — тем более, у него не кожа, а броня.

Меня достало ее пренебрежительное отношение к людям, которые спасли ей жизнь и не дали отморозить все, что только можно, на осеннем ветру, потому я прикрыла дверь кухни и заговорила максимально спокойно, но твердо, дабы точно донести свою позицию:

— Мы знакомы меньше часа, потому не хочу делать опрометчивых выводов о тебе. Скажу лишь одно: постарайся выглядеть в моих глазах хорошим человеком. Первый шаг — не использовать слово «простак» и производные от него. Мои родители — замечательные люди. Папа снизил уровень преступности в городе. У мамы есть степень по английской филологии. Может быть, мы не дотягиваем до твоего уровня, но постарайся хоть немного скрыть свое высокомерие. Не стоит и пяти баксов.

Элина неожиданно посмотрела на меня с нескрываемым уважением и произнесла с явным почтением:

— Тебя лучше не задевать, да? Такая крошка, но жалишь больно.

— Нас может обидеть каждый, — кивнула я, — потому крошки должны себя защищать.

Элина мило улыбнулась. Мне показалось, что ее выражение лица фарфоровое, как будто ненастоящее. Как у актера на сцене, вышедшего из образа на минуту, потому что зритель в зале чихнул или громко хрустнул чипсами.

— Не буду, — заверила она, — но поверь, в моих словах не было ничего оскорбительного. Это научный термин. Ведь собака не обижается на то, что ее называют собакой, верно?

— А мне он не нравится, — стояла я на своем, — Ценю твой интерес в науке, но я за этичность.

Элина прикусила губу. Ее идеальная маска на мгновение снова дала трещину. Она снова сделала усталый вдох, будто совершала титаническое мыслительное усилие, а потом заговорила:

— Это все так странно. Честное слово, прямо сейчас тебе все объясню, но мне нужно послать еще один сигнал о помощи.

— А разве отвар не поможет?

Она посмотрела на закопченную кастрюлю с нескрываемым отвращением и произнесла:

— Надеюсь, что да, но... Пекло, я никогда таких тварин не видела. Даже из бестиариев припомнить не могу. Что ж, идем. Разольем эту дрянь по периметру дома.

Мы вышли на улицу Ночь стояла пугающая: темная, безлунная и беззвездная. Задувал холодный ветер, но других звуков больше не было.

В некоторых рассказах ужасов пишут: «Ничто не предвещало беды». У меня было не так. Все, определенно все в ту ночь предвещало беду.

— Так что за рыцари? — решила я завести беседу, пока мы разливали отвар по углам дома с помощью половника. — На белом коне?

Элина скорчила немного раздраженную гримасу, но я догадывалась, что обращена она была не ко мне:

— И конь в этом тандеме явно будет умнее всадника. Но без них обойтись нельзя. Тебя надо зарегистрировать, а только у них есть прибор для определения твоего заряда.

Я нервно усмехнулась. Ведуньи, рыцари, регистрация... Лор невообразимой вселенной продолжал пополняться.

— А ты из них кто? Специалистка в идиотизме? Или лингвоведунья?

— Ведуньями могут быть только женщины, — Элина зажмурила глаза и сложила руки в молитвенном жесте, — В рыцари годятся мужчины — все равно толку от них меньше чем никакого. Хвала Благодетелю, женщинам разрешили обучаться два года назад, может хоть они наведут там порядок. А я из них никто. Я звездная чародейка.

Чародейка. У меня перехватило дух от этого слова. Оно звучало словно нежная сказка.

— Ты накладываешь чары? — изобразила я махи руками.

— Кто-то говорил, что выступает за этичность науки, — фыркнула та, сдувая прядку, налипшую на потный лоб, — я не накладываю чары. Я видоизменяю материю, используя различные виды звездного света. И могу управлять ими же в диапазоне нескольких тысяч люксов. Но сейчас послала простой сигнал о бедствии. Уже третий раз подряд. Они даже простую частоту поймать не могут.

— Звезды зажигать можешь?

— Если очень постараюсь.

— А чтоб они прямо падали-падали?

— Не одна. Понадобится два десятка помощников.

— А мужчины могут быть чародеями?

— Да, к сожалению, — скривилась Элина, — если честно, от них одни проблемы.

Она отвечала на мои дурацкие вопросы абсолютно спокойно, искренне и широко улыбаясь. Когда Элина лукавила или пыталась состроить хорошую мину при плохой игре, то уголки ее губ поднимались на выверенный угол наклона, как у равнобедренного треугольника. Но когда она была искренней, то улыбалась широко-широко.

— Сотвори магию! — потребовала я как маленький ребенок. — Или без звезд не можешь? Сегодня темно что-то.

Элина усмехнулась, щелкнула пальцами, и меня окружили маленькие огоньки, словно тысячи светлячков.

— Ты накопила энергию? — догадалась я. — Как батарейка!

Она рассмеялась, запрокинув голову кверху.

— Ты мне очень нравишься, Маге... Марге...

— Просто Рири, — махнула я рукой, — или Ри. Или Рита. Мало кто может сказать с первого раза правильно.

Элина мягко погладила меня по волосам, словно старшая сестра, и ответила:

— Что ж, тогда и меня можно звать просто Элла. Рири, я беру энергию из Мироздания. А звездочки просто помогают мне лучше ими управлять.

— А рыцари откуда ее берут?

— Что ты все об этих полудурках? — шутливо рассердилась она. — Не берут они ничего. Они могут только гоняться за нами на посылках. Если не внушить им чувство важности, то не получится ими управлять.

Последняя фраза немножко передернула меня. Хотя я и считала себя феминисткой, но не думала, что идея подчинения сильного слабому как-то нам сможет помочь.

— А ведуньи?

Элина замолчала буквально на мгновение, но мне показалось, что оно продлилось целую вечность. То был один из видов неловкого молчания, когда на похоронах играет забавный рингтон, или, когда за семейным ужином вспоминают фрика, изгнанного из дома еще лет десять назад. Она посмотрела в дальний угол потолка, подбирая верное слово, и улыбнулась «тридцатиградусной улыбкой»:

— Источник магии ведуний до сих пор не исследован. Они загадка для нас.

— Хорошая или плохая?

— Прости?

Я запустила руки в волосы и осведомилась:

— Тайна, которую можно раскрыть без вреда, или тайна, которую лучше вообще не трогать?

Элла снова закусила губу и нервно рассмеялась:

— Ты умудряешься бить вопросами в самые больные места. Нет, это полухорошая тайна. Понимаешь, ведуньи... Другие. Иногда у них в головах прорезается корешок зла, который трудно выкорчевать. Конечно, не все они одинаковые, но... Лучше тебе их опасаться.

Тебе лучше их опасаться...

Все мерзкие разговоры начинаются именно так. Они говорят, что не все одинаковые, но потом сводят разговор к тому, что все. Пытаются быть милыми и политкорректными. Пытаются держаться рамок. Но вот только правда в том, что рамок нет. И их показная вежливость лишь уловка. Дай волю — они устроят полное аутодафе.

— Я не из опасливых. Так думаешь, что я не ведунья?

Элина вылила остаток отвара на землю, стряхнула с себя мерзкие болотного цвета капли и уверенно произнесла:

— Не думаю, а знаю, Рири. Видишь ли, когда я лежала оглушенная ударом, то призвала на помощь любое магическое существо, что только услышит мой зов. И пришла ты. Ведуньи же всегда убегают, сверкая пятками, когда дело пахнет жареным, свалив всю работу на нас. К тому же твой заряд... Он велик. У ведуний в жизни такого нет.

— Почему так вышло?

— Потому что мы борцы, — гордо ответила та. — Сражаемся, когда остальные отступают, поджав хвосты. Рыцари, конечно, думают, что спасают нас от шторма. Но мы и есть шторм.

Мой поэтический дух запел от возбуждения. Элла говорила именно теми словами, что я всегда жаждала про себя услышать. Не просто малявка, которой от земли не видно, но настоящий воин! Борец со штормом!

— А мой заряд не опасен? — вспомнила я дым от рук и жар во всем теле.

И снова я увидела ту дежурную улыбку. Элина потрепала меня по голове и успокаивающе сказала:

— Не думаю. Это же твоя манифестация. Ты копила в себе заряд целых пятнадцать...

— Семнадцать.

— Ты и правда Крошка... Да, целых семнадцать лет. Госпожа Маркая поможет тебе научиться держать силы под контролем. Это несложно, главное понять, что движет тобой, когда ты творишь магию.

— Что за госпожа Маркая?

— Директриса школы Эйлин, — с придыханием и восторгом сообщила Элла, — лучшей школы для чародеек, что стоит на Асфоделевых полях.

— Нужно ли платить Харону за проезд? — в очередной раз сорвалось у меня с языка.

— Кхм, нет, он умер много лет назад, — совершенно серьезно ответила Элла, — Понимаю твой скептицизм, дорогая. Мы пытались донести свою мудрость до вас, землян, много-много веков назад. К сожалению, вы не вняли нашим урокам и совратили наших мудрецов. Бедный Зевс, выпивка свела его с ума, и он залез на Олимп со всей семьей... Дурачок.

— Таковую древнегреческую мифологию я слушать пока не готова, это раз. Совратить выпивкой никого нельзя, это два. Где обучаются ведуньи, это три?

Элина снова «надела маску»:

— В школе Ронетт. Им вроде как все нравится. Милая, не будем о них... Они с причудами. Давай лучше поговорим о тебе.

Ее речь и тон стали сладкими-пресладкими, как у мормона, зазывающего на проповедь. У меня во рту стало приторно и тошно, словно съела банку патоки в один присест.

— Крошка, ведь ты же понимаешь, что должна развивать свой дар? Нам нужны такие сокровища, как ты! Хорошая чародейка сейчас невероятно ценится...

— Спасибо, — мягко отшатнулась я, — но я не могу полететь в эту вашу школу Эйлин

просто так! У меня здесь родители, школа! У меня выпускной год, надо хоть аттестат получить!

— Прост... То есть твоя обычная школа никуда не денется! — Элина вспыхнула, но тут же добавила в два раза мягче: — Милая, это нужно еще и для твоих родителей! Понимаешь, твоя сила может быть как прекрасна, так и опасна для окружающих! Злость, гнев, грусть — все влияет на наш заряд. Если ты не сможешь сдержаться, то... Никто не сможет отвечать за последствия.

Ей удалось меня практически убедить. Меня не очень привлекала перспектива превратиться в Сабрину Спеллман, но и родителей подвергать опасности тоже не хотелось. К тому же...

Какой амбициозной девочке не понравится, когда ее нахваливают и говорят, какая она способная?

— Если мне не понравится там, то киснуть не буду, — предупредила я, — мигом вещички соберу. И еще я должна навещать семью хотя бы раз в две недели. И еще...

— Госпожа Макрая придумает, что с тобой делать, — завершила меня Элла. — Думаю, завтра можем выдвигаться.

— Завтра? Мне же нужно вещи собрать!

— Привезут курьеры!

В животе у меня заурчало. Там назревал мандраж как перед контрольной. То было ощущение... Чего-то нового и прекрасного. Я знала, что не останусь в Форестсайде, а неизвестная таинственная школа Эйлин, совершенно новый мир и...

Очаровательная улыбающаяся наставница, которая точно-точно станет моей лучшей подругой. А танцевать можно и там, ведь ноги у меня на месте.

Боже, если бы ты только знала...

Через час после этого разговора твоя прежняя уютная жизнь в маленьком домике у края зеленого леса под крылышком у любящих родителей будет разрушена до основания.

Тишину осенней ночи разорвал громогласный рев. Глаза Элины расширились от ужаса. Она отодвинула меня назад и прошептала:

— Что это за тварь?!

Я стояла спиной к монстру, потому не видела полной картины. Мама выглянула из окна и в ужасе закричала. Папа выбежал на рев с ружьем в руках, выстрелив в темноту.

— Стойте! — закричала Элина. — Вы его только раззадорите!

Я медленно обернулась через плечо и увидела существо, которое по своей жути превосходило всех чудовищ, что когда-либо будоражили мое воображение. Перед нами стояла змееподобная тварина, размахивая хвостом, «украшенным» острым жалом. Ноги твари заканчивались перепончатыми ступнями, лапы представляли собой гибкие отростки, каждый из которых заканчивался мощной клешней, а кожа была покрыта броней и иглами. На голове были крепкие и прочные рога. Морда напоминала волчью и заканчивалась кривым клювом. Существо имело небольшие крылья, но вряд ли могло летать.

Шипя и издавая клопочущие звуки, тварина начала надвигаться на папу и маму, выбежавшую ему на подмогу. Папа стрелял в него, но пули отлетали как от заговоренного. Элла тоже не могла ничего поделать: серебряные и золотистые шары, которая она выпускала по нему, тоже рикошетили и летели прямо в нас.

— Превеликий Благодетель! — пролепетала она в ужасе, когда очередной шар отлетел от него.

Я не смогу рассказать вам доподлинно, что случилось. Это сделали уже тысячу раз за меня в многочисленных отчетах. Могу лишь рассказать то, что чувствовала.

Во мне не было страха. Он словно отступил, нарушая тем самым все законы эволюции. Во мне кипела злость и бушевала ненависть.

Никто не смел нападать на мой дом. Никто не смел трогать мою семью.

Вся моя кровь и существо кипели. Перед глазами расстилалась красная пелена.

Я не боролась со штормом.

Я была штормом.

Ночь регистрации

Ее было слишком много.

Девчушку не удалось успокоить простыми травяными сборами в таблетках. Она все дымила и кипела, раскачиваясь из стороны в сторону и повторяя на разные лады:

— Элла, что со мной? Почему так жарко? Где мама с папой?

Родители, самые обычные простаки средних лет, завели нас в домик и суетились где-то на заднем плане. Мать семейства давилась слезами и рвалась к дочери. Отец ее сдерживал, но по одному его взгляду было понятно, что любой, кто посмеет хоть задеть один рыжий волосок на этой крошечной голове, будет умирать в муках. Мы не подпускали их близко к девчонке, боялись, что та может их спалить в порыве чувств.

Адам подошел к нам и шепотом на маджиклете приказал:

— Фланн, Тиннакорн и Томас — тащите зверушку в Тинтагель и доложите о ситуации. Алан и Ленард — за мной. Лен, не давай ей взбелениться и навредить себе или нам. Алан запиши ее допрос и проведи процедуру регистрации и установления сущности. И я тебя прошу: думай, прежде чем открывать рот. Даже не вздумай ее триггерить! Элина придет к нам, как успокоит родителей.

Девчонка уже сидела в гостинной, развалившись в кресле. Инъекция тормозящей сыворотки тоже сработала на ней странно. Источать энергию она перестала, но глаза горели все таким же лихорадочным безумным светом. И тот свет был не следствием магии. Что-то подсказывало мне, что она горела каждую минуту своего существования.

Заметив нас, она подскочила с кресла и затараторила что-то на непонятном языке. К моему удивлению, Адам вполне осознанно ответил ей, а мне приказал:

— Надень на нее переводчик, заклинание Элины рассеялось.

Помнится, я тогда подумал, что меня словно швырнули в горящий дом.

Я вытащил из своего чемоданчика самый простой переводчик на шнурке и подошел к ней. Но девчонка отпрыгнула от меня как ошпаренная и завизжала, тыча в меня пальцем. Адам поднял руки вверх и принялся что-то ей объяснять. Девчонка косилась на меня со смесью недоверия и страха. Я же с трудом терпел головную боль, вызванную одним ее присутствием.

Она была невероятно миниатюрная, даже коренастому капитану едва доставала до плеча. Худенькая, как травинка на поле. И при этом создавала столько шума! Дело было даже не в визге и верещании, что она издавала на постоянной основе. Она просто напомнила мне тот презируемый тип людей, что заполняли собой всю комнату, только туда войдя, не оставляя другим пространства на жизнь.

Раздражает.

Наконец, судя по тому, что девчушка затихла, Адаму удалось ее убедить. Она подошла ко мне и протянула руку. Я отдал ей переводчик, и случайно показал ранки от ногтей на

ладони.

— Отвар ромашки или дубовой коры, — таковы были ее первые слова, обращенные ко мне.

Я непонимающе уставился на девчушку. Она щурилась, косясь на мои раны с явным сочувствием и жалостью, от чего я возненавидел ее еще больше.

— Царапины, — взяла она мою руку в свою. — Ромашка хорошо снимает воспаление, а дуб заживляет неплохо. Но лучше не носить повязку. Дай ранам поджечь на воздухе.

Меня словно передернуло током от прикосновения горячих тонких пальцев к моей вечно холодной ладони. Я мигом убрал руку за спину.

— Я не со зла... — словно оправдываясь, ответила она.

Так и поверил.

Я ушел в угол комнаты, не собираясь вступать с малявкой ни в какую коммуникацию. По голове словно ударили железным молотом, и в ушах звенело. Чем дальше я от нее находился, тем было лучше.

— Можем начинать? — раздраженно спросил я, включая стереокамеру. — Не стоит нам проводить тут всю ночь.

Адам угрожающе посмотрел на меня, а к девчонке обратился точно добрый дядюшка:

— Как я тебе уже сказал, Маргарита, наш инженер очень сосредоточен на работе. И про его раны не переживай. Он постоянно чем-нибудь обжигается или режется, такая уж у него работа. А очки тебе принесет Элина, я попрошу.

Маргарита...

На будущее: если хотите для своей дочери счастливой судьбы, не называйте ее именем, что режет слух как кинжал. Не называйте ее как иголку, которая впивается в сердце и больше никогда не отпускает.

Капитан подошел ко мне и тихо объяснил:

— У нее линзы испарились с глаз во время манифестации.

— Что-что? — непонимающе моргнул я.

— А, да, вы же истребили близорукость. Короче, она плохо видит без специальных приспособлений. Здесь это не редкость.

Я раздраженно вздохнул. Простаки были не только тупы, но и немощны. Как они вообще выжили?

— Присаживайся, — указал Ленард на кресло, — если тебе опять станет тревожно — я поставлю еще укольчик.

— Нет, спасибо, — девчушка плюхнулась туда с ногами, практически утонув в кресле, — я уже торможу от ваших лекарств. И не сюсюкайтесь со мной. Я не ребенок.

Мне стало окончательно не по себе. Она все равно оставалась энергичной и опасной даже под действием успокоительного. Мое воображение уже рисовало картины того, как это маленькое порождение Пекла разносит дом, решив, что мы косо на нее смотрим.

— Как тебя зовут? — спросил Адам, садясь на стул напротив нее.

— Вы же уже знаете. Маргарита Карлотта Прикер.

— Сколько тебе лет?

— Семнадцать.

Я снова удивился. Она выглядела как сопливая малявка, хоть и была младше меня максимум на пару месяцев.

Ленард фиксировал ее возраст, вес и рост с группой крови в таблице регистрации

сущности. Девчонке это явно не нравилось: она щурилась и потирала глаза, словно они у нее чесались. Попытавшись заглянуть в панель Ленарда, она с подозрением спросила:

— Зачем вы все это пишете? Это обязательно?

— Да, — все так же спокойно ответил Адам, — не переживай, это формальность. Нашему инженеру нужно посчитать коэффициент заряда, чтобы точнее определить твою сущность.

— А Элла с этим не справится? — обернулась манифестантка на дверь.

Меня передернуло от этого убогого и неуместного сокращения имени титулованной особы, которым девчонка разбрасывалась как мусором. Мало того, что она не могла усидеть на месте, так еще и не соблюдала никакого уважения к людям выше ее по статусу.

На задний план даже отошла мысль, что я не доверил бы Элине даже самую простую диагностику сущности, не говоря о сложной аппаратуре.

Девчушка заметила мой жест и осторожно спросила, обращаясь напрямую ко мне:

— Я что-то не так сказала? Простите, у меня не было в мыслях кого-то обидеть!

Капитан бросил на меня угрожающий взгляд, а ей ответил все так же спокойно:

— Не обращай ни на кого внимания, Маргарита. Сосредоточься на нашей беседе.

Я понял, почему его выбрали капитаном. Он был абсолютно хладнокровен в столь опасной ситуации, ничем не выражая своего волнения или опасений.

А опасаться было чего. Руки манифестантки опять начали дымиться.

Ленард незаметно включил распылитель с успокаивающим раствором, чтоб не лезть к ней с иглами. Девчонка успокоилась и перестала ерзать.

— Маргарита, это ты чуть не убила монстра в саду? — подошел к самому важному моменту беседы Адам.

— Не знаю, — она смотрела как будто сквозь нас.

— А воронка в саду — твоих рук дело?

— Не знаю...

— А то, что дом едва-едва выстоял? Не знаешь?

Девчушка зевнула во весь рот и откинулась на спинку кресла, пробормотав:

— Ничего я не знаю...

Ленард выключил распылитель, но девчушка уже откровенно посапывала прямо перед нами. Адам тяжело вздохнул, ударяя ладонью по лбу. Я не выдержал, встал со своего места, подошел к ее креслу и включил на панели громкий звук сирены. Девчонка заверещала, подскочив на месте, а я проговорил тоном, не подразумевающим никаких возражений:

— Мы можем подключить вас к монитору воспоминаний, но это будет неприятно, долго и затратно для нас всех. Так что в ваших же интересах взять себя в руки и продолжить рассказ.

Девчушка заморгала своими огромными голубыми глазами, которые начали сиять из-за слез:

— Есть какая-то объективная причина, по которой ты меня ненавидишь? — тихо спросила она.

— Алан, уйди на свое место! — прикрикнул на меня Адам. — И не смей даже поднимать свой королевский зад, пока не поступил приказ твоего командира!

Я стиснул зубы и направился назад на место, ощущая непреодолимое желание спросить у капитана, как долго он собирается нянчиться с нахалкой. Мы и так не укладывались во временные рамки процедуры регистрации, не хватало еще нелепой игры в галантность.

— Расскажи, что ты помнишь, — продолжал беседу Адам. — Нам очень важно знать, что с тобой случилось.

— Я шла с тренировки домой через наш парк, — сложила она руки на коленях, — услышала, что кто-то дерется, решила разнять. Но драки не было. Была лишь Элина, вся грязная и помятая.

— Свойственна ли тебе подобная храбрость? — спросил ее Ленард.

— Нет, — покачала головой малявка, — я очень трусливая по природе.

Краем глаза я увидел, что сквайр не торопится заполнить ни графу «Расположенность к чародейству», ни графу «Расположенность к ведовству». Он сомневался, и я осознал, как все мужчины в той комнате словно потеряли разум из-за двух ямочек на щеках и невинном взгляде как у теленка.

— Прекратите издеваться над ней! — раздался позади нас требовательный голос Элины.

Очистившись при помощи чар, она все так же нелепо выглядела в той дурацкой пижаме: рукав кончался, не добрав всего ничего до запястья, штаны не доходили до щиколоток. Принцесса заботливо вручила малявке маленький черный футляр, а сама вышла на середину комнаты, решительным жестом отобрала у Ленарда стул, на котором стояла его аптечка и села прямо рядом с девчушкой, взяв ее за руку.

— Ваше Высочество, — встал Адам, — при всем уважении к вам, смею высказаться, что вы нарушаете ход процедуры регистрации...

— При всем уважении к вам, капитан Горн, — прищурилась Элла, читая его нагрудный значок, — как ваш потенциальный наниматель, смею сказать, что имею право вмешиваться в процессы регистрации, если сочту их неправомерными. Вы правда хотите добиться внятного рассказа от девчонки, которая находится под действием седативов, которые туманят ее разум?

— И ничего у меня не затуманено... — пробормотала манифестантка, вытаскивая из футляра очки и снова начиная раскачиваться из стороны в сторону, как в бреду.

— Крошка, Элла разберется, — мягко осадил ее принцесса. — Если вам нужны показания — я готова их дать.

— Мы берем показания именно у нее не просто так, — устало потер переносицу капитан. — Ваше Высочество, вы думаете, что мы такие плохие, но ведь...

— Я ничего о вас не думаю, не доросли до такой чести, — прервала его на полуслове Элина, — и отныне, если хоть кто-то из вас посмеет высказаться против меня, то я привлеку родителей девочки. Пока что они не вмешиваются, только потому что я убедила их в полной безопасности их дочери. Они не будут в восторге, если увидят, что их дочь, мягко говоря, невменяема!

— Что-что? — подала голос девчушка. — Я под наркотой?

Она выглядела как сумасшедшая библиотекарь: огромные черные очки были словно подобраны не для нее. В Измерении мы использовали подобный примитивный прибор только для защиты от солнца или при работе с дополненной реальностью. Мне пришлось отводить взгляд, потому что неосознанно я начал с интересом на нее поглядывать. Из-за очков, разумеется.

Элла провела рукой по ее лбу. Затуманенный взгляд девчушки прояснился.

— Нет-нет, милая, — заверила ее принцесса, — это успокоительные, смешанные в неправильном соотношении. Кто-то, видимо, первый раз взял в руки настоящие лекарства, а

не набор юного лекаря.

— Она никак не успокаивалась, — встрял Ленард в разговор, — кому был бы прок от того, что девочка все спалит в порыве злости?

Элина посмотрела на него так свирепо, что сквайр мигом сжался до размеров камешка. Она подошла к нему и посмотрела сверху вниз (что было непросто при ее невысоком росте):

— Если вы, мой юный лекарь, читали устав об Этике лекарского дела, — начала она своим самым угрожающим тоном, — то должны знать, что душеведческие приемы также рекомендованы к применению при работе с манифестантами. Какой из тридцати рекомендованных вы применили по отношению к Маргарите?

Ленард сидел красный как рубин. В его глазах затаился невероятный стыд, но также восхищение. Попасть под очарование Элины было нетрудно. Хотя она и слыла истеричкой, но ораторские способности, эффектная внешность и обаяние всегда играли ей на руку.

Я сидел в углу, выжидая и наблюдая за развитием событий. Нельзя было уничтожить свою репутацию в глазах Адама еще больше. Что же касалось милой глупой принцессы... У меня было оружие против него, но я выжидал повода и времени его применить.

— Что ж, вот как обстояло дело! — Элина гордо выступила вперед. — Когда чудовище, не описанное ни в каких учебниках, напало на меня, я сумела отбиться от него, но мой заряд был мал как никогда. Никто не знает, что случилось бы со мной, если бы эта храбрая девочка не пришла на зов о помощи! Она привела меня в свой дом и помогла восстановить силы. Она помогала мне приготовить защитный артефакт для дома, не поддаваясь панике. А, когда чудовище выследило нас и я не могла ничего поделать, потому что мой заряд все еще не был восстановлен, она бросилась защищать меня и своих родителей. Маленькая и хрупенькая девочка! У нее хватило героизма противостоять чудовищу! Маргарита расправилась с ним, как настоящая боевая чародейка! И я не понимаю, зачем вообще тратить время на эту регистрацию столько времени, если ответ очевиден! Она такая же как я! Маргариту Прикер ожидает блестящее будущее в стенах школы Эйлин, потому прошу вас: покончите с формальностями и дайте показать моей подруге, какие перспективы ее ожидают.

Адам подал мне знак. Я молча подошел к девчужке со своим чемоданчиком и принялся надевать на ее маленькие пальцы детекторы.

Она снова смотрела на меня в упор. И почему-то я не смог выдержать ее взгляда. Никто никогда не смотрел на меня столь нагло и прямо.

Пока детектор начинал высчитывать тип сущности, я сам засел за расчеты, вооружившись записями Ленарда. И чем больше я принимал в расчет логику и здравый смысл, тем больше убеждался, что пламенная речь Элины не имела под собой никакой опоры.

Героизм и храбрость были не более чем следствие базового защитного инстинкта и гормонов, которые вскипели в девчужке. Она не помнила, как покровсала чудовище, начинала источать магию при любом эмоциональном воздействии, даже успокоительные не давали долговременного эффекта. Для меня все было очевиднее некуда: не имела значения сущность девчужки. Она представляла серьезную опасность для окружающих.

Хвала Благодетелю, Адам тоже все понимал, потому ответил принцессе с максимальной тактичностью:

— Я признаю ошибки членов моей команды, допущенные во время регистрации и прошу прощения за них, Маргарита. Но я все же закончил бы процедуру, дабы избежать в дальнейшем любых недопониманий. Тем более, наш инженер уже почти закончил расчеты,

верно, Алан?

Его вопрос пролетел мимо моих ушей, потому что я правда покончил с расчетами и даже пересчитал результаты вручную. Почва под моими ногами стала вязкой, а боль в висках загудела еще сильнее. Подтвердились мои самые тайные опасения.

Я прокашлялся и произнес абсолютно спокойно, не выдавая никакой внутренней дрожи:

— Ведунья. Коэффициент заряда выше нормы. Уровень опасности «высокий».

В комнате воцарилась невероятная тишина. Элина побледнела и неосознанно отодвинулась от девчушки подальше. Я лишь усмехнулся про себя.

Милая лицемерка была идеалисткой и борцом за правду, только когда эта правда была удобна лишь ей.

К несчастью нашей дорогой ораторши, которая внезапно перестала источать слащавые речи, девчонка все заметила и поняла. Она испуганно посмотрела на нее и пролепетала:

— Элла, что это значит? Почему все замолчали?

Та же лишь молчала, бледнея все больше и больше.

— Элла! — взяла ее за руку девчушка, буквально заглядывая ей в глаза. — Скажи что-нибудь!

Та же отдернулась от нее, как будто руку обожгли каленым железом.

Я почувствовал нескрываемое отвращение к милой лицемерной принцессе, меня даже начало подташнивать. Да, я ненавижу ведуний всей душой. Да, порой мои высказывания не были этичны от слова «совсем». Но я никогда не отказывался от них и не поджимал хвост, когда приходило время за них отвечать.

Но что было самое мерзкое в этой ситуации, так это трусость Ленарда и Адама. Никто из них не мог сказать ей правду.

И, очевидно, самым плохим парнем должен был стать я, потому что все резко потеряли дар речи и слуха, как бы девчонка ни пыталась до них достучаться.

Привыкай, Алан. Ты в этой истории будешь героем максимум минуты две-три.

— Это значит, что на тебя прямо сейчас надо надеть ограничители магии и сопроводить в школу Ронетт, где госпожа Кларисса решит, что с тобой делать, — объяснил я.

— Я опасна? — Теперь малявка искала правды у меня. Но ирония состояла в том, что роль мудрого наставника была мне не по плечу.

— Посмотри на чудовище, которое ты почти что порубила на куски, и задай этот вопрос еще раз, — огрызнулся я.

— Алан, достаточно! — неожиданно для нас всех отмерла Элина. — Рири, пока что ты не представляешь опасности, потому что сняла заряд.

— Заряд имеет свойство накапливаться, — прервал ее я. — В минуты сильного эмоционального напряжения триггером для подобных магических реакций может стать все что угодно.

— А может и не стать! — запротестовала принцесса.

— Прости, что?! — рассмеялся я ей в лицо, переходя на Лефия. — Мы сейчас говорим о неудачных предсказаниях? Или же мы говорим о серьезной магии, которая способна нанести вред?!

— Алан, — угрожающе произнес Адам. — Ты ходишь по очень тонкому льду.

Меня затошнило в два раза сильнее от трусости капитана. Ну, разумеется, он заботился о чувствах малявки! Спорить в этой ситуации можно было хоть до потери голоса, но

единственным способом ее разрешить было именно осознание девчонкой всей той опасности, что она представляла.

— Помнишь ли ты, что чувствовала в момент нападения чудовища на твоих родителей? — повернулся я ней, все это время сидевшей сжавшись в кресле и растерянно наблюдавшей за нами.

— Я злилась, — тихо произнесла она.

— А дальше как будто черный экран? — продолжал я свой допрос. — Не помнишь ничего до момента нашего прибытия?

— Ага, — согласилась со мной.

— Давай представим ситуацию: был у тебя плохой день. На тебя злобно посмотрел прохожий, подруга сказала, что ты уродина — не знаю, какие еще причины. Важно одно: ты разозлишься? Тоже появится черный экран?

— Нет! — заверещала девчушка. — Я мирный и добрый человек!

— Действительно? — продолжал напирать я. — Хочешь сказать, что умеешь себя контролировать? Что подобной катастрофы не повторится? И через полтора месяца нас не вызовут на место страшного убийства твоей недоподружки, с которой вы не поделили туфли или платье?

Девчушка начинала краснеть, но конечности, хвала Благодетелю, не дымились. Она глотала слезы и повторяла одно и то же:

— Я хороший человек! Прошу, поверьте мне! Я никому никогда не причинила вреда!

— Уже причинила, — парировал я. — И ты уж прости, но никому нет дела до того, какой ты там человек. Пока твоя магия бесконтрольна и хаотична, ты опасна для общества. И все твои близкие находятся под угрозой смерти.

— Но я совсем-совсем не опасна! — ныла девчонка, вытирая слезы рукавом. — Я хороший человек! Пожалуйста, отпустите меня! Этого больше не повторится!

Ленард и Адам с Элиной сидели почти не шелохнувшись. Никто из них даже не мог открыть рта и попытаться успокоить ее. Может, это даже было к лучшему. Я прекрасно понимал, что ей не нужны ласковые слова.

Только лишь предельная откровенность и жесткость могли вразумить ее.

— Это повторится, — отрезал я, снова присев перед ней на корточки, — спусковой крючок нажат, обратного пути нет. Каждый раз, стоит тебе хоть на секунду потерять контроль над собой, магия будет проявляться все ярче и ярче. И за последствия никто больше ответить не сможет. Твоя семья и окружающие окажутся в опасности погибнуть мучительной смертью. Ты хочешь этого? Совсем их не любишь? Соврешь о чем угодно, лишь бы злые люди ушли и не трогали?

— Нилионский, на место! — вдруг взревел Адам. — Дисциплинарное наказание! Вступает в силу с завтрашнего дня!

Я замолчал. Определенно, никаких ответов со стороны отца бы не подействовало, ведь я намеревался изложить подлинную версию событий, не сглаживая лицемерие капитана или абсолютную беспечность Элины.

И еще я знал, почему Адам молчал и никоим образом даже не старался меня заткнуть: правота была на моей стороне. Капитан не мог сообщить ничего нового и утешительного в ответ. Инициативу он потерял еще на самых ранних порах, и возвращать ее было поздно.

Неожиданно, девчушка утерла слезы и спросила все еще дрожащим, но не плавающим голосом:

— Нет, пожалуйста, пусть продолжает. Насколько все со мной плохо?

— Даже хуже, чем ты можешь себе представить, — продолжил я. — Все ведуньи таят печать зла от рождения. Ибо сказано в книге о Сотворении Мира: «Породила их кровь Благодетеля и кровь созданий, что даже Тьма отвергла, настолько порочны были их души».

— Со мной все так безнадежно? Я стану злой злыдней, которую надо держать на цепи? Я выдохнул с некоторым облегчением. Наконец-то она не вела себя как истеричка.

— Не станешь, если будешь бороться со злом, что сидит внутри тебя с самого рождения.

— Алан, замолчи! — вдруг завопила Элина, зажав уши. — Не смей так говорить о ней!

Я с огромным трудом подавил желание заорать на нее в ответ. Вместо этого я мягко улыбнулся ей и спросил на Лефия:

— Интересно, как королю Бивису понравится твоя новая подружка-ведунья? Он уже отошел от позора, который навлекла на него твоя матушка?

Принцесса побледнела, но на этот раз не отступила от своей игры в хорошую девочку. Она положила руки на плечи девчужке и залепетала:

— Обещаю, я тебя не брошу! Ты там не пропадешь, Крошка!

Но манифестантка не поддавалась на ее ухищрения, сбросив руки и произнеся неожиданно холодно и ровно:

— Твои обещания резко упали в рыночной стоимости.

Она повернулась к Адаму, все это время мрачно и озлобленно смотревшего на меня, и сказала:

— Я пойду с вами куда скажете. Но не смейте колоть меня вашей отравой.

— Разумеется, — кивнул тот в ответ.

— Но... Еще мне нужно взять с вас пару обещаний. И только попробуйте нарушить хоть одно из них.

Капитан продолжал молчать, лишь кивками показывая ей, что внимательно ловит каждое слово.

— Помогите придумать отмазку для родителей, почему меня так срочно надо увезти отсюда. Организуйте доставку всего багажа, о котором я попрошу. И еще...

Глаза девчужки заблестели от слез, но она прокашлялась и закончила свою речь, пусть и дрожала, как травинка на ветру:

— Прошу вас, не надевайте на меня наручники при них. Я не хочу, чтобы мы попрощались вот так.

Впервые на моей памяти грозный капитан Адам Горн отдал кому-то помимо руководства честь.

Черный цвет, древняя история и вечер в окружении алых свеч

Как бы вы описали черный цвет?

Не цвет безлунной и беззвездной ночи. Не цвет чая или кофе. Не цвет шерсти кошки, что несет несчастья.

Какой именно ваш черный цвет?

Можно ли мне описать его вам? Выслушаете ли вы меня до конца и поймете ли, невидимые читатели?

Мой черный цвет — это вихрь, который обрушивает дома на своем пути и забирает жизни людей. Это пропущенная ступенька, из-за которой ты кубарем летишь вниз головой.

Мой черный цвет — это удар кулаком в живот, в самое сплетение и эпицентр нервов,

из-за которого дыхание в горле спирает и дышать невозможно, потому что в мире остаётся только ты и твоя боль.

Мой чёрный цвет — это поломанная на куски жизнь, разорванные в клочья мечты и глухое отчаяние.

Мой чёрный цвет — первая ночь в школе Ронетт.

***

— Вашей дочери нужна помощь. В этом мире ее никто оказать не сможет.

На дно чемодана я положила ноутбук, закутанный в старый плед с ламантинами. Сверху — три смены белья и пять пар колготок.

— Господа Прикер, дело намного серьезнее, чем вы даже можете себе представить. Нет времени на обследования. К тому же, Маргарита не больна.

Две пижамы — теплее и полегче. Кто знает, в моей камере будет обогреватель? Где я вообще буду жить?

— Мы не можем сказать вам, когда она вернется. Данный случай весьма затруднителен. Разумеется, вы сможете выходить с ней на связь! Нет, у вас не получится ее навестить, но мы будем еженедельно присылать вам табели о ее самочувствии и состоянии.

Джинсы и четыре футболки. Форменная юбка с блузкой. Пиджак и толстовка. Платья уже не влезут.

— Сандра, прошу вас, успокойтесь! Ей ничего не угрожает в этом пансионе! Госпожа Кларисса опытный преподаватель, она поможет вашей дочке. На Земле Маргарите и всем вам грозит серьезная опасность!

Футляр с запасными очками. Коробочка с контактными линзами. Контейнер и раствор для них. Розовая помада. Маленькая аптечка с лекарствами и мамыны настойками. Документы, табель успеваемости за прошлый семестр.

— Маргарите нельзя оставаться тут! Если она не уйдет с нами, то за ней придут совсем иные структуры. Пожалуйста, не усугубляйте ситуацию!

Томик «Убить пересмешника» и музыкальная шкатулка. Старая тетрадка с принцем Каспианом на обложке. Больше в маленький розовый чемоданчик не влезет. Капитан Горн обещал взять у меня список и привезти еще вещей.

Можно ли верить их обещаниям? Можно ли верить хоть кому-то из них?

Я села на кровать и оглядела комнату в последний раз. Слез уже не было. Только лишь чувство пустоты и ощущение, словно из меня вырвали без анестезии кусок мяса, заклеили рану пластырем и приказали как-то существовать дальше.

Мне хотелось запомнить абсолютно все, удержать в памяти хотя бы частичку памяти о доме. Я вглядывалась в каждую, даже самую маленькую деталь.

Бумажные светящиеся звездочки на потолке. Гирлянды на стенах. Туалетный столик, где рядами стоят помады, флакончики с лаками для ногтей. Письменный стол, на котором разбросаны тетрадки и учебники. Виниловый проигрыватель и стопка пластинок. Платяной шкаф.

— Маргарита сама высказала желание отправиться с нами. Все происходит по ее воле.

Рури больше не имеет права на желания. Если бы она правда могла что-то решать, то выгнала бы всех этих людей из дома и заперлась там, укрыв родителей и себя.

Элина вошла в мою комнату без стука, виновато заглядывая мне в глаза. Мне стало тошно от ее заискивания передо мной.

— Крошка, пора, — тихо произнесла она.

Я затянула потуже шнурки на черных кроссовках, одернула водолазку в тон им, расправила стрелку на клетчатых брюках и накинула серый плащ поверх. Принцесса молча наблюдала за мной, хоть ее губы и подрагивали, словно она хотела разразиться очередной пафосно-лживой речью. Я молила Бога, чтоб она продолжала молчать.

Господь был удивительно глух в тот вечер.

— Я ничего не могла поделать! — шепотом, озираясь по сторонам, воскликнула она.

Мне захотелось швырнуть в нее чем-нибудь тяжелым.

— Разумеется, — процедила я.

Элина попыталась дотронуться до моего плеча. Я отшатнулась и посмотрела на нее своим самым грозным взглядом.

— Рири, все это очень странно! — продолжала она капать мне на мозги. — Твой заряд и магия... Возможно, произошла ошибка...

Я выпустила воздух через зубы, проглотила слезы и прошептала:

— Почему ты тогда ничего не сказала им? Ты стояла и смотрела, как меня мешают с грязью!

Элла сделала шаг назад, осторожно поднимая ладони вверх:

— Да, возможно, так все и выглядело со стороны. Я и правда несколько растерялась, но пойми, тогда лучшей позицией было выжидание и...

— Ты что, меня боишься? — вдруг дошло до меня. — Думаешь, я сейчас разозлюсь и порву тебя на куски, как того монстра?

— Ну что ты! — бросилась оправдываться та. — Вовсе нет...

— Неужели?! — рявкнула я, сделав резкий прыжок в ее сторону.

Она отпрянула назад, закрыв себя руками и засияв, как гребаная рождественская елка.

Я издала смешок и взяла ручку чемодана со словами:

— Так и думала. А теперь мне пора идти прощаться с родителями, которым нельзя будет меня навещать. Как же мило, что в лицо мне этого никто не сказал.

Запахнув плащ и еще раз проглотив слезы, свыкшаяся со вкусом горечи во рту, я быстрым шагом покинула свой маленький уютный мирок.

***

— Мальш, неужели все, что говорят эти люди — правда? — бросилась ко мне мама. — Что за печать Зла?

Я пообещала себе держать лицо перед родителями и не срываться в истерику, чтобы никому из нас не делать больно. Но красные заплаканные глаза мамы и отчаянный, полный ужаса, взгляд папы окончательно выбили меня из колеи.

— Не знаю... — прошептала я сквозь слезы. — Ничего не понимаю!

Папа обнял нас обеих и заговорил тем самым твердым и уверенным тоном, каким всегда успокаивал меня или ее, когда дела шли плохо:

— Я возьму номер телефона директрисы этого, прости Господи, пансиона и не слезу с нее, пока она не заверит нас с мамой, что с тобой все хорошо.

— Связь между измерениями работает абы как, — вмешался капитан Горн, — возьмите мой номер, я улучшил свою панель, клянусь всегда быть на связи.

Как я потом узнала, он был старше меня на четыре года, но держался так степенно и уверенно, что у меня и в мыслях не было называть его просто по имени. Он тоже мало что сказал во время этой чертовой регистрации, но успокаивал меня как мог и пытался хоть немного облегчить мое положение. А еще Капитан совершенно искренне, без тупого

показушничества попытался осадить того...

Придурка.

О, невидимые читатели, запомните это лицо. Оно еще не раз появится на страницах этого дневника. Здоровая ли это фигня, что я вижу его, каждый раз, когда закрываю глаза?

Лучше об этом не думать.

Исполинского роста. Худой как палка, но удивительно рельефный для своего телосложения. Белый как снег: кожа, волосы, даже губы словно обескровлены. Только лишь темно-синие глаза горят как газовое пламя.

Черт, даже его имя отпечаталось в моей памяти как клеймо.

Алан.

Мое имя он запомнил не с первого раза.

Все время нашего разговора с Капитаном, он стоял поодаль вместе с другим парнем, который напичкал меня долбаными седативами. Тот был ростом пониже и крепче, светло-русый и серыми глазами, все время бросал на меня взгляды, словно пытался найти на мне опознавательный знак «Не влезай — убьет». А Придурок меня не замечал. Смотрел словно сквозь пустое место.

Поверьте, его поведение в тот вечер было лишь вершиной айсберга из всей истории нашего... Знакомства.

Возможно, вас интересует, почему я не описала моего благодетеля на тот вечер. Просто дело в том, что память о нем омрачена весьма прискорбными обстоятельствами.

А конкретно — кровью.

Простите за спойлеры.

— Я передам все ваши требования госпоже Клариссе, — твердил Капитан одно и то же, делая пометки в чем-то, напоминающем планшет. — Буду отвечать за вашу дочку головой.

— Уж постарайтесь, молодой человек, — гремел над ним папа.

— Мы надеемся на вас, Адам, — вторила ему мама, — если с нашей малышкой что-то случится, вы будете в ответе за это. Я буду приходить к вам по ночам до самой вашей смерти, если с ней что-то случится. Рири... Вы не понимаете, кто она для нас. Не сможете.

— Я понимаю боль родителя, которого разлучают с ребенком, мэм, — тихо пробормотал Адам.

Мама посмотрела на него и всхлипнула:

— Она — наш подарок судьбы. Наше благословение и награда за годы мучений! А вы... Отнимаете ее у нас!

Она снова разрыдалась. И вся ее боль разом стала моей, обрушившись как лавина. Я прильнула к ней и прошептала на ухо:

— Мамуля, я вернусь вашим Малышом, обещаю тебе!

Мы обе плакали, сжимая друг друга в объятиях и не в силах отпустить. Папа поочередно гладил нас по головам, шепча обрывки слов, потому что сам не мог сдержать слез.

— Господа Прикеры, нам пора, — с огромным трудом произнес Капитан.

Я отлипла от родителей, крепко сжала ручку чемодана и решительным шагом направилась к входной двери. У меня хватило сил только на фальшивую браваду:

— Мама, папа, все будет хорошо!

Ничего никогда уже не будет хорошо.

Когда мы покинули дом и отошли от него на достаточно большое расстояние вверх по улице, договоренность о наручниках вступила в силу. Придурок уже копался в своем

чемоданчике, в поиске моих кандалов. На смену пустоте и отрешенности пришел липкий, пронизывающий до костей страх.

Элина в очередной раз попыталась встретиться взглядом со мной, словно отчаянно умоляя поверить ее жалким трусливым оправданиям. Пришлось демонстративно повернуться к ней спиной, чтоб до королевишны наконец дошло.

Я в последний раз оглядела городок, где прошло мое детство и предательски короткая часть юности. Маленькие, аккуратные, коричнево-белые домики, крепко стояли на земле своими выстроенными на славу фундаментами, тепло светили мне на прощание мягким желтым и оранжевым светом из окон. Фонари мигали перегоревшими тусклыми лампочками, словно передавая послание азбукой Морзе. Где-то вдалеке шумел лес, похожий на зелено-черное бескрайнее море.

И вдруг подул ветер, слишком холодный для сентября, не суливший ничего хорошего, кроме роковых перемен и тягот с лишениями, которые приближались все ближе вместе с металлическим лязгом наручников, которые Алан вытащил из недр своего гребаного чемоданчика. Я сделала глубокий вдох и выдох, лишь бы снова не разреветься и не дать никому из этой компании повода насмеяться над моей слабостью.

Неожиданно Капитан снял с меня кулон-переводчик и произнес на английском:

— Рири, поверь, я понимаю, что ты сейчас чувствуешь. И я знаю, что для тебя все сейчас пошло наперекосяк. Честное слово, все это не напрасно. Все встанет на свои места, только подожди еще немного.

Я промолчала, чтобы не сорваться на крик и протянула руки навстречу моим новым «товарищам».

Наручники напоминали тонкие серебряные браслеты — на мгновение мне даже показалось, что ими невозможно никого неволить. Но, когда своими холодными цепкими пальцами Придурок закрепил их на моих запястьях, железо впилося мне в кожу, обвязывая туже тысячи веревок.

Я снова посмотрела на него, изо всех сил пытаюсь отыскать в холодном обескровленном лице хоть что-то человеческое. Не вышло. Передо мной словно стоял робот или же злодей, скрытый под маской безучастности. Если Элина хоть иногда выходила из роли и показывала мне настоящие эмоции, то этот молодой человек играл роль равнодушного и беспощадного мерзавца блестяще и успешно. Почему-то на ум мне пришел Кай, плененный и почти что загубленный Снежной Королевой.

Его темно-синие глаза полыхнули лютой ненавистью. Он быстро отошел от меня и провел руками по черной водолазке, как будто пытаюсь их вытереть. Этого я уже снести не могла, и все ассоциации с Каем испарились без следа.

Мной было принято окончательное и бесповоротное решение ненавидеть его до конца своих дней.

— Ваше Высочество, откройте портал, — почтительным, но все же пассивно-агрессивным тоном обратился Капитан к Элине.

Принцесса кратко кивнула и молча щелкнула пальцами. Перед нами появилось нечто, напоминавшее бурлящий белый водоворот или же неизвестную и не открытую астрономами космическую туманность.

— Это вовсе не страшно, — уже начал уговаривать меня Капитан, — ты даже ничего не...

Я уже не слушала его, а разбежалась и вместе с чемоданом запрыгнула прямо в самый

эпицентр портала.

***

— Не смейте меня колоть! — завопила я, подняв стул высоко над головой. — Не приближайтесь!

Да, здесь определенно надо дать контекст ситуации.

Когда я выпрыгнула из портала вместе с чемоданом, то упала плашмя прямо на холодный каменный пол.

— Рири! — бросилась ко мне Элина, помогая подняться. Я не смогла ей помешать. Сложно сопротивляться, когда у тебя от боли звенит в ушах.

Мы толпились в помещении, похожем на приемную. Было очень темно, я не смогла разглядеть все в подробностях. Все, что смогла разглядеть — ряд стульев, обитых красной велюровой тканью с изображением причудливых цветов и огромные занавески на окнах.

Пугающий красный. Как кровавая луна.

Остальное жизненное пространство комнаты заполнили странного вида трое человек в синих халатах с повязками на рукавах. Группа начинала надвигаться на меня. У одного из них я увидела в руках нечто похожее на шприц. На секунду легкие перестали дышать, а в живот словно ударили ножом.

Только не иголки. Только не туман в голове. Они точно закуют тебя в цепи и привяжут где-то в подвале за батарею.

— Маргарита, стой! — поднял руки вверх Адам, бормоча что-то остальным на их непонятном языке. — Никто не причинит тебе вреда!

— Вы и в прошлый раз так говорили! — вопила я. — Уберите иголки!

Придурок, стоявший в стороне от всех нас, закатил глаза и состроил настолько страдальческую гримасу, словно бы его варили в кипятке заживо. Лекарь в спешке отбирал у парней все их орудия пыток, а Элина и Капитан пытались успокоить меня.

— Рири, пожалуйста, опусти стул! — уговаривала меня принцесса. — Они сейчас уйдут!

— Не верю! — вопила я. — Вы обещали, что не будете меня дурачить! Что эти люди здесь забыли?!

— У меня тот же вопрос, — раздался женский грудной голос за моей спиной. — Я не приглашала команду для освидетельствования, стало быть, это вы? А что касается тебя, юная сестра, то опусти стул, пожалуйста. Не стоит ломать мебель в свой первый вечер.

Стул внезапно стал легким в моих руках и выпорхнул из них изящнее бабочки.

Позади меня стояла высокая и худощавая женщина средних лет, похожая на всех злобных преподавательниц из фильмов ужасов о загородных элитных пансионах. Она была одета в бордовое платье, словно бы сделанное из плотного кружева. Черные как вороново крыло волосы были собраны в тугий гладкий пучок на самой макушке. Острые черты лица вместе с худобой придавали ей сходство с хищной птицей. Я закрыла себя руками в попытке спрятаться от нее.

Но вдруг я ощутила странное тепло на спине. Кто-то гладил меня по спине, утешая и защищая.

— Я хотела бы спросить, что произошло во время процесса регистрации сущности, но сам вид девочки уже говорит за себя, — продолжала женщина. — Каждый раз, когда манифестантки появляются тут, они или не могут связать пары слов, потому что вы травите их, или запуганы до смерти.

— Госпожа Кларисса, — я не видела лица Капитана, но голос у того дрожал, — я

признаю вину за собой и своей командой, но позвольте...

— Я позволяю вам и принцессе Элине покинуть пределы моей школы в течение пяти минут, — все так же спокойно оборвала его на полуслове та. — Меня не интересуют ваши оправдания. Возвращение душевного спокойствия для новой ученицы — вот мой приоритет. Надеюсь у вас не хватит совести, чтоб спать сегодня спокойно.

— Вы забываетесь, старшая сестра! — гордо вскинула голову Элла. — директорисе Пембрак не понравится то, как вы со мной говорите.

— Правда? — спросила она. — Сегодня вечером госпожа Макрая просила меня ассистировать на процедуре дознания с попоищем, случившемся на одной из вечеринок в Централле. Теперь я в раздумьях: что же нового там узнаю?

Снова воцарилась неловкая гнетущая тишина. Женщина смерила грозным взглядом всю толпу и почти прошептала:

— Всем вон.

Народ как ветром сдуло. Только Элина опять решила оставить последнее слово за собой:

— Маргарита, мы теперь в боевой дружбе. Я тебя не обманываю. Все, что было мной сказано...

— Вы повторите в другой раз. Можете идти, Ваше Высочество.

Элина вышла из приемной, громко хлопнув дверью. Хозяйка офиса поджала губы и задумчиво произнесла:

— Удивительно. Королевский дом Лефарины заключает боевые союзы. Интересно, что Бивис на это скажет?

Я передернула плечами, всеми силами показывая, как мне это безразлично. Женщина потрепала меня по голове и неожиданно нежно и ласково произнесла:

— Тебе холодно, Маргарита? Хочешь травяной настой? Всегда предлагаю его при проблемных манифестациях.

Мне было не очень холодно, но одно лишь упоминание о злосчастной магии бросило меня в дрожь, аж зубы застучали.

— Бедняжка. Идем за мной.

Женщина повернула по часовой стрелке кольцо на своей правой руке. Повсюду тысячами огоньков засияли свечи в огромных старинных медных канделябрах.

— Знаю, как это выглядит, — горьким тоном ответила на мой немой вопрос она, — деньги на оплату счетов задерживаются, экономим энергию как можем. Ненавижу этот воск.

Но мне свечи неожиданно понравились. Они выглядели так знакомо и привычно. Да и сама приемная выглядела куда приветливее при их свете. Я смогла разглядеть огромный книжный стеллаж из черного дерева, картины в старинных позолоченных рамах и кучу разных странных символов, висевших на стенах. Я не видела никаких нитей, за которые бы они были подвешены. Эти предметы словно бы левитировали.

Но как же много красного. Все оттенки. Словно других цветов для директорисы не существовало.

Кабинет тоже выглядел одновременно очень знакомо, но странно. В центре стоял огромный письменный стол, на котором были аккуратно разложены папки и множество документов. Над ними парило странное устройство, похожее на стилус для планшета, но никто им не управлял. «Стилус» сам подписывал бумаги. На стенах висели картины, но мне показалось, что люди, изображенные на них, двигались как гифки. Или как портреты в

Хогвартсе. Мне сложно было понять, что правда, а что нет. Свечи давали не так уж много света, глаза очень устали от линз, а еще меня потихоньку начинало клонить в сон не то от запоздавшего прихода от немеренной дозы успокоительных, не то от усталости.

— Присаживайся, — женщина села за стол как настоящая королева.

Я только обернулась в поисках сидения для себя, как меня что-то сбило с ног. Тут же подлетел поднос с чайным сервизом. И чайник сам принялся разливать настой очень быстро, ловко и аккуратно.

— Мамочки! — только и смогла сказать я.

Женщина рассмеялась. Но это была не издевка, а скорее умиление, как родители смеются над первыми неловкими шагами своего ребенка.

— Это отработанный протокол гостеприимства в нашей школе, — объяснила она. — Все относится к нему как к должному. Впервые за много лет вижу столь искреннее удивление.

Я покраснела от смущения, почувствовав себя деревенщиной. Собеседница же прокашлялась и протянула мне руку:

— Прошу прощения, юная сестра, что до сих пор не представилась тебе. Госпожа Кларисса Сагх, твоя старшая наставница и директриса школы, что основала Ронетт для своих сестер из рода ведуний.

— Маргарита Карлотта Прикер из... Не понять откуда, — я осторожно коснулась ее длинных теплых пальцев в ответ. — Простите, не знаю даже, что о себе рассказать.

— И не нужно. Дай мне немного времени, — она прищурилась. От ее тела тоже пошел свет, но он был не ослепляющим, а приглушенным и едва заметным.

Первое впечатление о госпоже Клариссе оказалось явно обманчивым. Она улыбалась мягко и искренне, совсем не как Элина. Пальцы были испачканы чернилами, как от тяжелой работы в библиотеке. И чернильные пятна словно медузы растекались по всей ее руке до самого локтя.

— У тебя тоже будут подобные, мы не приветствуем современные технологии при изучении столь тонких наук, — снова опередила мой вопрос своим ответом директриса. — Ну, вот я и закончила свое знакомство с тобой.

— Вы мне ни одного вопроса не задали, — недоверчиво нахмурилась я. — Что вы обо мне узнали?

Она улыбнулась мне и заговорила быстро, но в то же время четко, проговаривая каждое слово так, словно оно было прописной истиной:

— Ты занимаешься танцами больше половины своей жизни. Твоя самая любимая книга — «Убить пересмешника», ты как раз привезла ее с собой, надеясь утешиться при чтении. Ты любишь сладости, забавные земные мультики про животных и песни весьма симпатичной и подающей надежды молодой женщины по имени Тейлор Свифт. Ты никогда прежде не имела отношений с магией и потому не понимаешь, что именно произошло этим днем в парке и во дворе дома. А еще... Пекло, девочка моя, ты не виновата в том, что с тобой случилось. Ты защищала свою семью; поступала так, как повела бы себя на твоём месте каждая из нас. Ты не отмечена злом и ни в чем не виновата.

Внутри меня как будто лопнула невидимая струна. Я разрыдалась, сжавшись в комочек. То были не слезы горечи, страха или отчаяния. Это были слезы облегчения. Мне чертовски нужны были эти мягкие и добрые слова.

— Как вы это узнали? — шмыгнула я носом. — Прочитали мои мысли?

— В каком-то смысле, — кивнула госпожа Кларисса, — мой Путь ведуньи — работа с разумом.

— Какой путь?

Директриса что-то тихонько прошептала под нос — судя по интонации — ругательство, но мне ответила:

— Думаю, сейчас не время для запутанных объяснений, потому объясню все кратко и без деталей. Твоя Проводница и наши преподавательницы помогут мне ввести тебя в наш мир наименее безболезненно. Пей, не стесняйся. Это не лекарства рыцарей-лекарей, оно не задурманит тебе голову. Только лишь внесет порядок в тот сумбур, что творится в твоём разуме.

Мои силы на какое-либо сопротивление жизненному хаосу потихоньку иссякали, потому я устало откинулась на спинку стула с кружкой в руках. Сделав глоток, мне показалось, что по вкусу это нечто очень похожее на ромашковый чай с медом, который заваривала мне мама.

— Особенная трава, — снова ответила мне госпожа Кларисса раньше момента, когда вопрос только начала созревать в моей голове, — добавь ее в настой — и ощутишь вкус того напитка, что любимей всего для тебя. А теперь слушай историю, что древнее всех в этом мире.

Мне стало невероятно тепло и уютно, как только горячий напиток оказался в моем желудке. Я подавила зевок, но медленно начала сползать по спинке стула.

— В начале не было ничего. Ни тьмы, ни света. Ни солнца, ни воды, ни неба. А уж меня и вас, дети мои, вообще не существовало даже в замыслах, — голос директрисы звучал успокаивающе и на удивление мелодично, словно колыбельная. — Но появился Он. Благодетель и Отец наш. По Его воле появились Вода и Суша, Пекло и Долина сна, Деревья и Травы. А последними Он сотворил нас, своих любимых детей.

Веки становились все тяжелее и тяжелее. Я поставила кружку на стол и хотела сказать госпоже Клариссе, что устала, но слова замерли комком в горле.

— Сила Его была велика и непостижима разуму нашему, — ее голос доносился как будто издалека, — но был Он добр к своим детям и желал поделиться своей Благодатью с самыми добрыми и послушными, ибо они есть суть творящего. Раздал он каждой по части силы своей и научил творить чары, изменяя сущее. Благодетель разрешил все, но поставил три условия: не создавать с помощью магии жизнь, не продлевать и не забирать ее. То было лишь в его власти...

***

Я очнулась так же внезапно, как и вырубилась. Хоть вокруг и не было видно дальше вытянутой руки, что-то неведомое подсказывало, что кабинет директрисы мое брэнное тело покинуло. Было тепло и мягко, словно на пуховом облачке. Сделав титаническое усилие над собой, я поднялась, потерла глаза и огляделась вокруг, машинально шаря руками вокруг себя в поисках очков.

Меня положили на кровать и накрыли одеялом. Даже переодели теплую пижаму, отчего стало немного не по себе, ведь кто-то отвечал за раздевание... Глаза все никак не могли привыкнуть к темноте, но чутье подсказывало, что меня переместили в общежитие. Страхи о камере оказались ложными.

Я села на кровати, завернувшись в одеяло. Глупо было полагать, что мне предоставили роскошь в виде отдельной комнаты. Но соседки не было ни видно и ни слышно. Все путала

чертова непроглядная темень. Были лишь запахи.

Вишни, фрезии и сырость. Старое дерево, свежесть...

Вдруг раздался глухой звук грома, совсем не такой, что гремел осенью в Форестсайде. Тот словно бы разрывал на несколько частей плоть живого существа. Я в испуге вскрикнула.

— Привыкай, — раздался низкий глухой голос справа от меня, — школа стоит на границе погодной аномалии. Здесь это в порядке вещей.

Комнату осветила вспышка молнии, и я окончательно убедилась, что в комнате уже кто-то жил.

На маленьком узком подоконнике сидела девушка. Она коснулась груди указательным пальцем, зажегши свечи в комнате. Я закрыла лицо руками, на мгновение ослепнув от их яркости.

— Сагх даже преуменьшила в своем рассказе, — соседка соскочила с подоконника и приблизилась ко мне. — Нежный Пирожочек. Как ты собираешься тут выживать, если даже свечек боишься?

Я осторожно убрала руки. Моей соседке одновременно можно было дать как восемнадцать, так и тридцать шесть лет. О нет, старше своих лет она не выглядела. Мне попадались похожие на нее киноактрисы на обложках старых киножурналов: густые темно-русые волосы, персикового оттенка кожа и женственные округлые очертания тела. Но взгляд ее темно-вишневых глаз был невероятно взрослым и пронзительным. Так смотрели на меня с обложек и иллюстраций все герои романов Эриха Марии Ремарка.

— О'Салливан, — протянула она мне руку, — хотела познакомиться с тобой при более подходящих обстоятельствах, но Клэри приволокла тебя на левитации и велела уложить и не будить. Нет, я не видела тебя голой, практическая магия нас всех спасает. Надеюсь, у тебя тоже нет привычки подглядывать за людьми в душе. А если не будешь доносить, что я курю, так мы вообще поладим.

Почти опустошенная красная бумажная пачка валялась на подоконнике. Соседка была одета в длинную красную ночную рубашку. И я, оглядевшись, поняла, что сама одета в красное.

Как же много тревожных знаков для первых десяти минут. Но я была слишком растеряна, чтобы хоть на что-то обратить пристальное внимание.

— Прикер. Маргарита, но можно просто Рири, — промямлила я в ответ, — нет, я точно не буду жаловаться. Твоя фамилия... Ты тоже с Земли?

— Нет. Далекая прабабушка по материнской линии жила в Салеме и несла просвещение Простакам, — соседка продолжала с неприкрытым интересом разглядывать меня, — ничего кроме подпаленной тушки это ей не принесло. Семья в последний момент успела сбежать из того городишки.

Я в тысячный раз успела пожалеть, что столица моего родного штата и тот город называются одинаково.

Гром прогремел еще раз. Я подавила визг, но вспышка молнии все равно озарила мое испуганное лицо.

О'Салливан подперла подбородок кулаками и задумчиво протянула:

— Да уж, и как ты смогла одним ударом отсечь монстру все лапы разом? Сначала я думала, что ты разыгрываешь карту хорошей девочки перед директрисой, а сейчас вижу, что тут играть нечего.

— Все знают, что я сделала, — грустно усмехнулась я, — все... Кроме меня!

— Ну, тебе повезло, Пирожок, — похлопала меня по плечу та, — я твоя Проводница, так что знаю все о твоей манифестации. Рассказать?

Я закивала, подтянув колени к подбородку. Соседка прикусила губу и мягко заговорила со мной, словно рассказывая самую свежую сплетню:

— Ты бросилась наперерез чудовищу и первым же ударом заставила его отлететь в сторону. Земля задрожала, даже твой бедный домик зашатался, как больной в припадке. Вторым ударом ты отсекала ему рога и крылья. Бедняжка истекал кровью, было вполне достаточно и этого удара. Но тебе, очевидно, было мало...

— Я не могла так поступить...

— Еще как могла, своими глазами видела запись твоих воспоминаний! — хвастливо заявила она, откинув волосы назад. — Так вот, ты издала рев и побежала добивать несчастного монстрика, который просто хотел поужинать... Удар за ударом! Он сипел и хрипел, а ты словно наслаждалась его мучениями!

— Неправда...

— Правда-правда! — продолжала напирать на меня О'Салливан. — Родители боялись к тебе подойти, думали, что убьешь и не заметишь. В прямом смысле. О дорогая, как ты сияла. Красные всполохи, словно пламя костра! Прекрасна в своей ярости!

— Врешь ты все! — завопила я.

Кончики моих пальцев слегка засияли. Я в ужасе начала трясти руками, будто бы мое сознание думало, что так я смогу погасить пламя.

— Не поможет, — холодные пальцы соседки накрыли мои, — заряд так просто не сбить. Если даже в наручниках ты можешь источать его...

Ее прикосновения были словно лед, положенный на ожог. И мне стало легче.

— А как тебя зовут? — спросила я, немножко успокоившись.

— Долорес, — последовал краткий ответ, — надумаешь сокращать — разрешаю только Дору.

Где-то в глубине комнаты три раза что-то прозвенело. Соседка издала ликующий рев и помчалась что-то вытаскивать из шкафа.

— Сейчас что-то будет? — с подозрением спросила я, ожидая нечто вроде шабаша с поцелуем копыта Дьяволу.

Долорес вынырнула из шкафа, укутанная в нечто похожее на красный балахон. Ее глаза горели лихорадочным светом:

— Твое посвящение, Пирожок! Воистину легендарная ночь!

— Что надо будет делать?

О'Салливан подошла ко мне, держа в охапке еще больше свечей и медную потертую чашу. Она чуть ли не урчала от удовольствия, стаскивая меня с кровати, снимая очки, и таща в центр комнаты со словами:

— Специально для тебя за каких-то пару часов я собрала кровь пятерых девственниц! Сейчас раздену тебя, вымажу в ней и заставлю сидеть на подоконнике до рассвета! Стаскивай пижамку, Маргарита!

Я вырвала свою руку из ее цепкой хватки и побежала прятаться под кровать. Она расхохоталась, но то был не веселый смех, скорее очень печальный.

Иногда из людей сочится горечь, словно они испещрены ранами и порезами. Из Доры это чувство сочилось будто кровь.

— Дурочка, — простонала та, — не буду я тебя ничем мазать, оно мне не надо! Просто

сядь в центр комнаты.

Мы устроились на холодном дощатом полу. Я сидела как на иголках, готовясь убежать в любой момент. О'Салливан же расселась, как королева, поставив чашу на пол и медленно зажигая свечу за свечой. Закончив, она налила в чашу какой-то жидкости из графина и хлопнула в ладоши.

В чаше словно загорелись тысячи маленьких огоньков. Маленькие искорки озарили лицо Доры, на этот раз серьезное и сосредоточенное. Она протянула мне коробок со спичками и приказала:

— Зажги свечу одна за одной, сестра. Давай же взглянем, каков твой цвет.

Как только я поднесла спичку к фитилю, свечи загорелись алым светом. Дора хмыкнула и многозначительно протянула:

— Красный означает мужество и благородство, сестра. Цвет ведуньи. Ты стоишь за справедливость и любовь, а еще храбра и решительна. Верны ли мои догадки о тебе?

— Вообще ни разу, — хрюкнула я от смеха.

Долорес посмотрела на меня без всякой тени смеха и отчеканила:

— Так воспитай их в себе, сестра, ибо без них не пройти тебе путь ведуньи до конца.

Я замолчала, поняв, что шутки остались позади. Соседка же накрыла меня черным покрывалом, а сама взяла одну из свечей в руки и медленно произнесла:

— Слушай меня внимательно, сестра, ибо расскажу я тебе историю, что стара как наш мир. Однажды Благодетель понял, что нужен ему верный соратник, ведь мир наш рос. Выбрал Он себе талантливую и способную ученицу и рассказал ей обо всей Истине, что знал. Но не был благодарен и смирен тот. Взлелеял он в своем сердце гордыню и злобу, что очернили его и превратили в Зверя.

За окном снова вспыхнули молнии. Я уже не дрожала. Пар из чаши обволакивал и успокаивал, а история Доры очаровывала меня.

— И создал Зверь подобных ему. И были они жестоки ко всем, разрушая мир и покой, что создал Отец наш. Верные воительницы Благодетеля выступили против жестокости и порочности во главе с воинственной девой Эйлин. И шла сеча дено и нощно. И не могли силы Благодетеля победить Зло, угрожавшее нашему миру. Но однажды кровь учениц смешалась с кровью созданий Зверя. И вышли из нее женщины, знавшие, как победить тварей. Женщина в красных одеждах по имени Ронетт подошла к Эйлин и молвила: «Сестра, ведаем мы, что на уме у тварей, угрожающих вашему миру. Признай нас равными себе, и поможем мы вам победить». Воинственная дева пожала руку ей, и вместе победили они Зверя и его тварей.

Свечи вспыхнули так ярко, что в комнате стало светло как днем. Долорес подняла руки вверх и закричала, словно экзальтированный священник на проповеди:

— И рад был Благодетель видеть все это! И молвил он: «Да творите же вместе, дочери мои! Вы, храбрые ученицы мои, что всемогущи в чарах, и вы, ведуньи, храбро смотрящие в лицо злу!». И было то хорошо и правильно, ведь не рознь творит магию, а сестринство!

Молнии освещали ее горящие глаза и багровый румянец на щеках. Она хохотала и плакала одновременно, размазывая слезы по лицу. Но вдруг все свечи погасли. Дора села рядом со мной и положила руки мне на плечи. Я не могла даже пошевелиться, так сильна была ее хватка.

— Сегодня начался твой путь, сестра, — прошептала она, — не будет он легок, ибо познаешь ты то, чего другие убоялись бы. Будешь ли ты смела и храбра на своем пути?

Мне очень хотелось убежать из той комнаты, но я понимала, что иного выбора, кроме как соглашаться на все, у меня нет.

— Буду, — ответила я.

— Клянешься ли ты хранить верность своим сестрам?

— Клянусь.

О'Салливан склонилась надо мной и прошептала:

— Не соблазнишься ли ты запретными знаниями? Не преступишь ли черту, что начертил Создатель наш?

— Нет.

Долорес удовлетворенно хмыкнула, а затем зачерпнула ладонью жидкость из чаши и умыла меня ей. Это была обыкновенная уже остывшая вода с маслами. Затем она дала мне в руку свечу и зажгла ее. Горячий воск капнул нам на ладони.

— И пусть идти нам через ночь, сестра, — все так же горько и грустно заключила она, — верь мне, что мы переживем ее, как переживали все ночи до этого. Будь верна своим обетам, и коготь Зверя не коснется тебя.

Неожиданно шторм за окном прекратился. Соседка хмыкнула и потрепала меня по макушке:

— Слушай, а шторм как под заказ для тебя. Может быть, и правда будешь великой ведуньей?

Я сидела и дрожала как лист на ветру. У меня шла голова кругом, и мысли сплетались в один большой клубок. Долорес помогла мне подняться и уложила на постель со словами:

— Ты хорошо держалась, Рири. Я в свое посвящение облевала подол платья Клариссе. А вот эти речи... Не пугайся, ладно? Их всем говорят. Теперь же спи, впереди долгий путь.

Два раза повторять было не нужно. Сон сморил меня практически сразу. И виделась мне всякая околесица.

Чаша, алые цветы и мои дрожащие руки. Мой милый дом в Форестсайде. Мама и папа. Элина, защищавшая их от моего гнева. Кай, замороженный Снежной Королевой.

И золотой свет, обволакивающий меня, словно гусеницу в кокон. И чей-то невучий голос, звавший издали.

Мир холодных звезд и мир колючего терновника

Я много читаю в последнее время. Глотаю книги пачками и, кажется, могу предугадать любое развитие сюжета.

Вначале герой услышит зов приключений и пойдет их искать себе на беду. Он обязательно найдет двух союзников: ворчуна и неисправимого оптимиста. Злодей тоже будет: антагонист с серой моралью, шикарный до кончиков ногтей, его будут любить даже больше героя. Герою и его друзьям предстоит пройти множество испытаний, но в конце они победят в самой страшной битве. И Герой вернется домой. Только прежним уже не будет.

Если честно, до сих пор непонятно, кто же в этой истории я. На героиню уж точно не тяну. На романтический интерес уж давно. Комедийный персонаж? Девица в темнице?

Злодейка?

Все каникулы я марала странички тетрадки чернилами и вареньем. Иногда даже вырывала страницы, когда боялась, что история становится слишком мрачной.

Но теперь... Мне все равно.

С помощью чар я избавилась от всех старых глупых записей маленькой Рири из

Форестсайда и уже кропотливо перенесла и собрала воедино все, что успела написать. И сейчас, когда уже практически наступила Темная пора, то вот моя первая в жизни серьезная клятва:

Я соберу все кусочки воедино и доведу этот рассказ до конца. И докопаюсь до сути себя.

Таков мой путь ведуньи

***

Резкие гитарные риффы разорвали крепкий сон. Я подскочила на кровати, не понимая, что происходит и почему меня не разбудила Тей-Тей бриджем из «Out of the woods».

— Подъем, Пирожок! — скомандовала Долорес, сидя у меня в ногах. — Добро пожаловать в наш пеклов мир обратно!

Я потеряла глаза и издала чуть ли не отчаянный вопль. Ничто не было сном. Все произошло взаправду.

Долорес уже рылась в моем чемодане, выгребая и швыряя на пол вещи, рвякая на меня:

— Маргарита, у нас нет времени на твою возню! Срочно тащи свою задницу в ванную, а не то воды не хватит!

— Не трогай мои вещи! — запротестовала я. — Тебе никто не разрешал!

Дора, вертевшая в руках мой комплект белья с Поночкой из «Утиных историй», перевела взгляд на меня, словно не слышала вопроса. Она закрыла глаза и хрипло прошептала:

— Благодетель, просто сожги эти земли дотла. До какого позора они опустились?!

— Отдай! — вырвала я из ее рук маечку и трусики. — У вас что, так мало воды в бойлерах?

Долорес словно очнулась от сна и вновь яростно начала толкать меня в спину:

— Давай топай! Я и так дала тебе поспать на полчаса дольше положенного! Нам еще на завтрак бежать!

В конце концов меня заперли в ванной, освещенной тусклым светом панели на самом верху. Душевая кабина была похожа на земную, но вот только никаких кранов или леек там не было. Только лишь электронная панель на стенке с кучей индикаторов. Оставшийся объем воды на нас обеих составлял два с половиной литра. Меня удивил факт, что у них была та же система измерения, что и у нас.

У них и у нас... Теперь ты точно из «них», Рири. Как же меняется система использования личных местоимений.

Решив действовать методом научного тыка, я нажала на большую красную кнопку в самом центре, и сверху полились струи чуть теплой воды. Повизгивая от холода, я насилу вымылась с помощью странной жидкости, которая не пенилась и пахла нечто средним между грязью и самым стремным антисептиком. Как только я закончила, то снова нажала на красную кнопку, но вода все не прекращала литься.

Запаниковав, я обернулась в полотенце и выскочила из ванной, крикнув Доре:

— Там вода не останавливается!

Она бросилась прямо к кабине, отпихнув меня и захлопнув дверь.

— Скажи правду, Прикер, тебя Зверь послал?! — раздался ее разъяренный рык. — Зачем ты нажала на «Бесконечный поток»? Сейчас же вода закончится!

Меня затопило потоком стыда, хоть никакой вины за мной точно не было. Ну, правда, откуда я должна была знать, как работают эти замудренные душевые кабины?!

Долорес вышла из ванной в промокшей насквозь пижаме, прожигая во мне дыру

взглядом.

— Ну, поздравляю! — швырнула она в меня тряпкой. — Мы не только свою воду на утро потратили, но и лишили ее двух ближайших комнат! Сейчас они придут злые как твари, и я за твой сегодняшний вечер не ручаюсь!

Непрощенные чертовы слезы снова покатались из глаз. Дора лишь ударила ладонью по лбу и медленно, угрожающе спокойно произнесла:

— Какого Пекла ты постоянно реवेशь? Мне только плаксы на голову не хватало!

Я изо всех сил старалась успокоиться и сказать, что совсем не такая, просто никто не удосужился объяснить мне, как работает душ в этом чертовом мире. Не получалось.

— Сил моих нет! — прорычала она, отдавая мне мокрую тряпку. — Вытри сопли, ненавижу нытиков!

В дверь заколотили со всей силы. Долорес затолкала меня в платяной шкаф и велела:

— Сиди тихо! Выпущу, когда они свалят!

Удивительно, но тесное и пропахшее травами пространство шкафа неожиданно привело меня в странное медитативное чувство успокоения. Рукава красных рубашек и блузок как будто мягко обнимали меня. Резкие крикливые голоса Доры и других девушек едва доносились до меня, словно мы были на разных концах поля. Да даже если бы я их и слышала, то понять бы точно не смогла. Кулон-переводчик на моей шее не мог ничего распознать из-за дерева.

Когда звуки стихли, меня выпустили из шкафа. Дора стояла все такая же мокрая и злобная, но в моем сердце утвердилась четкая уверенность в том, что она точно на моей стороне.

— Если будут спрашивать, ты все проспала и не видела, как я поломала душ, — тыкнула она в меня пальцем, — вечером буду учить тебя купаться, крохотуля. А тебе придется помогать мне чинить эту развалюху.

— Разве нельзя вызвать сантехника? — пискнула я, протирая очки о штанину.

Долорес расхохоталась все таким же горьким и грустным смехом, затем щелкнула пальцем и высушила себя.

— Сколько же чудных открытий готовит тебе сегодняшний день! — простонала она. — А теперь одевайся, одолжу свое платье.

— У меня же есть одежда, — попыталась возражать я, — Мне не идет красный!

Дора вручила мне шерстяное платье, усыпанное катышками и очень строго ответила:

— Пирожок, возлюби красный. Теперь ты будешь носить только его.

***

— После завтрака топаешь в кабинет к Клариссе, — Дора на ходу читала что-то в небольшом устройстве, похожем на нечто среднее между планшетом и смартфоном, — твои родители уже прислали документы, недостающие вещи и деньги для обмена на поинты. Потом сразу же идешь на первый этаж, где будешь в моем полном распоряжении до четырех после Светлой поры. Потом Куратор из чародеек сводит тебя в Централ, чтоб ты купила учебные принадлежности и вообще на город посмотрела. Запомнила?

Я едва-едва поспежала за новой подругой (мне очень хотелось верить, что мы успели сблизиться) и разглядывала свою новую альма-матер. В голове роились ассоциации с Хэмпден-колледжем, Хогвартсом и Веллтоном одновременно.

Мраморные колонны, покрытые сетью мелких и широких трещин. Тысячи портретов-гифок на стенах в пыльных позолоченных рамах, которые чернели от старости. Стены из

дикого серого камня, где-то тут, то там недоставало фрагментов. И факелы на стенах, коптящие потолок сажеей.

— Разве тут не должно быть все... Современное? — спросила я, осторожно подбирая слова, чтобы не оскорбить Долорес.

Больше ее должен был бесить вид платья на мне. Оно висело на мне как мешок, к тому же было невероятно колючим, потому я постоянно чесалась.

— Должно, но не обязано, — пробурчала она, явно раздосадованная тем, что только прочитала, — Союз уже третий год подряд зажимает гранты. Зато вот «эйлинцы» горя не знают.

Последнюю фразу Долорес произнесла с явной завистью. Ее вишневые глаза резко начали темнеть.

— Что такое «Светлая пора»? — решила я перевести тему.

— Середина дня.

— А почему она светлая?

— День безопасен, — положила устройство в карман Дора, — а ночь — Царство Зверя.

— Почему?

Мы дошли до огромного зала, через стеклянный потолок которого пробивались редкие бледные лучи солнца. Подруга остановила меня, развернула к себе лицом и принялась поучать, словно первоклашку перед первым учебным днем:

— Так, мне нужно хотя бы две кружки Укрепляйки, чтоб вывезти твою внутреннюю Почемучку. Если подойдут другие девочки — сиди молча. Они нормальные, просто утро сегодня плохое для всех нас.

Я послушно кивнула. Мне хотелось забросать ее очередной кучей вопросов, но мой взгляд упал на три ряда столов. Рассеянное внимание тут же переключилось на других ведуний. Да к тому же между бровей подруги залегла глубокая как у стариков складка. Уж что я поняла, так то, что не стоит пытаться ее расспросами какое-то время.

Их было совсем немного, потому я могла разглядеть внимательно хотя бы четверть присутствующих. Они ничем не отличались от меня или моих одноклассниц в Форестайде. Да, они все были одеты в красное. Да, волосы у некоторых были невероятно короткие — а у кого-то их не было совсем. Да, у кого-то вместо рук были полотна из татуировок. Но никто не выглядел опасным.

Злые, но не злобные. Скорее, напуганные и потерянные.

А еще все мы были закованы в наручники. И много кто из девочек раздраженно расчесывал себе запястья. Мои тоже очень сильно ныли.

Дора плюхнулась на скамью в самом дальнем краю зала и постучала пальцем по тарелке с отколовшимся краешком:

— Комплексный завтрак номер один, — скомандовала она, — Маргарита, а ты что будешь?

— То же самое, — пропищала я, с удивлением наблюдая, как на тарелке подруги появляется желтое пюреобразное варево, кусок хлеба с вяленным мясом, а чашка без ручки наполняется черной жидкостью.

Завтрак оказался очень даже вкусным. Вариво по вкусу напомнило кукурузную кашу, хлеб был мягким, мясо не очень соленным, а отвар бодрил лучше кофе.

— Так почему утро сегодня плохое? — спросила я, заметив, что складка между бровей Долорес разгладилась.

— Не налегай на еду так сильно, там одна химоза. А насчет утра... Не знаю, с чего начать, — пробормотала она. — Ох, ладно. Мне не показали твою регистрацию, но подозреваю, все прошло плохо, да?

— Мягко сказано, — уклончиво ответила я, не испытывая желания снова переживать события прошлого дня.

— Это было только начало, — вздохнула Долорес, — дальше будет только хуже.

Не успела я даже рта открыть, чтоб задать больше вопросов, как наша соседка по столу, высокая и сухощавая девушка с зелеными что майская трава волосами, подошла к нам с листом:

— Играете в «подчеркни и перечеркни»? — спросила она.

— Призовой фонд? — спросила Дора, делая глоток из чашки с таким видом, будто выпила яду.

— Триста поинтов.

— Ну хоть сколько-то заработаю на этом высере, — вдруг согласилась подруга, беря листок. — Ри, а ты чего сидишь?

Мне было страшно даже признаться, что я не умею читать на новом для себя языке, потому что одного взгляда на листок хватило, чтоб понять, что текст представлял из себя невообразимую для моего понимания кашу из значков и иероглифов. Но Долорес перехватила инициативу, выхватила лист из рук девушки и вручила мне.

— Не видела тебя раньше, — ткнула в меня пальцем девушка. — Ты откуда взялась?

— Издалека, — только и смогла ответить я.

— Не все манифестируют по дням недели, знаешь ли, — встряла Долорес, — Маргарита приступит к учебе завтра.

— Я тебя даже на регистрации Заряда не видела, — продолжала гнуть свою линию новая знакомая. — Что, там тоже не по дням недели все пошло?

Подруга резко встала из-за стола и схватила ту за рукав кожаной куртки, прошипев в лицо:

— Встречный вопрос, Никс: какого Зверя ты задаешь столько вопросов? Решила собрание в лесу замутить?

— Ты долбанулась или да? — заорала на нее в ответ девушка. — Я просто спросила, откуда она тут взялась?

— Чтоб потом рога позвать померять?! — продолжала наступать на нее Дора. — Знаем, как ваша компания работает!

— Ты свихнулась, О'Салливан! — вывернулась из ее цепких пальцев она. — Малышка, хочешь бесплатный совет? Держись от этой сумасшедшей подальше!

Девушка ретировалась быстрым шагом. Долорес же с невозмутимым видом откинула копну волос и вернулась на свое место.

— Первый урок выживания в школе Ронетт: сойди за настолько больную психичку, чтобы остальные побоялись с тобой связываться, — объяснила она мне.

Я ощутила одновременно восхищение и ужас перед своей новой подругой. Она была прекрасна в своей независимости и самобытности, не расплываясь на бесполезные разговоры и знакомства. Долорес словно жила в своем обособленном уединенном королевстве, куда пускала только избранных.

Мне невероятно льстила, что я была одной из тех, кого допустили к королеве на прием.

— Зачеркивай те фразы или моменты, что найдешь в тексте, — подвинула она ко мне

свое устройство. У тебя в кулоне спрятана лупа. Давай-давай, мамуле нужны еще инструменты, старые скоро отойдут ко сну. И тебе денежка не помешает.

Я сразу поняла, что в это утро ведуньи играли в текстовое бинго. Но сама статья...

Честное слово, даже пересказывать эту дребедень у меня не хватит терпения. Но долг писателя обязывает.

«Согласно последним исследованиям книги о Сотворении Мира, остается очевидным, что кровь Благодетеля практически не была задействована при сотворении ведуний, ведь написано: „И смешалась кровь Его с землей, травой и кровью Тварей“.

Подавляющее большинство ведуний не могут справиться с печатью Зла. Согласно данным, предоставленным полицией Централа, ведуний чаще обвиняют в хулиганстве, вандализме и применении насилия по отношению к Простакам.

Ведуньи живут вне принципов морали и нравственности. По данным женских центров Централа ведуньи чаще чародеек или простачек прибегают к подпольным услугам прерывания беременности, что согласно заповедям Благодетеля может расцениваться как „отнимание жизни при помощи магии“, что уже является поводом отнести их действия к Черному ведовству.

Можем ли мы воспринимать их просьбы о прощении всерьез, когда ведуньи денно и нощно проявляют неслыханную дерзость и непослушание не только по отношению к нам, но и ко всему Измерению в целом? Ответ очевиден — нет! Но будем ли мы терпеливо ждать покаяния? Да!»

— Ты ничего не зачеркиваешь! — рассердилась Долорес, увидев, как я таращусь на экран. — Прикер, тебе деньги нужны?

— Что это такое? — прошептала я в ужасе. — Почему этот человек пишет такие ужасные вещи?

— Вигге только разогрелся, — пожалала плечами она, словно не прочитала ничего сверхужасного, — обычно он кроет нас и похлеще.

— За что.

Это был даже не вопрос. Немой крик, обвинение, своего рода отчаяние — но не вопрос.

— За то, что мы уничтожили Арилию, — последовал краткий ответ.

— Кого?

Устройство запищало. Долорес мельком взглянула на экран и приказала:

— Дуй к Клариссе.

— Но...

— Рита! — прикрикнула она на меня. — Тебя ждут! Потом договорим, меня уже на работах потеряли!

Вот так утренняя аудиенция к неприступной королеве была окончена.

***

— Адам Горн вызвался быть твоим посредником с Землей и помощником Куратора, — на стол ровными стопками ложились папки документов и свертки, упакованные в черные бумажные конверты, — здесь твои новые документы, пропуск в главные районы Централа, медицинская карта и учебники.

Госпожа Кларисса выглядела очень расстроенной и усталой. Она потирала переносицу, зажмурив глаза — верный признак душевного смятения. Ей не явно не нравился мой оценивающий взгляд, потому она старалась смотреть куда-то в сторону.

— Наша школа предоставляет грант для студентов из малоимущих семей, —

продолжала она, протягивая мне через стол нечто вроде планшета и стилус. — Твои родители послали деньги на расходы, но курс вашей валюты к нашей весьма, кхм, неустойчив. Грант и стипендия за усердие в учебе могут покрыть основные расходы, но... Придется тщательно планировать расходы.

Этого я не умела. Любые карманные деньги, что выдавали родители, улетучивались сквозь пальцы. Видимо, судьба решила научить меня финансовой грамотности подобным экстремальным способом.

— Ну, хоть от голода не умру, — я попыталась показать, что не потеряла присутствие духа, — кормите вы вкусно.

— Кулинарная магия — одно из немногих благ, что нам разрешили оставить, но ты нам льстишь. Мы используем слишком много искусственных продуктов, — покачала головой директриса, — Продолжим. Согласно официальной легенде тебя отправили в частный пансион в Барселоне. Семья уже давно копила деньги, но вы не хотели распространяться об этом на людях. Не думаю, что тебя будут расспрашивать: морок устраняет следы любознательности из простаков.

Меня передернуло от очередного упоминания простых смертных под столь уничижительным словом, но госпожу Клариссу вряд ли можно было поставить на место так же легко, как Элину. Тем более, рой вопросов в моей голове жужжал не утихая. И я надеялась, что она сможет его хоть немного утихомирить.

— Госпожа Кларисса, — я решила подступить к теме мягко и деликатно, — Если честно, мне не совсем понятно свое положение в этом мире. Не знаю даже как точнее сформулировать вопрос...

— Уже успела прочитать стенограмму выступления верховного Жреца Вигге? — поняла меня директриса.

— Ага. И Долорес сказала, что он очень даже мягок. Но еще во время процедуры Регистрации было сказано очень много нехороших слов в сторону ведуний, — накручивала я прядь волос на палец, — что это значит, мэм? Ведуньи плохие? Они уничтожили Арилию?

Кларисса устало вздохнула. Ее лицо буквально на секунду исказилось гримасой боли, словно в воспаленной ране провернули по часовой стрелке кинжал.

— Скажем так: мы стали злодейками, потому что так было проще и лучше для всех.

— Что это за край такой, Арилиа? — заерзала я на стуле от нетерпения.

— Самое древнее и благородное королевство нашего Измерения, — подперла подбородок двумя указательными пальцами госпожа Кларисса, — Больше пятнадцати лет назад королевский дворец был разрушен в результате мощнейшего взрыва, а буквально через пару часов восемьдесят процентов жителей Арилии погибли ужасной мучительной смертью. На данный момент из пятидесяти миллионного населения королевства в живых осталось не больше десяти тысяч человек.

Этот монолог был произнесен механически, словно бы она пыталась абстрагироваться от всех тех слов, что говорила. Теперь я вижу все ясно и четко, словно передо мной прокручивают кинолентку. А в тот день важнейшие детали почему-то от меня ускользнули.

— Жесть, — выдохнула я, — Это ужасно... Но ведь быть такого не может, что в одно прекрасное утро ведуньи проснулись и дружно подумали: „А не замутить ли катастрофу“!

— Конечно нет, виновных нашли сразу же, — горько усмехнулась директриса, — Но это не имело уже никакого значения.

— Не понимаю, — упрямо тряхнула головой я, — что все это значит?

— Долорес же читала для тебя строки из книги „О сотворении Мира“, — ответила женщина, — первые из сестер появились на свет из крови Благодетеля пополам с кровью творений Зверя.

— А еще была замешана грязь и прочие неприятности, знаю, — отмахнулась я, — Есть же еще причина?

— Мне нравится твой дар ничего не принимать за истину, — в ее глазах промелькнул добрый мягкий свет, — из тебя выйдет хорошая ведунья.

Я решила промолчать. Дело в том, что уже на пути в кабинет директрисы в мою голову пришло одно весьма дерзкое и смелое заявление, которое я намеревалась озвучить при первом же удобном случае.

Госпожа Кларисса вытянула правую руку перед собой. На ее указательном пальце было скромное кольцо, усыпанное маленькими черными камешками. Она проделала тот же жест, что и прошлой ночью: повернула украшение по часовой стрелке. И начало твориться нечто невообразимое.

Прямо в воздухе перед нами проступил затейливый зеленый узор, похожий не то на вязаный коврик перед входной дверью, не то на прекрасный цветок из сказки. От него исходила мощная энергетика, которая словно пронзала меня тысячами иголок. Я заворожено уставилась на это чудо и прошептала:

— Что это?

— Хранилище моих заклинаний, — не без гордости ответила она, — все, что я создала и воплотила за все сорок лет моего пути Ведуньи. Мое самое великое достижение — вызов предрассветной грезы, самого желанной и потаенной.

Я молчала, не понимая, что сказать. Госпожа Кларисса восприняла тишину как призыв к демонстрации. Она взмахнула рукой. Цветок два раза ярко мигнул, а потом прямо перед нами появился мой дом, спрятанный в тени цветущих яблонь и вишен. Мама и папа сидели на террасе, прихлебывая лимонад из нашего старого стеклянного графина. Вдруг они одновременно посмотрели в мою сторону и ласково поманили к себе, поднимая третий, совершенно пустой стакан.

У меня сжалось сердце, а в горле застрял комок. Директриса разом свернула свое колдовство и бросилась извиняться:

— Прости, совершенно не подумала, что твои предрассветные грезы...

— Могут быть о моей семье, из которой меня забрали? — грубо оборвала я. — Вот в чем ваша проблема! Никто из вас не думает! Никогда!

— Маргарита, — понизила голос та, — умерь свой тон.

О, я вовсе не собиралась ничего умерять. Злость захлестнула меня и заклокотала прямо в самом нутре.

— А вы умерьте поползновения в мою голову! — стукнула я кулаком по столешнице. — Не палитесь уж так явно, что я тут пленница!

Госпожа Кларисса повернула кольцо на пальце еще раз. По горлу словно пролилось холодное молоко, и мой голос пропал. Я открывала и закрывала рот как рыба, не в силах даже шептать.

— Прости за это, — она положила свою сухую как наждачка ладонь на мою, — применяю это заклинание очень редко, когда юные сестры уж слишком кипятятся и упрямятся. Клянусь, что сниму его, как только объясняюсь перед тобой. И прости, что

причинила тебе боль демонстрацией своих сил.

Я стиснула зубы так крепко, что еще немного — и они бы затрещали. Пелена ярости все никак не отступала.

— В стенах школы Ронетт ты вовсе не пленница, — директриса говорила невероятно мягко и тихо, словно рассказывала сказку, — здесь ты — юная сестра, которой предстоит выбрать свой уникальный жизненный путь и пройти по нему от начала до конца. Да, в настоящее время на нас действительно лежит стигма и ложные — повторяю, абсолютно ложные обвинения. Но я даю тебе клятву ведуньи, что темные времена не вечны. Тебя ждут великие свершения, если ты перестанешь упрямиться и выберешь свое призвание без камня на душе.

Я вцепилась пальцами в сидение стула. Мне на ум пришли кадры из документалки про секту личностного роста, где лидеры на камеру так же слащаво вещали людям о величии, свершениях и прекрасном будущем.

Вот только на деле все их слова оказались обманом, как и эти милые словечки. Мне вчера уже задурили голову пустыми обещаниями, и снова в дурочках оставаться не хотелось.

Холод в горле пропал. Я вдохнула полной грудью и выпалила:

— Не нужны мне ваши свершения! Просто сделайте так, чтоб я могла жить с родителями без страха их убить! На этом ваша чертова работа закончена!

Госпожа Кларисса смотрела на меня все так же спокойно, но когда она заговорила, у меня по спине поползли мурашки:

— Строго говоря, решение о твоей дальнейшей судьбе будут принимать чародейки на основе отчета твоего Куратора. Если она разглядит в тебе непокорность и бунт, да еще и неспособность учиться, то наша чертова работа никогда не будет закончена.

— То есть нужно быть хорошей девочкой и не перечить злым тетям? — дерзко спросила я.

Та подняла мою голову за подбородок и прошептала:

— Нужно быть очень хорошей девочкой.

***

— Поверь, она очень мягко с тобой обошлась, — Дора мрачно оглядела разломанный на две части прибор, похожий на стетоскоп, — подай мне индикатор поломки.

— Когомки? — я в отчаянии уставилась на распахнутый рабочий чемоданчик, где ровными рядами лежали всевозможные инструменты, похожие скорее на реквизит фокусника, нежели на что-то, чем можно было чинить вещи.

Подруга вздохнула с раздражением, закатила глаза, и сама вытащила из заднего ряда чемоданчика маленькую лупу.

— Да уж, Пирожок, — покачала головой она, — не представляю, как ты тут выживешь.

Тревога все больше и больше прижимала меня к полу маленькой захлавленной всякой всячиной комнатухи неподалеку от столовой. Я вдохнула пыльный воздух и закашлялась, зажав рот рукой.

— Не помирай! — рывкнула Долорес, стуча меня по спине. — Куда я спрячу твой хладный труп?

Несмотря на свою внешнюю холодность и даже грубоватость, Дора нравилась мне с каждой минутой все больше и больше. Да, она явно была не из тех, кто выражал чувства открыто, но даже по полутону голоса было понятно, что ей не все равно.

Что она на самом деле тревожилась за меня.

Что она обо мне заботилась.

— Зачем мы тут сидим? — решила поинтересоваться я. — Общественный труд на благо школы?

Подруга рассматривала «стетоскоп» через «лупу», которая излучала синеватый свет, не замечая меня. Наконец она издала ликующий вздох и заявила:

— Так и знала! Простая поломка в основном каркасе из-за переизбытка заряда! Минуту совсем не бережет инвентарь!

Она вытащила из-под бордовой запыленной футболки медальон в форме полумесяца и повернула его вокруг своей оси. Перед ней возник тот же узор, что и перед госпожой Клариссой, только он был василькового, а не зеленого цвета. Дора хмыкнула, нажала на самую середину, и «стетоскоп» начал собираться на наших глазах сам собой.

— Это не только труд на благо школы, — запоздало ответила подруга на мой вопрос, собирая свои длинные волосы в хвост, — это мой путь. Я могу починить все.

— Круто! — в восхищении выдохнула я. — Прямо все-все на свете?

— Если буду знать причины поломки и обладать нужными заклинаниями. Видишь ли, сломать нетрудно. А вот строить все заново — вот высшее мастерство. Подай самую маленькую отвертку.

У меня не осталось слов. Я подумала, что именно она, ретро-актриса в потрепанной футболке и перепачканных в масле штанах поможет мне найти причину поломки моей жизни и вернуть все как было!

Мне так жаль, Пирожок...

— Так что это за Куратор? — поинтересовалась я, на этот раз выбрав правильный инструмент.

— Чародей или чародейка, который должен следить за тем, как ты себя ведешь.

— Поняла! — я покорно подняла руки вверх. — Торжественно клянусь кидать фантики только в мусорную корзину и приседать в книксене перед пожилыми людьми, как и подобает воспитанной леди!

Долорес моей шутки не оценила. Она отложила инструменты в сторону и ткнула меня пальцем в грудь:

— Всегда держи филейку напряженной при своем личном шпионе, Прикер! Они будут заливать, что хотят для тебя лучшего, но шли их прямиком на рога к Зверю! Кураторы добры к тебе, только пока им что-то от тебя надо!

— И не собиралась дружить ни с одним из них! — заверила я подругу. — Слушай, а как можно позвонить родителям? К Клариссе опять идти не хочется...

— Куратор выдаст тебе панель, как у меня, — показала Дора то самое загадочное устройство, с которого мы читали статью утром, — при разговорах по нему в откровения не пускайся. Я более чем уверена, что твою панель нашьигуют прослушкой по все микросхемы.

— Зачем? — рассмеялась я. — Кому я сдалась?

Подруга снова ударила себя по лбу ладонью и простонала:

— Отец воздаст мне в долине Сна за терпение! Ты нарезала неизвестного науке монстра на кусочки, устроила в своем внутреннем дворике погром и даже сотворила воронку! Да Макрая уже из трусов выпрыгивает, желая заполучить тебя для опытов!

— Ну, ты краски не сгущай! — отмахнулась я. — Элина точно бы сказала, будь она полоумной. Ну, мне так кажется...

В мастерской повисла тишина. Долорес с шумом втянула воздух через ноздри и прохрипела:

— Ну-ка повтори. Что еще за Элина?

— Принцесса Куда-то-там-Фарии, — пожала я плечами. — Тебе разве не сказали, как я сюда попала?

— Только то, что ты спасла дуреху-старшекурсницу, — помотала головой Долорес, — Ты сейчас не врешь? Ты правда спасла кронпринцессу Лефарии?

— Крещу сердце! Слушай, да зачем мне врать?

Вишневые глаза Долорес засияли странным светом, а губы задрожали, словно бы ей стал известен самый страшный в мире секрет.

— Расскажи мне все, — вдруг потребовала она, — как она выглядела?

— Ростом нечто среднее между нами, — наморщила я лоб, — волосы пепельные до пояса, прямо очень гладкие и красивые... Глаза карие...

— Крошка, на этом достаточно, — раздался за нашими спинами знакомый до боли звонкий голос, — о нашей с тобой первой встрече могут знать только лишь я, ты и госпожа Кларисса. Думаю, вас, юная сестра, тоже можно включить. Если вы не болтунья, конечно.

Само ее роскошество Элина стояла прямо перед нами в роскошном черном платье из переливающейся загадочным светом ткани. Волосы были собраны в тяжелую густую корону, но ее было едва-едва видно, потому что лицо принцессы было скрыто под тяжелой темной вуалью в мелкую сеточку.

Она слегка приподняла край вуали. И я с удивлением заметила совсем не «тридцатиградусную» улыбку на прекрасном утонченном лице.

— Пойдем, дорогая! — потрепала она меня по голове. — Решила прийти чуть раньше срока. Ох, сколько дел нам предстоит!

***

— Ты всегда ешь так мало? — озабоченно спросила Элина. — Я специально попросила кондитера выбрать для тебя самые сладкие конфетки.

Мы сидели в салоне машины, которая мягко и бесшумно летела куда-то вдаль по дороге, окруженной темным лесом. Водителя не было, только лишь два роскошных кожаных кресла с подставкой для ног да огромная панель, где светилась куча огоньков почище чем на рождественской елке. Даже бензином не пахло, а этими гребаными конфетами.

Слова Доры раз за разом всплывали у меня в голове, потому мне претила одна только мысль взять у Элины хоть что-то из рук. Но завтрак был так давно, что я уже порядком успела проголодаться. Потому я смирила гордыню, пусть и не до конца:

— За куклу меня держишь? Хочу мяса!

Принцесса удивленно приподняла идеально выщипанные брови, но вытащила панель из кармана сумочки и принялась что-то печатать, спрашивая:

— Жаркое? Цельный кусок? Какой из сортов предпочитаешь?

— Стейк с кровью размером с мою ладонь! — скомандовала я.

Элина громко рассмеялась и потянулась потрепать меня по голове, но я увернулась от ее ладони. Она вздохнула и протяжным тоном спросила меня:

— Скажи, радость моя, ты всегда отличалась буйным нравом или успела озвереть за ночь в этой помойке? Кстати, платье там же откопала?

— Полагаю ответ вам известен, госпожа Куратор, — огрызнулась я, — печать зла не дает мне покоя и принуждает буйничать! А платье мне одолжили!

И снова на ее лице появилась та чертова «тридцатиградусная улыбка», но в ней было сквозило нечто новое.

Оскал с угрозой.

— Крошка, — сказала она ласково, но с очень-очень стальными нотками, — у меня выдались весьма непростые сутки. Знаешь, почему? Я оправдывала тебя перед госпожой Макраей за отказ от медицинского осмотра, а еще всеми правдами и неправдами добивалась передачи попечительства над тобой, что очень непросто, учитывая нежелание твоих родителей слушать доводы разума и их святую убежденность, что мы хотим сгноить тебя в темнице. Знаешь, чего я жду? Хотя бы небольшой благодарности за то, что тебя не бросила!

— Вообще-то бросила.

Элина замерла с раскрытым ртом, словно ее ударили по голове. Я смерила ее злобным взглядом и процедила:

— Ты отшатнулась от меня, когда узнала, что я ведунья, позволила надеть на меня кандалы и слова не сказала, когда какой-то блондинчик поливал меня грязью. Так что не заливай про свои старания. Ты просто пытаешься соорудить из себя героиню и откупиться своими вонючими конфетами. Трусиха!

— Не смей называть меня трусихой! — прошипела она. — Ты ничего не знаешь обо мне!

— Насквозь тебя вижу! — рявкнула я. — Нашпиговала панель прослушкой, а потом побежишь к своей Макрае меня сдавать! Нужно же зарабатывать баллы в копилку хорошей девочки?

Элла вытащила из сумочки коробку в золотой подарочной упаковке и буквально швырнула ей в меня со словами:

— Отлично! Открывай! Если, конечно, не побрезгуешь принимать подарки от трусихи! Ты же у нас величайший в мире душевед! Все обо мне знаешь!

Я открыла коробку и задрожала при виде первой в своей жизни панели. Это была точь-в-точь копия моего телефона, даже любимые наклейки с кошками Тейлор Свифт украшали футляр. А когда я включила устройство, то поняла, что все мои фотографии и плейлисты на месте.

— Твои родители с огромным трудом его отдали, — небрежно объяснила Элина, пытаясь выпить воды из стеклянной бутылочки, стоявшей рядом с ее сидением. — Потом я всю ночь умоляла инженеров из Тинтагеля перенести твои данные на панель-копию. Если Алан узнает об этом, он сдаст меня отцу, и сидеть мне под домашним арестом до конца жизни. Можешь его даже разобрать и убедиться, что нет там никакой прослушки. Но это же ничего не меняет, да? Я теперь в твоих глазах злодейка?

Ее губы задрожали, она начала быстро моргать и вытирать глаза рукавом. В груди появилось чувство, как будто от меня отгрызают по кусочку за каждую ее слезу.

— Элла...

— Больше не «Госпожа Куратор»? — ухмыльнулась та.

Я протянула ей мизинец. Она удивленно посмотрела на меня.

— Ты должна пожать его своим в знак примирения, — робко объяснила я, — если ты хочешь со мной мириться...

Элина прикусила губу, сделала глубокий вдох, но тут же оборвала его, горячо воскликнув:

— Дурочка, ну конечно хочу!

Она порывисто обняла меня. Я прижалась носом к ее шее и вдохнула нежный теплый и казавшийся смутно знакомым запахом.

Так пахло у меня дома.

***

— Писать тебе у них на уроках придется много, — новая подруга придиричиво проверяла ручки, стоявшие вперемешку с карандашами, ластиками и прочей канцелярией, — мы все уже давно перешли на стилусное письмо, но эти... В общем, госпожа Кларисса твердит, что не надо облегчать путь ведуньи новомодными гаджетами.

— Я видела у нее стилус. И моя соседка по комнате тоже таким пользуется.

— Все, что надо знать о том, как слова ведуньи соотносятся с делом, — сморщила нос Элла.

Канцелярский магазин находился практически на выселках. Стояла невероятная духота, мы постоянно чихали из-за пыли, разглядывая товары, которым было по меньшей мере лет десять. Я могла поклясться, что многие ручки видели то самое сотворение Мира. Чудо, что они могли хоть как-то писать.

Элла еще в машине пообещала отвезти меня пообедать в центр города, и я с трепетом ожидала момента, когда же увижу дивный новый мир, в котором так резко и внезапно очутилась. Но помимо радостного предвкушения, меня грызло еще кое-что.

— Элла? Можно тебя спросить? — робко поинтересовалась я, когда мы вместе склонились над коробкой с кучей ластиков в виде фруктов.

— Что угодно, Крошка, — шутливо потрепала меня по макушке она.

— Почему вы так не любите ведуний?

Мой вопрос как будто рассек свежую рану подруги. Элина прикусила губу и ответила очень вежливо, словно внутренне сдерживая себя:

— Видит Бог, благодетель мои помыслы и знает, что я могла бы их полюбить. Вот они не стараются! Им нет прощения. Только не после Арили.

— Да что вы все твердите про эту Арилию! — воскликнула я. — Можно подумать, что по одной паршивой овце можно судить все стадо!

Элина побелела точно свежеснеженный снег. Она закрыла глаза рукой и прошептала:

— Умоляю, не кричи об этом на всю округу! Ты правда настолько любишь наживать себе проблемы?

— А что мне будет? — я никак не могла утихомириться. — Мне нельзя выражать свое мнение?

— Вам нельзя покрывать ошибки природы, поправшие нашу святыню, юная сестра, — хозяйка магазина, милейшего вида пожилая леди, появилась словно из ниоткуда, — уходите-ка отсюда.

— Госпожа, давайте решим вопрос мирно, — подруга достала из своей бездонной сумочки маленькую позолоченную карту, — я расплачусь за товары, а моя... Подопечная подождет снаружи.

— Не буду я ждать никого ни на какой наруже! — мои нервы были взвинчены до предела. — Вы тоже думаете, что я отмечена печатью зла? Так где она на мне? Хотите даже носки снять? Мы тут все женщины, стесняться некого!

Леди бросила полный ненависти взгляд на мои наручники и прошипела, словно рассерженная гадюка:

— Выметайтесь отсюда обе! А если еще увижу тебя и твою Зверину, то вызову гвардию!

Я уже хотела спросить, не имела ли она в виду под словом «Зверина» свое отражение в зеркале, как голос снова пропал из моего горла, а Элла тащила меня за руку к выходу.

***

— Как она могла так с нами говорить? — возмущалась я. — А особенно с тобой! Ты же принцесса!

— Она не знала, кто я. На мне был морок.

— Когорок?

— Туман, который скрывает истинный облик.

— А я тебя прекрасно вижу...

— Значит, у тебя дар его не замечать. Так бывает, но редко.

— Знаешь, все равно могла бы меня защитить. Я же даже ничего не сделала, а меня вышвырнули как котенка!

Элина сделала глубокий вдох, откинулась на спинку кресла, сжала руки в кулаки и начала чеканить, словно армейский командир:

— Давай заведем новое правило, Рири: когда мы с тобой будем находиться в общественных местах, ты не будешь заводить разговора о ведуньях и ни при каких обстоятельствах не будешь упоминать Арилию!

— Да какого хрена?! — завизжала я, чувствуя, как полыхают мои щеки и кое-что пониже талии, — Мне никто ничего не объясняет! Какого черта у вас тут происходит?!

Машина затормозила у розового аккуратного домика, вокруг которого была куча маленьких столиков и стульчиков. Элла открыла двери машины и выпорхнула из нее со словами:

— Нам надо поесть, потом решим, где раздобыть для тебя канцелярию и приличную одежду. Надеюсь, хоть с полным ртом ты сможешь хоть немного помолчать!

Как оказалось, она уже заранее забронировала столик, заказала еду и оплатила счет. Официант в форменном синем комбинезоне уже хотел было возмущаться при виде меня — а точнее моих красных воспаленных запястий и платья — но карточка подруги мгновенно сделала его самым вежливым и милым парнем во Вселенной. Также благодаря магии денег из кафе исчезли все посетители. Видимо, она решила не рисковать и не надеется на то, что я буду сидеть тихо и смиренно.

Я воткнула вилку в стейк с кровью, который в жизни своей ни разу не пробовала, и начала жадно кромсать его на мелкие кусочки. Элина же копалась в панели, изредка потягивая что-то бледно-желтое из бокала. Наконец, она довольно хмыкнула, убрала устройство в карман и поделилась со мной благой вестью:

— Адам Горн, капитан команды рыцарей, что тебя регистрировала, согласился все для тебя закупить. Говорит, товарищам по несчастью надо помогать. А еще он приведет лекаря, который возьмет у тебя кровь на анализ.

— Не дам, — угрожающе предупредила я, спрятав руки за спину.

— Нужно просто установить твое родство с землянолюбями, ничего страшного не будет, — усталым тоном прошептала Элла, — тебе что, уже рассказали всякие ужасы про опыты?

— Ага, — против воли признала я.

Подруга лишь покачала головой и вдруг резко стукнула ладонью по столу:

— Ни в моих правилах бросать тень на кого бы то ни было, — сердито проскрипела она, — однако не надо было бросать тень на меня. Что там тебе рассказала Кларисса?

Несчастливых жертв зря клеймят? Так было проще и лучше для всех?

— Почти слово в слово.

Подруга усмехнулась, а затем задумчиво посмотрела вдаль.

— Ты не знаешь, чем для нас была Арилия, — произнесла она срывающимся голосом, словно хотела заплакать, — Когда Благодетель понял, что Его телесный сосуд изношен и стар, а дух стал слаб и немощен от пережитых горестей, Он отдал всю свою силу и мудрость талантливейшей из учениц своих — Арилии, а сам ушел в долину Сна, о которой никто из нас не поведает, куда его час жизни не истечет. Вышла Она к ученикам и молвила голосом тягучим что мед: «Хранитель покинул нас, но дело его должно жить. Давайте же каждый из нас понесет слово Благодетеля и будет следить, праведно ли живут непосвященные в Его мудрость». И вышли вперед ученики его: Лефария, Нилион, Шелруд, Лореанг, хранительница Пустошей и Дотрэла. И склонились они перед Арилией, ибо стала она жрецом воли Отца. Создала она каждому по новому миру и отправила их возделывать земли и править по законам, что принес им Благодетель.

— Я даже не знаю, что пугает меня больше: то, что ты помнишь эту вашу книгу о сотворении Мира наизусть, или то, что ты принимаешь все написанное за правду, — протянула я, делая глоток из своего бокала. — Лимонадик? Вкусно.

— Прощаю в первый и последний раз, — пригрозила Элла. — Все, что написано в книге о сотворении Мира — правда. До самого последнего слова.

Я решила не спорить. Каждый имел право на свою веру, какой бы абсурдной она не казалась.

— Мне было полтора года, когда Арилия пала, — поджала губы подруга, смахивая слезы кончиками пальцев, — родители много рассказывали о них. Все истинные арилийцы были прекрасными и смелыми, смотревшие за грань реальности. А королевская семья... Торир и Реган, величайшие чародеи за всю историю нашего измерения. И они погибли ужасной мучительной смертью вместе с дочерью Астрейей и внучкой Лиссой. Малышка только появилась на свет, а ее убили!

— Все ведуньи? Вся честная братия? — упрямо повторила свой вопрос я. — Прикольно конечно обвинять всех и разом! Кстати, где был муж Астрейи? Почему его никто не обвиняет?

Элина так сурово посмотрела на меня, словно собиралась врезать. Я замолчала, но смотрела на нее так же прямо и смело, не отказываясь ни от одного своего слова.

— Капитан Мичеил погиб, защищая свою невесту и их ребенка, — проговорила она буквально на полтона ниже крика, — Виновных наказало Мироздание, но вины со своих новых подружек не снимай. Ты вообще знаешь, кому они поклонялись?

— Знаешь же, что нет!

Подруга вся покраснелась. Казалось, что еще мгновение — и она лопнет.

— Зверь, — выплюнула она мне в лицо, — Несчастливые ведуньи, которых ты так защищаешь, поклонялись монстру, который чуть не разрушил наш мир до основания! А Кларисса все пропустила мимо ушей и никак им не помешала!

Она замолчала, делая краткие вдохи и выдохи, словно подавляя тошноту и новый эмоциональный выплеск. Мне же было страшно даже пошевелиться. Наконец, чуть осмелев, я осторожно коснулась пальцами ее ладони, сжавшейся в кулак.

— Рита, послушай, — севшим голосом вдруг попросила меня Элина, — дай мне немного времени. Я вытащу тебя оттуда и уговорю Макраю взять тебя в школу Эйлин на

испытательный срок. Умоляю: не верь им. Ни одному слову. Не дай им посеять в тебе смуту.

Рой вопросов в моей голове не утихал. Я не могла вычленить ни один из них, потому что они все жужжали и жужжали, мешая мне соображать. Не знаю, чем бы все закончилось, если бы Капитан Горн и лекарь не вошли во внутренний дворик кафе. Пока Элина диктовала «одноземлянину» список покупок, Лекарь достал маленькую прозрачную капсулу, похожую на таблетку, из которой высыпали порошок и аккуратно приложил ее к моему пальцу. Даже боли от укола не было — просто кровь маленькой струйкой потекла окрасила стенки маленькой пробирки.

— Я хотел бы извиниться за Алана, — глухо произнес он, даже не поднимая на меня взгляд.

— Пусть сам извиняется, — фыркнула я, — он тебе брат, что ли?

— Ленард его слуга, — раздался позади холодный переливчатый смех Элины, — Алан Нилионский — мой дорогой брат по королевской крови.

Я снова машинально тряхнула головой, прогоняя воспоминания о Придуроке. Но от меня не ускользнуло то, что Лекарь едва заметно покраснел и сглотнул слюну при виде моей подруги.

— Чисто технически, я его сквайр, — ответил он тихо, — и в мои обязанности не входит...

— Милый мой, — отмахнулась от его слов подруга, — я знаю Алана и короля Эйла дольше тебя. Не хочу тебя разочаровывать, но наш милый принц — идеальный продукт воспитания своего отца. Он легко и просто избавится от тебя, если ты посмеешь не отвечать его завышенным ожиданиям.

— Ну ладно вам, Ваше Высочество, — встрял в их пассивно-агрессивную перепалку Адам, — Да, он не подарочек, подтверждаю. Но я не верю, что он настолько ужасен.

— А я верю... — вдруг сорвалось с моих губ.

Все присутствующие разом замолчали. Капитан Горн тут же перевел разговор на другую тему, уточняя у меня список нужных вещей, которые нужно было забрать из дома. Я словно стала живым подтверждением всего вышесказанного Элиной.

И где-то между мыслью о том, что на улице стремительно темнеет и холодает, и просьбой выпросить у родителей гитару и гирлянду, у меня проскользнула полудума-недомысль.

Неужели одна только фамилия «Нилионский» способна внушать столько ужаса?

***

— Стало быть, помогать чинить душ ты не собираешься? — высунулась из дверей ванной Дора. — Нагулялась со своей принцесской?

Я прикусила нижнюю губу, ощущая себя словно между двух огней. Но подруга снова исчезла за дверью, давая мне время для придумывания более-менее адекватного и изворотливого ответа.

— Да ничего такого не было, — хихикнула я, переодеваясь в пижаму, — только одна вредная дама в канцелярском, но мы все порешали.

Долорес вышла из ванной с рабочим чемоданчиком в руках, распуская свою шикарную черную гриву, собранную в узел. Она присела на краешек моей кровати и впервые обратилась ко мне без усталого раздражения в голосе:

— Будь осторожна с ними, ладно? Чародейки милы с тобой, только пока им что-то от тебя надо. А такого Пирожочка очень просто одурачить. Я... Не смогу быть с тобой всегда

рядом и защитить, если что-то пойдет не так.

Яростный рассказ Элины о культе страшного Зверя и о падении Арили все никак не выходил у меня из головы. Но взгляд вишневых глаз Доры был так заботлив и по-сестрински нежен, что я и правда ощутила себя стоящей между двух костров.

Элла словно была соткана из тысячи прекрасных лилий. Изящная и плавная, словно звезда, упавшая с неба, но никогда не позволявшая подойти ближе и замереть в ее лучах хоть на минутку. Фарфоровая куколка с вымученной нарисованной улыбкой на хорошеньком личике.

Дора же была шиповником. Колочая и холодная, как снежинка. Нужно было отчаянно и долго продирается через ее шипы, чтоб увидеть прекрасные нежные цветы. Вот только никакой радости это не приносило, ведь ты уже истекала кровью.

И что же я должна была выбрать? Мир далеких звезд или колючего шиповника?

— Кстати, это тебе, — подруга протянула мне изящные наручные часы на красном кожаном ремешке. — Может хоть так не будешь забывать приходить вовремя.

Я запицала от радости и попыталась обнять ее, но Долорес отшатнулась, пробурчав:

— Не люблю эти нежности.

Я очень расстроилась, потому что, напротив, очень любила нежности, но решила не подавать виду, вместо этого задав один очень животрепещущий вопрос:

— Слушай, а есть у вас какой-нибудь кружок? Страсть как хочется танцевать...

Тот, кем бы вы хотели меня видеть

— Мой принц, король Эйл ожидает вас для сеанса голограммосвязи, — сухо произнес Ленард, войдя в мою комнату.

Я отложил очередной учебник (кажется, это была теоретическая механика) в сторону и с трудом встал, жалуюсь:

— Что-то спина побаливает. Надо попросить заменить стол и стул.

Свен стоял молча, сложив руки за спиной. Эта игра в «обиженное благородство» продолжалась уже пятый день и порядком мне надоела. Я мысленно наметил для себя прояснение отношений с ним после беседы с отцом, а вслух лишь спросил с усмешкой:

— Ты у нас теперь защитник всех слабых и угнетенных?

— Не понимаю, о чем вы говорите, мой принц, — очень любезно и холодно ответил тот.

Я лишь издал краткий смешок, но вдруг притормозил у самой двери и развернулся к нему на каблуках:

— Просто хочу напомнить, что согласно нашему контракту твой наниматель, то есть мой отец, и его волеизявитель, то есть я, имеют право устанавливать для тебя круг нежелательных контактов.

— Прошу прощения, мой принц, но где конкретно это указано? — неожиданно проявил свой норов Ленард.

— Раздел «Прочие права и обязанности», страница пятьдесят шесть, — я наугад назвал страницу, надеясь на его невнимательность. — Неужели ты не дошел?

Уверенность Свена начала испаряться. Я не мог нарадоваться, наблюдая за этим посмешищем:

— Не буду тратить свое время на разъяснение документа, который ты был и так обязан внимательно прочитать. Скажу лишь, что если увижу или узнаю, что ты имел какого-либо рода контакты с этой... девушкой, то твое увольнение будет лишь вопросом того, как быстро

я смогу дойти до зала связи, чтобы оповестить об этом отца.

Он молчал, мрачно смотря на меня исподлобья. Мне до боли хотелось пробить стену этой внешней невозмутимости и увидеть, что же на самом деле чувствует Ленард. Ему как будто бы не было дела до моих слов. И это задевало сильнее всего.

Я вышел из комнаты, хлопнув дверью. Хотя бы свою позицию удалось донести более чем внятно.

***

— Капитан Горн весьма тобой недоволен, — сложил руки на столе отец, — Судя по его отчету о последней миссии, ты допустил нарушение субординации.

Нельзя было даже открывать рот, пока правитель самолично не давал право голоса. Но всем своим видом, взглядом и выправкой я подавал ему сигналы о том, что мне есть что сказать.

Но отец молчал.

Мне показалось, что тишина стала моей новой пыткой. Нужно было выдержать и выстоять, не подать и вида смятения. Потому я стоял.

А отец все молчал. Его взгляд скользил по мне, осматривая и оценивая.

Это было хуже всего. Можно было что-то придумать, пока тот говорил, сориентироваться и предугадать его мысли хоть даже по интонации.

Но папа молчал. И я не знал, чего ждать.

— Мне хотелось бы выслушать твою версию произошедшего, мой принц, — вдруг кивнул он мне.

Это было словно удар в подреберье, которого я ждал с содроганием души, но не смог выдержать всей силы. Воздуха в легких стало катастрофически не хватать. Но нельзя было давать себе и секунды промедления, потому я снова впился ногтями в ладонь, сделал вдох настолько глубокий, насколько только мог, и выпалил:

— Все дело в этой ведунье!

Рассказ полился из меня бурным потоком. Я запинаясь, часто оговариваясь и сбиваясь с четкого поставленного темпа речи. Должен признать, мой рассказ вышел несколько сумбурным, даже несколько эмоциональным, но всю суть произошедшего передать удалось. Под самый конец пот лился градом по моей спине, и даже пробежала капля по виску.

Все то время отец сидел, подперев подбородок сложенными в мостик руками — верный признак глубочайшей заинтересованности. Стоило мне кончить, как он хмыкнул и произнес тихо, словно самому себе:

— Слабаки.

— Мой король?

— Имел в виду твоего капитана, — неожиданно дружелюбно ответил отец. — Не смог провести разъяснительную беседу с ведуньей, представляющей опасность для себя и общества. Надеюсь, ее заперли в школе Ронетт, и не выпустят до дня Заката.

— Разделяю ваши надежды, мой Король! — на одном дыхании выпалил я.

— Однако позволю со своей стороны вынести тебе пару замечаний, — погрозил мне пальцем он, — все же тебе не стоило настолько резко выступать против капитана Горна. Какова главная тактика победы нашего дома?

— «Жди свое».

— Именно! — кивнул папа. — Алан, наш род не смог бы продвинуть Нилион в лидеры, если бы мы высказывались на горячую голову.

— Не мог смотреть на этого ничтожного ведуньялюба! — выплюнул я с презрением окончание фразы.

— Благодетель следит внимательно и знает, что мой дух тоже беспокоен, — заверил меня он, — но верь мне: это посмешище не продлится долго.

— Познанцы бьют себя в грудь кулаками и утверждают, что скоро найдут путь к примирению нас и ведуний, — осторожно уточнил я.

— Их поискам не будет конца, — отрезал отец. — Нужно было лучше подходить к выбору преподавателей и следить за учебным процессом. Теперь же предпринимать что-то слишком поздно.

— Неужели...

— Не могу сказать тебе больше, — развел руками тот, — ни один канал связи не застрахован от шпионов. Что ж, думаю, мы закончили. Какой урок ты извлек из нашей беседы?

— Ждать свое. И сторониться капитана Горна.

— Не думаю, что у тебя это получится во время дисциплинарного взыскания.

Не стану лукавить: в моей душе теплилась слабая надежда, что отец избавит меня от наказания. Но, как и положено мудрому родителю, тот не смягчал удар.

— В таком случае буду нести бремя невзгод на плечах с присущей нашему дому стойкостью и спокойствием, — гордо выпрямился я.

— Иного ответа я от тебя и не ждал, — позволил себе широкую улыбку отец.

***

Весть о моей грядущей опале меньше чем за неделю облетела весь Тинтагель, правда из-за того, что слухи есть слухи, не была понятна причина моего скорого нисхождения вниз по «карьерной» лестнице. Пока я шел на занятия, завтракал в столовой или просто прогуливался в свободные часы, то успел подслушать миллиард слухов, один нелепее другого:

— *Он ликвидировал цель миссии вне приказа командира!*

— *Да что ты несешь?! Отвечаю вам: нажал на маленькую красную кнопку и все подорвал!*

— *Тогда почему он не под Трибуналом, умник?!*

— *Ага, вперед, упеки под Трибунал принца Нилиона!*

— *Вы оба просто сплетники! Должно быть логичное объяснение!*

— *Ну и?*

— *Он двинул своему капитану по морде!*

Одним словом — разбор наших предварительных курсовых проектов по специальности стал для меня настоящим спасением, потому что вела его глава отдела разработок Союза Познания — дама Валериана Адамантис, представительного вида суровая женщина, напоминающая грозовую тучу. Она отвечала всем критериям несчастного существа, оказавшегося не на своем месте и пошедшего против предназначения обычной женщины: не понимала юмора, ни к кому не проявляла снисхождения и, что самое главное, была беспощадна в своей критике.

— Мне весьма интересно узнать, — оглядела она нас тяжелым и ледяным взглядом, — чьи идеи легли ко мне вчера на стол? Будущих перспективных специалистов? Или же беспечных юнцов, решивших не тратить свое драгоценное время на подготовку к мероприятию, от которого зависит их будущее в Тинтагеле?

— Где же сэр Уильям... — пророкотал сзади какой-то глупец.

Дама Адамантис пригляделась к нам. Подобным взглядом можно было даже нарезать камень на кусочки. Мне лишь оставалось посочувствовать несчастному, так не вовремя решившему посетовать на судьбу.

— Не буду тратить время на выявление виновного, — процедила она, — Скажу лишь, что сэр Уильям занят на миссии, на которую его направил союз Познания. А если кто-то из вас недоволен моим стилем преподавания, то может положить рапорт на стол сэра Персиваля вместе со своим заявлением об отчислении.

Несчастливая женщина, утратившая связь со своим природным началом. Зачем она решила утратить свою врожденную доброту и мягкость?

Дама Адамантис не пожалела никого: чьи-то замыслы были отвергнуты и жирно перечеркнуты ее стилусом; у кого-то от первоначальной идеи осталось меньше, чем одно предложение; а иные вообще были вынуждены уйти с занятий, потому что ей не понравилось само оформление документа.

Хоть мой проект был выполнен безупречно по сравнению с этими ничтожествами, я ощущал неприятный холодок в животе. Когда она достала мою папку, то я с удивлением обнаружил, что даже внешне моя работа не настолько истерзана ее записями, как работы других студентов.

— Останетесь после занятия, — отчеканила дама Адамантис, аккуратно отложив мою работу в сторону, — а теперь давайте обсудим структуру ваших проектов...

Оставшиеся час и десять минут тянулись как несколько лет. Я наскоро заклеил кровоточившую ладонь медицинским клеем, но того явно было недостаточно, потому что ранки болели. Соблазн попросить Ленарда дать заживляющую мазь неумолимо теплился в душе, но уж лучше было сразу расписаться в своей слабости и потребности в помощи.

Принц Нилиона не слабак. Принц Нилиона разрешает все трудности сам.

Как только однокурсники гурьбой покинули кабинет, я осмелился подойти к столу дамы Адамантис. Она вручила мне папку со словами:

— Не хотела разжигать в вас звездную болезнь. Неплохой замысел, Нилионский.

Не очень хочется вдаваться в подробности этого проекта — он во многом для меня значимый, но не в том смысле, что обычно закладывают в это слово. Скажу лишь, что планировал увеличить скорость и маневренность мотоциклов, которые не модифицировались уже много лет.

— Есть ли у вас какие-то замечания? — решил на всякий случай осведомиться я.

— Думаю, вы умеете читать, — недобро сверкнула та глазами.

Я аккуратно положил папку в сумку и уже намеревался уходить, когда дама Адамантис сказала:

— Все же я ожидала от вас большего, принц Алан. Судя по характеристике сэра Уильяма, вы подаете большие надежды как инженер-изобретатель. Однако этот проект... Просто хороший. Не более. Ведь вы же не хотите бы просто хорошим правителем для своего королевства?

Никогда в жизни по моему самолюбию не наносили удар подобной силы. При моей оценке даже капитан Горн был вынужден признать, что я обладаю «отличной для своей категории физической подготовкой» и «прекрасными интеллектуальными способностями». «Просто хороший» было для меня равносильно «Посредственный».

— Обязательно внесу коррективы, — кивнул я.

— Успеете до конца недели?

Любая стоящая корректура проекта должна была занимать минимум полторы недели. Но я уже успел запятнать себя клеймом посредственности, так что времени на раскачку не было.

— Обязательно, — кивнул я, тем самым практически подписывая себе смертный приговор.

***

Мой торжественный разнос перед командой запланировали уже на тот вечер, однако меня он сильно не заботил. Куда больше меня занимали правки, на выполнение которых у меня оставалось пять с половиной дней.

Тиннакорн и Фланн с Томасом знали о произошедшем не больше остальных — Ленард и Адам упорно хранили молчание об обстоятельствах миссии — потому слухи и сплетни уже успели прочно засесть в их разуме. Капитан задерживался на собрании у сэра Персиваля, потому до его прихода эти трое успели порядком мне надоесть.

— Ну, скажи честно: ты ему двинул в морду? — с придыханием спрашивал Фланн.

— Я похож на человека, который решает проблемы насилем? — раздраженно спросил я, лихорадочно проверяя свои расчеты и выискивая моменты, которые дама Адамантис сочла «просто хорошими».

— Моему дяде на Нилионе как-то раз сломали челюсть, — встрял в разговор Томас, — а он всего-то сказал, что ему настойки медоноса не долили.

— И, по-вашему, это был я?

— Остыньте, Вашество, — поднял ладони вверх Бернадотт, — мы же понимаем, что вас бы не выпустили из вашего дворца из мрамора во время секретной тренировки по перегрызанию железа на скорость.

Ленард, все это время стоявший в стороне, прыснул со смеху. Я сам едва сдержал улыбку, вспомнив о своих первых преподавателях по общей военной подготовке. И вдруг мне на ум пришла весьма колкая фраза, которой безумно захотелось поделиться:

— Железо — это слишком легкое задание. А вы попробовали бы прорешать за неделю весь задачник начальной математики...

— Прости за вопрос, — вежливо уточнил Томас, — ты перегрызал железо?

Он попытался (в прямом смысле слова) заглянуть мне в глаза, и меня передернуло. С Нартом все было ясно: льстец. Причем весьма неумелый. В Артенаре отец периодически проводил собрания всех наших родственников, где каждый третий из десяти намеревался получить больше денег на свое безбедное и бездельное существование. Остальные семь из каждой десятки пытались удержать имевшееся денежное содержание, чтобы не дать тем трем выскочкам жить лучше, чем они. Забавное и жалкое зрелище.

— Нет, — лаконично ответил я, — не хватает уровня мастерства.

— Поразительно, — вошел в кабинет капитан, — а я думал, ты у нас сведущ во всем.

Адам не был хорошим разведчиком. Уже к концу первого месяца я мог расслышать звук его шагов по коридору и то, как он замирает у двери, подслушивая нас. Так что в тот день меня не застигли врасплох.

— У совершенства нет предела, — скромно улыбнулся я.

Горн был на взводе. Всю неделю он избегал меня, копил в себе яд для моей репетиции казни. Но одобрение отца служило мне щитом и благословением одновременно, потому ни одна его колкость не смогла бы ударить по мне.

— Ну, что ж, рыцари, начнем собрание, — занял капитан место во главе стола, — пять дней назад во время проведения спасательной миссии в Затерянном мире, так же известном нам как Земля, имело место быть одно достаточно серьезное правонарушение со стороны принца Алана Нилионского...

В защиту Адама, могу подчеркнуть, что тот избегал драматизации и изложил свою версию событий без каких-либо трагичных завываний, стука кулаком по столу и риторических вопросов со зловещими подергиваниями бровями. Только когда он кончил свой рассказ и обвел сокомандников взглядом, то нечаянно выдал свое волнение чуть более сильным логическим ударением в своем вопросе:

— Я не хочу быть единственным судьей, потому что принцип единства и братства не дает мне на это морального права. Давайте же вынесем решение вместе. Что вы думаете о проступке принца Алана?

Томас прокашлялся и своим мерзким осторожно-заискивающим тоном заговорил больше со мной, нежели чем с окружающими:

— Я не поддерживаю жесткость высказываний принца Алана, но и не считаю его действия неправильными. Капитан, вы с нами всего несколько лет, потому не знаете, что ведуньи сотворили с Арилией и с нашим миром. Корень зла просто цвел и пах в их головах. Они...

— Рот закрой, урод! — неожиданно рыкнул на него Фланн. — Корень зла он нашел, садовод! Ты за всех не говори!

— Ведуньи убили мать принца Алана! — не сдавал позиций Томас. — Ему не понаслышке известно, на какое зло они способны...

— Если ты хочешь подлизаться к нашему молодому монарху, то не при нас! — напирал Бернадотт. — У него уже есть один подпевала, которому за это хотя бы платят!

Ленард, ютившийся у самого края стола и молчавший, побелел до синевы от злости.

— Бернадотт! — хлопнул по столу ладонью капитан. — Если не хочешь стать героем нового разбирательства, то прекрати наезжать на товарища! Томас, тебе есть что еще сказать?

— Только то, что я на стороне Алана более чем полностью, — гордо ответил тот.

Даже несмотря на то, что поддержка не помешала бы мне, внутренне я не ощутил никакого удовлетворения. Этот «подпевала» согласился бы с любым моим поступком, покуда в нем теплилась надежда на какие-либо привилегии с моей стороны.

Получил бы он их — тот еще вопрос.

— Фланн, можешь высказываться. Но предупреждаю: еще раз отчебучишь подобное — мало не покажется, — предупредил Горн.

Тот сделал глубокий вдох и заговорил холодным и жестким тоном, словно точил ножи об камень:

— Давайте так: правильно ли мы сделали, что запихали девчонку под крыло к Госпоже Клариссе? Ну, допустим. Она нормальная, малявку не сожрет. А вот остальное, вы уж простите мой язык, срань полная. О каком благородстве можно говорить, если наш дорогой поборник идеалов и порядков считает нужным чуть ли не допрашивать как преступников всех, кто ему не нравится? Знаете что, парни, по моим понятиям с девчонками так нельзя. Тем более с такой. Это не рыцарство. Это беспредел. Спасибо, я высказался.

Тиннакорн не стал ждать, когда ему дадут слово. Он аккуратно привстал со своего места и мечтательным тоном спросил:

— Небо над нашими головами синее?

— Что? — удивился Адам.

— Поток воды в реке потечет вспять?

— Выражайся конкретнее, Розенкранц, — устало потер переносицу капитан.

— Вся эта встреча есть попытка ответа на очевидные вопросы, — пожал плечами тот, — простите, но я уже сказал вам все, что хотел.

Адам сделал глубокий вдох и повернулся к Ленарду:

— Ну, ты у нас персона предвзятая, тебя спрашивать смысла нет...

— Прекрасно, — фыркнул сквайр, — так и знал, что никакого права голоса у меня в этой жизни нет.

Я прикусил щеку со внутренней стороны. Разумеется, у меня в мыслях не было сидеть и ждать, пока мою судьбу решает сборище посторонних и абсолютно чуждых мне людей. И мимолетная заминка как нельзя сыграла мне на руку:

— Прошу прощения, — встал я со своего места, — считаю, что тоже должен высказаться!

Сокомандники и Адам как один обернулись ко мне. Теперь, когда их внимание было в моей власти, нужно было заставить их согласиться со мной.

— Во время проведения миссии любого типа на недостаточно изведанных территориях с плохой базой разведанных существует большой риск провала задания из-за внешних факторов, не зависящих от действий и подготовки команды, — начал я. — Прошу простить мой нескромный анализ, но что-то подсказывает, что наша миссия вполне могла стать проваленной. Поведение манифестантки...

— Маргарита Прикер, — прервал меня капитан, — будь так добр называть девушку по имени. Она еще имеет на него право.

— Поведение манифестантки Прикер было непредсказуемым и неконтролируемым, — продолжил я, скрипнув зубами, — ввиду огромной силы заряда и ее неумения их контролировать, всем нам угрожала опасность. Кто-то должен был привести ее в чувство.

— Путем врубания сирены и угроз? — встрял Фланн.

— При всем уважении, Бернадотт, — повернулся я к нему, — ты в это время был уже в Тинтагеле вместе с Томасом и Тиннакорном, потому можешь судить о ситуации только со слов Адама. Разумеется, капитан Горн упомянул в своем докладе о том, что манифестация сил все еще имела место быть даже после выброса большей части заряда. Но не упомянул, что манифестантка Прикер дымилась.

— Дымилась? — выдохнул Томас. — Словно ошпаренная?

— Да, — кивнул я, с раздражением признавая, что его поддержка в данный момент явно не помешает, — она дымилась, что может служить явным признаком подавленной агрессии. И долго отказывалась признавать свою опасность, потому мне пришлось применить достаточно жесткий стиль поведения и речи, дабы вразумить ее.

— Ты забыл, что миссией руководил я! — рявкнул капитан Горн. — И ты обязан был подчиняться мне!

Его гордыня и самоуверенность встали мне поперек горла. Никакие доводы рассудка не действовали на идиота, решившего, что должность капитана давали ему право решать споры методом силы.

Я врезался ногтями в ладонь, прорывая пластырь, и рявкнул на него в ответ:

— Так почему ты ничего не сделал, тупица?! Ну да, она землянка! А ты решил побежать

в первых рядах, проявляя к ней рыцарское участие и желание охомутировать?! Вот только не маловата ли она для тебя?! Семнадцать лет ей только на словах!

Адам покраснел и угрожающе прошипел:

— Еще одно слово, сопляк, и я...

— И ты, что?! — гордо выпрямился я, вставая рядом с ним и показывая, что тот едва-едва дотягивал мне до подбородка. — Вызовешь на дуэль?! Сообщи об этом своей новой даме сердца, вдруг она передумает выжимать тебя до нитки?! Вот правда, Капитан, что вы мне сделаете?!

***

— Ты определенно не ждал такого финала? — язвительно осведомился Ленард.

Я поднял полный злобы взгляд на него и придвинул к себе коробку с бинтами, которые должен был аккуратно сложить.

Адам не просто уничтожил меня, о нет. Он заставил меня бегать на посылках за всеми членами командами до конца недели. И не нужно было обладать даровитостью в математике, чтобы понять — времени на доработку черновика проекта у меня практически не оставалось.

На момент нашего внезапного разговора, мы сидели в лазарете Тинтагеля, а точнее в кабинете дежурного лекаря. Главный по смене совершал обход, оставив на нас с Ленардом прием пациентов.

— Ты никогда так раньше не поступал, — не отставал от меня Свен. — Не мог промолчать? Верю, что мог!

У меня не было вразумительного ответа на все его вопросы. Скорее всего, где-то в глубине меня сидел тот древний Хаос, который, время от времени, прорывался из самой глубины и портил мне жизнь. Но причина моей злости была не в Хаосе, а в Ленарде, который неожиданно приобрел милосердие, смотря на мою руку, на которой едва-едва держались пластыри, потому что ладони предательски вспотели.

— Мы теперь разговариваем? — не выдержал я, вытирая руки о платок. — Пять дней стоял статуей, а теперь обрел дар речи? Не отвлекайся от дежурства!

— Алан...

— Принц Алан! — отрезал я. — И не нужна мне твоя жалость!

В этот момент моя ладонь соприкоснулась со столешницей, и воспаленные ранки отозвались невыносимой острой болью во всей руке. Я сдавленно застонал, закусив губу до крови.

— Сил моих нет! — Ленард схватил мою руку и потащил к смотровому столу.

Он вытащил из рабочего чемоданчика обеззараживающую настойку и принялся аккуратно обрабатывать воспаленные и начинавшие потихоньку гноиться раны.

— Согласно уставу Лекаря, нужно помогать всем пациентам, независимо от того, какие они пекловы уроды, — ворчал он, пропитывая будущую повязку заживляющей мазью, — а еще готов принести все Благодетели, умоляя тебя перестать ковырять эту заразу. Ты хочешь остаться без руки?

Усталость прожитого дня навалилась на меня словно железная глыба, потому я устало склонился над столом, все же найдя в себе силы огрызнуться:

— Ты осознаешь, сколько раз нарушил субординацию?

— И что ты мне сделаешь? — передразнил мой гневный тон сквайр.

— Пекло да будет твоим домом, — только и смог выругаться я.

Когда моя рука была надежно перебинтована, Свен вернулся к своему посту, делая вид, словно ничего не произошло. Я выдохнул с облегчением, радуясь, что меня не стараются вызвать на душевный разговор, тем более что не слишком был уверен в наличии у себя души как таковой.

— Ленард, добрый вечер! — в кабинет вошел Тиннакорн, а позади него стоял Фланн. — Не мог бы ты мне помочь?

Все лицо Розенкранца было покрыто испариной пота, а цвет кожи стал землисто-бледным. Но сам он держался так, словно получил простую занозу. Бернадотт же изо всех сил старался усадить того на стул, объясняя Ленарду, на ходу натягивавшему перчатки:

— Этот идиот работал сегодня в лаборатории с твариной, которую мы... На Земле, короче.

— Не называй Муркумба твариной! — возмутился раненый, хватаясь за бок.

— А как мне назвать... — уже было начал возмущаться Бернадотт, но тут же осекся и процедил, — Невесть что, которое чуть не оттяпало у тебя половину бока!

— Да не такую уж половину, — отозвался Ленард. — Алан, не стой столбом! Достань обезболивающее и разведи с водой по пропорции два к одному!

Я ринулся к столу Лекаря, ища нежно любимую мной еще с Нилона маленькую бутылочку с темно-зеленого цвета тягучей жидкостью. Но почему-то мое внимание привлек сосуд, похожий на уменьшенную копию газового баллона. Ведомый странными позывами, я взял еще и его, наверное, решив, что это нечто вроде эфира-наркоза.

А сокомандники уже вовсю обсуждали ранение Розенкранца. Сам «герой дня» с горящими глазами спорил с Ленардом, впервые на моей памяти повышая голос:

— Муркумб уникален в своем роде! Он не подходит ни под одну классификацию из Бестиария! Повезем его в главную лабораторию! Я буду младшим ассистентом!

— То, что эта зверюга ни на кого не похожа, это не повод ей восхищаться! Это повод удирать от него сверкая пятками! — орал Фланн. — Ты кому подарил разум?! Зверю?!

— Строго выражаясь — да, — хихикнул тот.

Я замер в небольшом отдалении от них. Почему-то именно в ту самую секунду, наблюдая за ними, собравшимися вместе, нечто острое и щемящее ударило меня где-то прямо под ребрами. Мне нестерпимо захотелось стоять вместе с ними, смеяться над их шутками, может даже ощутить, как они хлопают по плечу. Но подойти к ним я почему-то не мог. Словно между нами стояла стена из невидимого, но прочного стекла.

Именно в толпе чувствуешь одиночество наиболее отчетливо.

Баллон выскользнул у меня из рук и с громким звоном разбился об пол. Парни обернулись на звук и ахнули.

— Ты зачем взял с полки паровой морок? — простонал Ленард.

***

Небольшая справка об одном из агрегатных состояний заклинания местной маскировки и камуфляжа для применения рыцарями в условиях детекции магии — мороке.

Заклинание морока в законсервированном состоянии следует хранить в баллоне из материала плотностью не более 2,2 г/см³ во избежание изменения структуры заклинания и вещества, в котором оно законсервировано.

Не рекомендуется использование заклинания морока на лицах, не обладающих магическим даром, без прохождения предварительной проверки физического и ментального благосостояния.

Закливание морока способно продержаться на индивидууме до 5 астрономических часов. Во время нахождения индивидуума в состоянии морока рекомендуется тщательно наблюдать за его взаимодействием с окружающим социумом.

Я впервые на своей памяти закричал во все горло. Полумрак мастерских полностью поглотил все звуки.

Закливание морока было самым безопасным и одновременно самым страшным заклинанием на свете. Оно не наносило серьезного урона здоровью, держалось всего каких-то пять часов, и не оставляло последствий. Можно было обновлять хоть круглые сутки.

А страшным оно было, потому что любой, кто попадал под действие, становился фактически невидимкой. Физически человек присутствовал, но его истинный облик становился для окружающих податливым, словно глина, и расплывчатым, как утренний туман. Фактически каждый видел в «морочном» ровно того, кого хотел бы увидеть.

Фланн, к примеру, расхохотался и сказал, что я для него стал намного меньше ростом, обзавелся россыпью прыщей и сальным гребнем.

Мнения остальных товарищей по поводу моего нового облика я дожидаться не стал, а сразу же убежал в мастерскую под предлогом срочной работы над проектом.

Кого вы видите во мне? Думаете, принц Алан слишком глуп и ничего не понимает?

Я приходил в учебный модуль мастерской работать над модификацией уже неделю по драгоценному пропуску отдела, который выдали всем инженерам при поступлении. Там было... Спокойно. Не мертвая тишина комнаты в общежитии.

Монотонное гудение аппаратуры, запах машинного масла, изредка — мелодичный стук инструментов друг о друга. Идеальное место для того, кто видел в машинах самую удобную и понятную форму жизни.

Но в тот вечер работа не спорилась. Мне отчаянно хотелось вернуться в Тинтагель... Но зачем?

Меня ведь никто не ждал там. Ленард наверняка был рад моему отсутствию, про остальных даже думать не хотелось. Все остались довольны друг другом.

Вот только почему мне так плохо?

Я сидел в маленьком кабинете прямо возле поля испытаний и с отчаянием глядел на чертеж и черновики проекта, разложенные передо мной на узеньком столе. Ничего не сходилась, ничего не получалось. А время отбоя неумолимо приближалось. Глаза слипались, руки тяжелели и становились неуклюжими.

Слишком слабый. Не способный сосредоточиться. Идиот, который не в силах выдать одну простую идею.

Я не хочу быть собой.

И в тот самый момент, когда я был готов расписаться в собственном бессилии, то прямо над моим ухом раздался женский голос:

— Уважаемый, сворачиваемся. Мастерские закрыты на санитарную обработку.

От испуга я уронил стилус и дернулся так резко, что чуть не упал со стула.

— Так, не падаем! — моих плеч коснулись узкие холодные ладони. — Кровь и ошметки мозгов отмываются тяжелее всего! Уважаем работу «трудяжки чистоты», милейший!

Обладательницей голоса оказалась уборщица, воительница «невидимой армии», каждый вечер борющаяся с пятнами машинного масла, трухой металлических стружек и прочими отходами «творческой жизнедеятельности» инженеров. Она была одета не то в коричневый, не то в бордовый форменный комбинезон из грубой и жесткой на ощупь ткани,

который на удивление ее не уродовал, а мягко подчеркивал все очертания женственной фигуры. Волосы были собраны под косынку, но выбивалась пара темно-русых прядей, прелестными завитками ниспадая на лицо. Она склонилась надо мной, и меня обдало запахом чистящих средств в смеси с совсем другим запахом, который звучал диссонансом и выбивался из ее облика.

— С-спасибо з-за п-помощь, — выдавил я скорее от изумления, нежели от испуга.

— Н-не н-надо т-так з-заик-каться, — весело рассмеялась та, — если решил, что я — дух убитой уборщицы, то зря. Давай-ка включим свет, мне надо тут все разгрести.

Раздался щелчок выключателя, и я зажмурился от резкой яркости. Мне никогда не нравилось работать при лампах, всегда хватало светильника. Моя ночная собеседница, скорее всего сочла это за еще один признак испуга и мягко коснулась моей щеки ладонью.

— Такой большой мальчик, а всего боишься, — промурлыкала она. — И как ты стал рыцарем?

Наверное, если бы дело происходило в другом месте и в другой день, все сложилось бы иначе. Я ответил бы прежней колкостью и поставил бы любительницу трогать людей без их на то разрешения на место.

Но это была та ночь. То место.

И совсем не тот Алан.

— Обладаю экстраординарными навыками, — ответил я, откинувшись на спинку стула и разглядывая ее.

Уборщица мягко улыбнулась будто сама себе, отстранилась от меня и начала мыть полы. Мне захотелось взвыть из-за того, что ее мягкие пальцы больше не касались моего лица. Хотя так появилась возможность оценить ее лучше с дальней перспективы.

Стройная и гибкая, но не худошавая, а напоминающая скорее плавную волну. Кожа цвета только-только восходящего солнца. Полные и четко очерченные розовые губы. И глубокие темно-карие глаза.

Некоторые женщины становятся только прекраснее с наступлением ночи, впитывая в себя ее пленительную магию.

Она заметила, что я неприкрыто люблюсь ей, и развернулась ко мне спиной, небрежно бросив через плечо:

— Смотреть, но не трогать, красавчик.

Меня возмутил столь наглый ответ, ведь мне никогда не отказывали. Меня никогда не игнорировали. Но тут же меня накрыло внезапное осознание.

Это был другой я. Она видела того, кого хотела видеть. И этот «тот» нравился ей так же, как и она мне.

И я мог быть в тот момент абсолютно каким угодно для нее.

Только не собой.

— Хорошо, что можно смотреть, — ответил я так же небрежно, — произведения искусства не должны таиться в тени.

Уборщица снова улыбнулась больше сама себе, но не сумела скрыть, что на ее щеках вспыхнул румянец.

Какой я в твоих глазах?

Нам с огромным трудом удавалось сделать вид, что мы заняты каждый своим делом. Я смотрел на свои бумаги, но текст и чертежи расплывались перед глазами. Она мыла пол, то и дело краем глаза поглядывая на меня.

Дивный нежный аромат. Хочу окунуться в него как в реку.

— Пекло и смола! — мою щеку защекотали длинные шелковистые пряди. — Это типа вам задают?

— А что такого? — отозвался я, специально пододвигая черновики к себе и отодвигаясь чуть дальше, дабы она увидела еще больше моих записей и экран смарт-панели, куда я заносил окончательные результаты. — Это проект для научной ярмарки.

— Которая будет на Полигоне? С сэром Уильямом во главе?

— Откуда знаешь? — удивился я.

Темно-карие глаза Уборщицы засияли безумным inferнальным светом, чем больше она вглядывалась в мой проект. Она прикусила губу и нехотя призналась:

— Поприберишься здесь с мое — не такое узнаешь. К тому же... Немного секу в теме.

— Да? — умилился я ее самоуверенности. — Тогда может объяснишь, почему у меня расчеты не сходятся?

Она подошла ко мне, слегка задев локтем мое плечо. Мне захотелось взять этот локоть в руки и узнать, пахнет ли так же восхитительно она вся.

— У тебя тут ошибка, — ткнула она стилусом в экран панели, — ты в самом начале поставил не тот знак, потому расчеты и поплыли.

Я ощутил холод во всем теле, словно меня окунули в чан с ледяной водой. Уборщица же бесцеремонно подвинула меня и встала на колени рядом со столом:

— Идея хорошая, но не уникальная — задумчиво произнесла она, на этот раз обращаясь уже ко мне, — хотя знаешь, впервые вижу, чтобы работать предлагали не только с самим мотором мотоцикла, но и с экипировкой.

— Это же очевидно, — вдруг полилось из меня бахвальство, — никто никогда не обращает внимания на то, что гонщику должно быть удобно! В перчатках же невозможно держать руль нормально!

— Точно, — кивнула она, — а в шлеме можно задохнуться! А ты уверен, что двигатель стоит делать именно из этого сплава? Я знаю полегче... Уменьшит массу мотоцикла, лететь будет как птица на крыльях...

Счет времени за беседой был абсолютно потерян. Мы выдавали идею за идею: совершенно безумные, полупомешанные, забывшие про усталость. Когда мои часы завибрировали, возвещая о том, что пора возвращаться в общежитие, я чуть ли не застонал:

— Пекло! Мне пора возвращаться!

— Чего ты так скис? — похлопала меня по плечу та. — Можем завтра доработать. Когда сдавать это все?

— В начале следующей недели.

— Будет непросто, — пробормотала Уборщица, — встречаемся завтра на этом же месте и в тот же час. Если не будем тормозить, то все успеем.

— Постой! — вдруг почему-то начал перечить я. — У меня ведь могут быть дела, как ты думаешь?

Ночная чаровница в это время что-то уже писала на клочке бумаги. Услышав мой слабый протест, она изогнула невероятной красоты губы в усмешке и вручила мне записку со словами:

— Я вот ради тебя готова пересмотреть свое расписание на завтра. А на что ты готов ради меня?

Не успел я даже рта раскрыть, как она поцеловала меня в щеку и испарилась, прихватив

подмышкой все свои вещи.

Я же остался с красным размытым пятном в половину лица, наполовину завершённым проектом и запиской с номером для связи и небольшой припиской

Надеюсь, ты выделишь для меня окошко в своем плотном графике.

Целую, Долорес

***

Долорес абсолютно свела меня с ума, захватив мои мысли, сны и мечты.

Всего за три дня мы полностью закончили целый проект, без сомнения ставя его под оригинал. У дамы Адамантис не было ни единой придирки. Она лишь развела руками и пробормотала:

— Удивительно...

И то был единственный случай, когда я был с ней полностью согласен.

Единственной небольшой помехой на моем пути был Морок, а точнее, проблема его добычи без привлечения лишнего внимания. К счастью, лаборанты из отдела Разведки не задавали лишних вопросов, увидев разрешение от сэра Уильяма (которому я филигранно наврал про новый удивительный эксперимент по созданию усовершенствованной маскировки и необходимость изучать свойства Морока в полевых условиях. Видимо, и правда был так занят, что не смог связать воедино все логические несостыковки).

Еще помехой на моем пути стоял Ленард, но я запретил ему беспокоить меня во время работы в мастерских и выделил два выходных дня в конце недели. Нас обоих устроила перспектива не видеть друг друга хотя бы на столько короткий срок.

Долорес или же Дори была удивительна и восхитительна. Она появлялась под покровом ночи, словно прелестнейший ночной дух, а уходила, когда приходило время темной поры.

Она не задавала лишних вопросов, да и о себе много не рассказывала. Все, что я смог понять из обрывков наших фраз — простачка, заканчивала средней руки колледж и подрабатывала в мастерских Тинтагеля уборщицей и чернорабочей, чтобы заработать на жизнь и отложить немного на поступление в университет.

— Красивые, но бедные девушки должны пробиваться в жизни как умеют, — с легкой печалью подметила она, зажав в зубах кончик стилуса, — но где бы тогда я завела столь приятное знакомство, правда, Алек?

Разумеется, раскрывать свое инкогнито я не намеревался. Долорес верила, что я простой рыцарь из небогатой семьи, которого денно и нощно ущемляли более влиятельные сокомандники и однокурсники. Женщины любят жалеть. К тому же для меня катастрофически было важно оставаться не собой.

Моему затуманенному вожделением мозгу казалось, что мы абсолютно идентичны. Такие же отчаянно умные, самодостаточные и... Одинокие.

Долорес потеряла отца во время падения Арили. «Несовместимость бытия и горькой настойки» — ядовито высказалась она. Мать, судя по всему, после смерти отца покатила по наклонной вслед за ним. Над сироткой взяла опеку куча дальних родственников, спася ее тем самым из лап приюта, но все они были настолько суматошные и поглощенные своими проблемами, что девочка росла практически без присмотра.

От семьи у нее остался только дешевые детские браслеты из крупных разноцветных бусин, которые она постоянно крутила на запястьях, почему-то морщась, словно воспоминания о былых временах причиняли ей физическую боль.

— Не подумай, что я жалею, детство было благодатное, никто мозг не грузил своей

опекой, — как будто оправдывалась она, закуривая сигарету за сигаретой из этой помойки под названием «Земля», — у меня вот соседка по комнате всю жизнь у мамы под крылышком просидела, а теперь сама ничегошеньки не может. Смех один — возвращаюсь после занятий, а она свернулась в узел на кровати и хнычет. Живот болит, а таблетки пить боится, мол, от них еще хуже станет. Такая дурочка и плакса, если честно... Бесит, а бросить не могу — совсем без меня пропадет.

Дори сбегала в мастерские за тем же, чем и я — немного отдохнуть от скопища людей, беспрестанно загромождавших жизненное пространство.

Ей я рассказал, что мать умерла при родах, а отец много работал и практически не находил на меня время. Идеальная легенда, из-за которой она начала симпатизировать мне еще больше.

Мы впервые поцеловались на пятый день знакомства. Точнее, это Дори вдруг оборвала разговор, притянув меня за воротник рубашки и буквально впила своими губами в мои.

От резкости у меня кончился воздух в легких, и я чуть не задохнулся. Бесславный конец первого поцелуя, но как же это было невероятно.

Восхитительный аромат, не то фруктовый, не то просто сладкий буквально наполнил всего меня, словно вода наполняет сосуд. Она обвила меня руками, прижимая к себе еще крепче. А потом Дори проникла языком в мой рот, и я застонал подаваясь вперед.

Мне больше не хватит одних лишь разговоров.

Еще. Еще!

Вибрация на часах ножом перерезала этот прекрасный момент. Мы оторвались друг от друга, тяжело дыша. Дори ухмыльнулась, окончательно размазывая кроваво-красную помаду по лицу:

— Вижу, я испортила хорошего мальчика.

— Штраф тебе, — выдохнул я, без сил облокачиваясь о стол.

Она же вела себя так, словно ничего толком и не произошло. Только лишь невозмутимо расправила волосы под косынкой, расстегнула рукава комбинезона и бросила через плечо:

— Напишу тебе завтра. Сладких снов.

Нужно ли упоминать, что в ту ночь я вообще не спал? Воспоминания о близости того самого, сладкого и неминуемого, что происходит между двумя, когда их влечет друг к другу буквально выдергивали меня из дремы.

Но вот только я ничего не знал и не умел. Знаний из учебника анатомии и пары-тройки так называемых «статей для кругозора» явно не хватило бы для...

Пекло, как этот юнец мне теперь омерзителен. Мне хочется оттащить его за шкуру и утопить, как котенка.

Ты должен был быть не там и не тем. Ты не должен был гнаться за магией ночи, которая обманывает и опустошает.

Но... С другой стороны, кто бы так тебя еще научил, прокатив волоком по всем ошибкам?

Дори написала мне буквально на следующий день, сообщив адрес своего дома и отправив значок поцелуйчика.

И я пошел. Я сбежал после отбоя в маленький неприметный район Централа рядом с Бескрайним лесом. В двухэтажный покосившийся дом, где горел свет в одном лишь окне, а в просвете между занавесками виднелась гибкая и уже явно полуобнаженная фигура.

***

Дори впечатала меня в стену полутемной душевой прихожей, поцеловав так крепко, что у нас обоих закровоточили губы. Быстрым и резким движением она сбросила с меня плащ и залезла руками под водолазку.

— Стой! — я попытался выкрутиться из ее объятий. — Прямо здесь?

— Нет, — хищно оскалилась она, — не смогла удержаться от приветствия и небольшой затравки.

Она потянула меня вглубь дома, но на меня накатило смущение и ступор. Долорес даже в полутьме все заметила и спросила:

— Боишься? Или же...

Заметив то, как я весь становлюсь пунцовым, она лишь мягко улыбнулась и снова поцеловала меня, проникнув уже в брюки:

— Не пугайся, дорогой. Ничего страшного. Я тебя всему научу.

И в ту ночь моя благополучная дорожка сделала серьезную кривую петлю прямо в омут.

Принц Алан Нилионский потерял моральный облик, когда малознакомая, но до одури прекрасная девушка провела его по дороге всевозможных искушений от начала до самого конца.

Калейдоскоп

Когда в первый раз балуешься с калейдоскопом, то по неосторожности начинает кружиться голова, потому что узоры из стеклышек меняются с хаотичной быстротой. Наверное, это сравнение как нельзя лучше может описать мои первые две недели в школе Ронетт. И, если честно, я не знаю, что рассказать вам, невидимые читатели.

Если описать все в тоне краев, где по утрам подают депрессо — значит стереть подчистую все хорошие моменты. А они, черт возьми, у меня были. И они есть. И будут еще. Надо лишь хорошенько поискать.

Но и если писать только лишь о хорошем, то дело тоже не пойдет. Глупо делать вид, что мой кошмар позади. Потому... Есть у меня одна идея, небольшой творческий эксперимент.

Я расскажу вам пару-тройку веселых (или нет) историй, поделенных на блоки. Выйдет неплохо, наверное.

***

Блок первый: Учебонька

Со мной никогда не было хлопот по поводу школьных заморочек. Я всегда училась легко и с удовольствием, а в старшей школе вообще стала отличницей. Мне нравилось представлять себя молодой и амбициозной женщиной, стоявшей на пороге чего-то великого. Если Эль Вудс смогла всем доказать, что можно учиться на юрфаке и обожать розовые платюшки, то чем я хуже?

Но с учебой на ведунью все пошло по трубе. Мне не давалось девяносто процентов предметов, остальные десять шли не шатко не валко. Трудно сказать, в чем было дело: то ли в том, что я пропустила начало семестра и должна была нагонять все на ходу, то ли потому что половину вещей, о которых говорили преподаватели звучали для меня, как шифровки.

Девочки знали все еще с школ, где им определяли заряд и учили основам магии. Мне же все объясняли на пальцах. Причем в прямом смысле.

— Ну смотри же, все просто! — перегнулась через парту моя сокурсница и добрая приятельница Неттл, отбрасывая назад кудрявую копну цвета молодой малины. — Проводишь касательную через эти три точки, соединяешь через отрезок с фигурами и все! Схема хранилища готова!

Я закрыла тетрадкой лицо и завывала, потому что не поняла ни единого слова. Создание схем «Хранилищ магии» были самыми сложными на предмете «Введение в методологию магии». И, если в разгар учебного дня по пустым анфиладам школы прокатывался истошный вопль, можно было даже не сомневаться: юная сестра Прикер опять ничего не понимала.

— Неттл, я ценю твое стремление помочь Маргарите, но бывают битвы, которые надо выигрывать в одиночку, — поднялась со своего места старшая сестра Талита, очень строгая и взыскательная преподавательница, чем-то похожая на профессора Макгонагалл своими манерами.

Старшая сестра Талита посмотрела на мои задания в тетрадке, похожие больше на каракули медиума после рабочей запары и вздохнула:

— Постарайтесь сдать до конца занятия хоть что-то, юная сестра Прикер, — обратилась она ко мне, — и будьте аккуратнее. От точности и старательности в будущем может зависеть ваша жизнь.

— И она не шутит, — прошептала Неттл, — одна девочка много лет чуть-чуть испортила чертеж, а у нее брови сгорели!

— Сестра Талита умеет шутить? — прыснула со смеху я. — Пришлешь мне фотку? Без нее не поверю!

И так было не только с методологией. На «Истории Магического измерения» я путала даты и могла совершить пять ошибок в произношении имени государственного мужа из семи букв. Хищное растение, похожее на плод любви венеериной мухоловки и крокодила, чуть не оттяпало мне руку во время пары по «Ботанике Магического измерения», хотя остальные мурлыкали с ним, чуть ли не как с котенком. А к котлу для варки зелий я даже не знала как подступиться.

Вообще главным плюсом для меня было то, что наручники снимали только во время уроков. Как только заканчивалось последнее занятие, их надо было сразу же надеть обратно. Так что я ценила учебу за возможность пожить без вечного зуда и жжения в запястьях. Уж точно не за возможность проявить себя.

Оценок мне не ставили. Было очевидно, что если начать оценивать мои успехи наравне с другими, то я окажусь не просто в хвосте, а где-то в отстое.

Домашки наваливали целые горы, да настолько сложной, что ее надо было разгребать чуть ли не до Темной поры. А никаких решебников не прилагалось, Дору же о помощи я не просила, потому что она со своей домашкой и работой справлялась кое-как.

Но преподаватели меня щадили. Каждый мой удачный ответ не возносили до небес, но одобрительный кивок или улыбка мне перепадали частенько. Они видели, что я честно старалась.

Но все же в учебной программе существовал предмет, в котором мне не было равных — «Прорицания». В нем не требовалась магия, только лишь интуиция и женская эмпатичность. Потому моя потрепанная колода карт Таро и артистическое обаяние пришлись как нельзя кстати.

— Так, — сверилась я со справочником, — Сигнификатор говорит, что ты недоверчивая и отстраненная, скупа на эмоции...

— Ну, надо же! — фыркнула Дора, лежа на кровати, задрав ноги на стену. — Это ведь так сложно понять... Третье око работает напропалую, да, Рита?

— Говори, что хочешь, но Таро — это тема, — пропела я, записывая первую позицию

расклада в таблицу. — Так... Теперь Луна. Надо быть осторожнее, ты можешь легко оступиться и совершить ошибку.

— Знаешь, в чем вся суть Прорицаний? — перевернулась подруга на бок, подпирая щеку рукой. — В том, что это бредни. За всю историю ведовства было только две-три сестры с настоящим даром. Остальные — мошенницы.

— Мошенничество — это когда деньги вымогают, а я все делаю бесплатно, — перевернула я третью карту. — Ох ты ж ежик... Девятка мечей. Дори, да ты собрала весь джекпот.

— Не называй меня так.

— Прости. Это пипец какая депрессивная карта. Ты думаешь, что весь мир против тебя. Ты просто варишься в котле отчаяния.

Дора ничего не ответила. Она задумчиво рассматривала три уже раскрытые карты на столе. Мне не было понятно, что таилось в ее взгляде. Конечно, не каждый будет скакать от радости, когда бумажки с картинками скажут ему, что он депрессивный, скупой на эмоции и к тому же вот-вот оступится. Но было что-то еще, мрачное, потаенное и скрытое от моих глаз.

— Что там в итоге, Пирожок? — глухо спросила она.

Я перевернула последнюю карту и пробормотала:

— Слушай...

— Колись давай! — прикрикнула на меня та. — Ненавижу мямлей!

— Пятерка кубков. Утрата, — отрезала я. — Масштаб и поле неясны, но это принесет тебе огромную боль.

Долорес расхохоталась, откидывая конну волос назад. Она слезла с кровати и вытерла слезы смеха рукой:

— Да уж, спросила я у юной гадалки, что там меня ждет в ближайшие три месяца. Ладно, мне на работу пора.

С этими словами подруга исчезла за ширмой, переодеваясь в рабочий комбинезон. Я принялась собирать карты в единую колоду, с небольшим подозрением спрашивая:

— Сегодня же выходной. И ты вчера была на работе...

— Деньги, крошка, деньги! — ответила она. — Обещала помочь кое-кому.

Я не смогла выведать у Доры, где она работала. Мне, если честно, не было даже понятно, как ей удалось вообще получить место, ведь...

Об этой истории чуть позже в следующих блоках.

— Маргарита? — окликнула меня Долорес, расправляя складки на уродливом буром комбинезоне.

— А? — я оторвалась от отчета для «Прорицаний».

— Что обычно выпадало при гаданиях тебе? — она сложила руки на груди.

— Ничего, — развела я руками, — В Форестайде на Таро кроме меня никто не гадал, а для самой себя... Нужно отстраняться и смотреть холодным взглядом. Я так не умею.

Дора вдруг подошла ко мне и мягко улыбнулась, как не улыбалась еще никогда. Но и это было скорее гримасой с чертовой примесью горечи:

— Думаешь обо мне плохо? — неожиданно тихо спросила она. — Ты ненавидишь меня?

— Только когда твои часы бьются током, — хихикнула я, — но это издержки производства, да и бывают очень редко, а так... Нет. К чему ты вообще спрашиваешь?

Дора взъерошила мне волосы и хмыкнула:

— Вот видишь, врут твои карты.

***

Блок второй: Мой путь

Если честно, все было сложно.

В биографиях всех великих сестер черным по белому писали примерно одно и то же: «Еще с детства ведунья Пинтахленья Похлебская обнаружила в себе магический дар и выбрала себе путь варения вкуснейшей грибной похлебочки в промышленных масштабах, чтобы накормить родную деревню...».

Да, пример тупой. Но я есть хочу.

Все мои однокурсницы чуть ли не с пеленок знали, чем будут заниматься и какой путь выберут. А вот со мной предстояло помаяться.

Танцы я даже побоялась предложить. Стоило мне только обмолвиться Доре, что люблю хореографию и сумею это применить, она громко расхохоталась:

— *Путь ведуньи должен помочь тебе выжить, Пирожок. Танцами ты сможешь заработать только в шлюшатнике.*

В принципе, дома говорили то же самое. Не так уж обидно. К тому же я надеялась, что смогу пройти прослушивание в танцевальную команду школы Эйлин...

Давайте эту историю поставим чуть позже, пока у меня обед не переварился. Есть риск, что я блевану.

Меня не могли пристроить ни на одно мало-мальски существенное направление школы Ронетт. На пути Астрономии я засыпала от усталости, путь Душеведства отвергла из принципа. Дора сразу же доложила госпоже Клариссе, что если ей придется учить меня пути Механики, то не избежать смертоубийства, а про мои успехи на пути Зелий и пути Растениеводства, думаю, вы уже все поняли из первого блока. В итоге мне удалось удержаться на пути Прорицания, потому что я видела сквозь морок, но это не было мне по душе.

— *Третье око — одновременно дар и проклятие, милые сестрички! — с драматичным подвыванием сообщила старшая сестра Даля со своей кафедры. — Вас ждет несладкая доля, дорогие мои!*

— *Да куда уж слаще, — пробормотала я, кутаясь в кардиган, надетый поверх свитера.*

Занятия обычно проходили по вечерам в самой дальней и самой холодной части школы. Источниками света были магические шары, излучавшие слабый лиловый свет. В классе постоянно пахло тошнотворно-сладкими благовониями. Неудивительно, что у меня каждый раз до жути раскалывалась голова.

— *Сестра Даля! — позвала ее одна из самых восторженных учениц, жадно ловившая каждую бредню. — Кажется, мне только что было видение...*

Преподавательница охнула и побежала к девочке, словно курица-наседка к цыплятам. Я же сосредоточилась на чтении — скорее на тупом рассматривании — расплавленного воска на блюде.

Отчаянно хотелось спать. Дым благовоний, тихие перешептывания на заднем фоне, полумрак — вся обстановка буквально умоляла меня положить ручки под щечку и заснуть. Даже холод, пробивавшийся сквозь слои одежды, никак не бодрил.

Золотой свет, пронзающий словно тысяча лезвий.

Лепестки роз у ног

Отчаянно-горько-злобная ухмылка на обескровленных губах

— Юная сестра! — ощутила я мягкий толчок в бок. — Что с тобой?

Далия нависла надо мной. Ее маленькие черные глазки, как пара жучков бегали по мне, выискивая и выпытывая признаки пробудившегося Третьего Ока.

— Голова закружилась, — пробормотала я, не желая признаваться, что заснула на уроке.

Она недоверчиво склонила голову набок. И без того похожая на насекомое своим невысоким ростом и массивной фигурой, Далия напомнила мне агента ФБР. Но вдруг почти у половины учениц пятна воска сложились в «картину неминуемой кончины», и та была вынуждена успокаивать их, приговаривая, что «Мир за завесой тайны субъективен».

Однако так легко я не отделалась. После урока Далия поманила меня в свой кабинет-каморку за классом и усадила за пыльный стол, уставленный уже почерневшими от чая чашками, контейнерами с пучками трав, полуоплавленными свечами и другими материалами для уроков

— Как тебе осколки? — спросила она, наливая мне отвар, которым отпаивала всех замерзших.

— Простите? — осторожно поинтересовалась я, все еще надеясь уйти от ответа.

— Осколки, — повторила преподавательница, пододвигая чашку ко мне, — образы и символы из будущего, что посланы тебе из-за Завесы.

Ей невозможно было соврать, как, впрочем, никому из ведуний. Даже если они не могли копаться в мыслях, то считать эмоции, малейшее смятение или злой умысел — на раз, два, три.

По крайней мере, мне так казалось.

— Фигня какая-то, если честно. Словно кадры в фильме заели.

Далия расхохоталась, откинув голову назад. Ее русые волосы с сединой выбились из-под черного бархатного обруча и обрамили лицо забавными локонами.

— Первый раз на моей памяти слышу такое сравнение, — ответила она, — видишь ли, Маргарита, осколки не просто кадры. Это послание, которое ты должна считать. Магия поможет тебе в этом.

Я поежилась. Как раз-таки магия у меня не шла. В один день на уроках госпожи Клариссы я могла заставить канделябр порхать вокруг стола или превратить белый цветок в розовый, а в другой — не могла и открыть силой мысли учебник на нужной странице.

— Старшая сестра Далия, а можно ли отказаться от магии? — вежливо поинтересовалась я.

Ее густые брови стремительно взлетели вверх. Она прижала руку к груди и выдохнула:

— Отказаться? Как ты себе это представляешь?

— Ну, чик, и все! — изобразила я пальцами лезвия ножниц.

Старшая сестра Далия посмотрела на меня так, словно у нее спросили, каким способом удобнее разделявать людей. Придя в себя, она вкрадчиво произнесла:

— Магию ни в коем случае нельзя отвергать от себя. Скажи, можно ли заставить свою кровь охладеть? Или поменять местами сердце и желудок?

Эти иносказания вывели меня из себя. Я нуждалась в ответах, но никто не спешил мне их давать.

— Я была нормальной! А потом вдруг с бухты-барахты меня объявили ведуньей и отвезли сюда! Так что это точно не моя природа!

Преподавательница сощурилась и произнесла уже не таким благодушным тоном,

каким разговаривала со мной мгновение назад:

— Ты считаешь нас ненормальными? А кто, позволь спросить, нормален? Твоя прелестная Куратор, отродье семьи кровопийц?

— Не смейте так говорить об Элине! — заорала я. — Она уж куда лучше вас!

Далия в ответ лишь усмехнулась. Она забрала у меня чашку и указала на дверь со словами:

— С глаз моих долой. И подумай хорошенько над своими словами!

На следующий же день путь Прорицания был для меня закрыт. Пришлось бороться со сном на пути Астрономии, куда меня все же взяли скрепя сердцем.

Преподавательницы школы Ронетт были хорошими, я не соврала ни в едином своем слове. Но существовал парадокс:

Никто из них не мог помочь мне перестать бояться самой себя

***

Блок третий: Друзья

Еще давным-давно школьный психолог рассказал нам, что для первокурсника, оказавшегося в чужом городе без семьи, друзей и любимого пледика с медвежатами, нет ничего хуже социальной изоляции, потому надо не стоять в сторонке, а идти на контакт, даже если не хочется. Каждый созвон с мамой заканчивался советом не замыкаться в себе и не быть одинокой.

Мамуля могла быть за меня спокойна: от одиночества я точно не страдала, потому что за все описываемые полмесяца еще ни разу не оставалась с собой наедине.

Капитан Горн исправно привозил мне вещи из дома. Каждые три дня мы встречались в специальной комнате для свиданий. Он приходил невероятно уставший, ругавшийся сквозь зубы на всех и вся, сетуя на то, что может поговорить всего ничего, но в конечном счете задерживался на целый час. А один случай вообще махом сблизил нас.

— Сандра умоляла взять этот груз со всей осторожностью, — проыхтел Адам, вручая мне перемотанный в кучу тряпья сверток, — Колись, мелюзга, что там? На чемодан не похоже.

Я лишь заговорщицки улыбнулась и принялась аккуратно разворачивать драгоценную поклажу. Медленно, но верно, сверток приобретал все более и более знакомые очертания.

— Быть не может! — выдохнул капитан. — Это...

Я держала в руках гитару в чехле и улыбалась так широко, что щеки болели.

— Моя Черри, — проворковала я, доставая свою дорогую подругу из «домика». Фирма «Daisy Rock». Модель «Debutante Rock Candy». Атомно-розовенькая!

Родители подарили мне Черри на шестнадцатый день рождения, очевидно замучавшись слушать мое нытье про мое навязчивое желание занять «прекрасную розовенькую гитарку, чтоб была как конфетка». И для меня эта малышка была сопоставима с дарами волхвов.

Даже сейчас она со мной.

— Сыграешь? — поинтересовался он.

Я осторожно повесила гитару через плечо и провела по струнам. Звучала малышка хорошо, не успела расстроиться за неделю разлуки. Мы сыграли для капитана Горна все что помнили: обрывки песен Тейлор Свифт, музыку из рекламы и даже немножко церковных гимнов. В груди забурлило нечто теплое, словно встретилась со старым добрым другом.

Адам зааплодировал, стоило мне кончить. Я сделала неловкий книксен и нарочито жеманно произнесла:

— Ах, благодарю вас, дорогие ценители моего таланта подвывать в такт фальшивой игре! Чаевые можете положить вон в ту большую фетровую шляпу!

Капитан Горн скучал по дому так же, как и я, просто научился лучше это скрывать. Всего за несколько встреч он успел выведать у меня все: какие фильмы уже успели выйти в кино, как сыграли его любимые футбольные команды, и как там поживала его фаворитка в мире актрис — Марго Робби.

— Она далеко пойдет, я тебе отвечаю! — доказывал он мне, размахивая руками. — То, что «Отряд Самоубийц» провалился, вообще не ее вина! режиссер дебил тупой!

— Слушай, мне от ее славы не жарко, не холодно, — честно призналась я, — мне вообще нравится Сирша Ронан...

— Ну да, девчуля не промах, — крикнул тот, — но я в нее не верю. Вот смогла бы она сыграть Джо Марч? Марго смогла бы...

Еще он с какого-то перепугу решил, что я эксперт в сердечных делах, и постоянно спрашивал совета, как лучше ответить на очередное гневное сообщение от его девушки Фелиции.

— Не заводи отношения на расстоянии, малая, — жаловался он, потирая лоб, — мне меньше года осталось, а ее понесло! Ну не могу я звонить каждый вечер! И фотки мне все нравятся!

— У вас сложный период, — сочувственно кивала я головой.

— Не говори. Так что думаешь?

Я помогала как могла, но худшего наперсника в делах любовных было просто не сыскать. Весь мой опыт отношений заключался в двух просмотренных наполовину сезонах «Сплетницы» и одном полном сезоне «Дневников вампира». Ну и полная дискография Тейлор Свифт. Но Адам все равно расспрашивал меня. Ему правда было интересно.

— Ри, никому не бывает просто на новом месте, — потрепал он меня по голове, когда я осторожно поделилась с ним своей усталостью и чувством потерянности от этого места. — Думаешь, я на первом курсе пришел такой красивый и все сказали: «Горн, назначим тебя на выпускном курсе капитаном»? Я дрался за право себя уважать. Это не ведовство, конечно, но поверь... Иногда в Тинтагеле жизнь не сахар. Мне не на кого было положиться. А тебе есть. Зуб даю.

Он был очень-очень хороший.

Но что самое поразительное — грубоватый, не всегда тактичный, иногда ругавший даже погоду Адам относился ко мне с большим пониманием и уважением, нежели две самые важные для меня... Подруги.

Ни с одной из них не было просто. Они буквально тягали меня между собой, как собаки дерутся за кусок мяса.

Вот возьмем к примеру Элину. Она была поразительным сочетанием мягкости, мудрости и вместе с тем непроходимой упертости и высокомерия.

Я поняла только сейчас, что мы встретились в самый странный период ее жизни. Элла искала себя. А находила только лишь неприятности и похмелье. Она отчаянно тянулась за всем хорошим и прекрасным, но от природы слабая духом и падкая на соблазны, не могла противостоять всем ловушкам, что подстерегали ее на пути.

— Ты что, пьяная?! — воскликнула я, учуяв слабый запах спиртного. — Элла, только

Светлая пора минула!

Мы встречались тайком в клубе для элитных элит. Подруга всегда ждала меня при параде: волосы, уложенные в «корону», идеальный макияж, едва заметные, но явно дорожные украшения...

А еще улыбка, близкая к истерической, и этот проклятый запах.

— Не злись, Крошка, — проворковала она, — вчера была вечеринка у одной моей любимой певички. Нужно было стоять с бокалом, иначе никто бы не заговорил

— Пить из него тоже было обязательно?

— Мамочка, — все таким же нежным голосом пропела Элла, — твоя малютка совсем уже взрослая и может пить и есть сколько угодно, пока ты спишь с кем угодно. А, стой. Ты же мне не мать.

Мы это никогда не обсуждали, но я узнала из сплетен и обрывков светской хроники, что родители Элины давно не жили вместе, оформили развод официально только год назад. Ее мать изменила отцу с молодым нуворишем, еще когда дочке было пять лет. Отец не стал отставать и изменил ей с ее любимой фрейлиной. Одним словом — взаимный обмен изменами. И да, от Эллы никто ничего даже не пытался скрыть.

Она честно пыталась учить меня истории магии и Измерения, но сами понимаете, с похмелья тяжело порой даже жить. Потому я получала знания откуда только могла.

— Лефария — одна большая шлюшатня, — изрекла Дора, читая газету и общаясь больше сама с собой, — только Нилион держит планку. Хотя будем честны: кому вообще нужен этот мужлана и его отпрыск?

Лицо принца Алана мелькало чуть ли не из каждой газеты. Журналюги гадали, так ли на самом деле безупречен этот кусок льда в человеческом обличии. Долорес лишь закатывала глаза и делала самокрутки из его стереографий. А я молчала и пыталась даже не думать о нем.

Дора не пила, зато дымила, как паровоз. Подсела на земные крепкие вонючие сигареты еще на первом курсе и смолила ими три раза в день.

— От них легче на душе, — нехотя признавалась она, — бывает паршиво так, тошно, а выкуришь сигаретку и сразу жить охота. Понимаешь?

Я правда пыталась. Изо всех сил.

У нее с семьей все было раза в два трагичнее, чем у Элины. После падения Арили у ее бабушки забрали аптеку, семейный бизнес, на который она положила всю жизнь.

— Связь с сектой Зверя, — объясняла Долорес бесцветным голосом, — и нет, я не знаю, насколько это было правдой. Нашу семью это просто разбило об асфальт.

Я ненавидела эту интонацию. Когда Дора хотела скрыть истинные чувства, она превращалась в ледяную статую, которая ранила своим холодом до крови. Наповал.

У меня начались месячные в начале второй недели. Я боялась пить лекарства, потому что не знала, как они на меня подействуют, и весь день после занятий пролежала, свернувшись калачиком и тихо скуля от боли. Долорес пришла на удивление веселая, увидела меня и тут же закатила глаза.

— Что на этот раз? — не без раздражения спросила она.

— Живот болит, — прошептала я, прижимая к себе подушку, — Дори, мне так плохо...

— Выпей таблетку, у меня лежат в шкафчике, — подруга зашла за ширму и начала переодеваться в комбинезон.

— Я боюсь...

— Чего? — Долорес высунулась из-за ширмы, злобно глядя на меня. — Вторая голова не вырастет!

— Дора... — я попыталась сесть, но спазм скрутил так, что я застонала, стиснув зубы. — Побудь со мной, пожалуйста...

Она вышла уже одетая, крася губы помадой и проверяя смарт-панель. Окинув меня взбешенным взглядом, она процедила:

— Деньги за день тоже мне заплатишь? Очнись, мне надо работать!

— Но...

— Рита, сколько тебе лет?! — прикрикнула она. — Явно больше тринадцати, раз кровоточишь! Я не твоя нянька, у меня есть свои дела! Выпей уже таблетку и перестань ломать комедию!

Боль прошла только после темной поры. Я то проваливалась в сон, то скулила от боли. Дора вернулась почти под утро и сразу же ушла на занятия. Не извинилась.

Я зря это написала. Решила тут понять, как у нее животик болел, велика беда. Теперь вы будете думать, что Долорес плохая. Но она не была такой, поверьте! Это все я!

Может быть, она устала и просто не смогла сказать нужные слова? Может быть, я должна была стать самостоятельной? Может быть, не надо было к ней лезть со своей глупой дружбой? Может быть, если бы я не была плаксой и не хваталась за нее, как утопающий за веревку, то...

То она бы на меня не злилась?

Если бы я...

ЕСЛИ БЫ Я БЫЛА ХОРОШЕЙ, ТЫ БЫ НЕ БЫЛА ТАК ЖЕСТОКА?

***

Блок четвертый: Чудесный мир

Ох... Ну, тут была полная жопа.

Для начала, у меня никак не получалось вписаться в местное время. В этом мире нет наших привычных месяцев. Только лишь поры деревьев. Например, нет такой даты «25 мая», а есть «Первый день осенней поры Ясеня». И никто не путается! И всем удобно! Годы вот похожи на наши. Сейчас вот идет девятнадцатый год третьего тысячелетия, что Благодетель нас покинул.

Ну, как нас. Их.

Про часы в сутках я вообще молчу. У них нет полудня или полуночи, а есть Светлые и Темные поры. Отсчитывать от них то еще удовольствие, скажу я вам. Например, из-за путаницы во временах у меня официально самый всратый оберег в школе Ронетт.

Ах да, вы не знаете эту историю. Ну, слушайте.

У всех ведуний есть дорогая их сердцу вещьца, которая усиливает их магию, а вдовесок защищает их от дурного глаза. Называется, как вы уже поняли, оберег. Каждая ведунья получает его от своего Куратора и директора школы в день становления на Путь.

Поскольку неясно было, в какой именно день мне на этот путь встать, то этим днем почетно назначили пятницу моей второй недели. Накануне Элина и госпожа Кларисса строго-настрога запретили мне стричь волосы, избегать острых углов (сама не поняла, в чем соль) и выбрать самую ценную для меня вещь небольшого размера, удобную для постоянного ношения. И весь вечер мы с Дорой перебирали мои немногочисленные украшения.

— Оно должно быть очень старое? — задумчиво крутила я в руках кулон в виде

сердечка, купленный в магазине сувениров Сейлема.

— Да. А еще лучше — фамильное, — вытащила подруга свой медальон из-под футболки.

— У меня таких нет, — заключила я, закрывая коробку из-под печенья, где хранила всю бижутерию.

— Не переживай так, — подмигнула мне она, щекоча спину, — оберег будет укреплен магической защитой. Ты же не из древней династии, верно?

— Ага. Анализ показал, что есть побочная линия из Англии, но не более, — я решила не вдаваться в подробности своей весьма запутанной родословной.

— Ну вот. Фамильная реликвия просто дополнительно защищена магией рода, но это не страшно, — Долорес растрепала мне волосы на макушке, — будешь первой.

Ее настроение значительно улучшилось в те последние пару дней, хоть и работы существенно прибавилось. Один раз она вообще просила меня прикрыть ее до утра и говорить всем, что вышла подышать воздухом в коридорах.

Я думала, что она так тяжело работает, скрывая свою сущность и маскируя мороком свои наручники под браслеты, лишь бы ее не распознали. Один раз даже решила, что Дора там поранилась, когда увидела у нее на шее кровоподтек фиолетового цвета.

Приберегите снисхождение к милой дурочке Рири, не знающей, что такое засос. Вам оно еще пригодится.

Всю ночь я плохо спала, постоянно падала и проваливалась в тяжелые и зыбучие, как болото, кошмары. Долорес с трудом растолкала меня.

— Засоня! — торопила она меня. — Тебя принцесска с Клэр сожрут!

— Очками подавятся! — пыхтела я, натягивая красный шерстяной кусачий свитер через голову и наскоро заплетая косу.

— Может быть, Элина все же варит в своих покоях маленьких глупых девочек! — поддразнивала меня Дора, сидя на полу и пристально наблюдая за мной. — Не забудь часы!

— Откуда мне знать? — я затянула ремешок на запястье потуже. — Я никогда не была в ее комнате, мы встречаемся в частном клубе.

Я повернулась к зеркалу, чтобы в последний раз перед выходом оглядеть себя. Наверное, потому увидела лишь мельком, как Дору буквально перекосило от моей последней фразы.

— Вот как? — ее голос звучал обеспокоенно. — Вы же такие подруги. И ты ни разу не видела, как живет Ее Роскошество?

— Да мне все равно, — пожала я плечами.

Когда я уже одной ногой вышла из комнаты, Долорес лениво, как будто невзначай протянула:

— А моя Куратор всегда приглашает к себе в гости. Доверяет мне. А у вас как с Элиной?

Я ничего не ответила и побежала в офис госпожи Клариссы.

Директриса и Элла уже ждали меня. Я прервала их разговор на фразе подруги:

— Нет никаких причин для волнения. Думаю, это лишь дело времени.

Резкий хлопок двери заставил их обеих развернуться ко мне. Элла на секунду искренно улыбнулась мне, но тут же напустила на себя маску равнодушия. Кларисса же жестом пригласила меня за стол со словами:

— Ну-с, юная сестра, что ты выбрала для своего оберега?

И тут меня точно пронзило острой иглой насквозь. Из моей бедовой головы

напрочь вылетело, что я должна была принести свою вещь. Возвращаться назад было уже поздно, терять лицо перед ними двумя не хотелось, потому я нашла самый глупый, но в то же время самый изящный выход, что только был возможен.

— Во! — сняла я резинку со своей косы, распустив волосы — Подойдет?

Мне до сих пор интересно, что же в тот момент подумали обо мне госпожа Кларисса и Элина? Видно было, что они с трудом сохраняли невозмутимые выражения лиц, но уголок глаза у директрисы предательски дрожал, выражая весь спектр ее грядущего нервного срыва.

— Ты уверена? — осторожно поинтересовалась Элина. — Оберег должен быть достаточно крепким, чтобы защитить тебя в любой опасности.

И тогда я выдала свою самую сногшибательную фразу, которая точно определила меня как личность и как ведунью:

— Я в танцах больше десяти лет, знаю толк в резинках.

Госпожа Кларисса молча повернула кольцо на пальце. Моя резинка сменила цвет с голубого на темно-синий. Затем она закрыла лицо руками и истерически расхохоталась. Меня обуял стыд за собственное разгильдяйство, и я бросилась к ней с извинениями.

— Потом придешь! — шикнула на меня Элина.

Справедливо, претензий ноль.

А теперь перейдем к самой неприятной истории, которая случилась со мной практически в начале третьей недели. И сразу хочу предупредить: очевидных злодеев в ней нет. Героев тоже. Все проشياпились по-уникальному.

Помните, я твердо решила не бросать танцы и записаться в кружок/секцию/ хоть куда-нибудь, чтоб было веселее? В школе Ронетт таких компашек не было, а вот у «Эйлинцев» была целая команда. И, судя по слухам, что я упорно и по крупицам собирала все полмесяца, она отчаянно нуждалась в свежей крови.

— Танцы повторяются по кругу, — Неттл сверилась с рецептом Усыпляющей настойки и протянула мне пучок сухой и горько пахнувшей травы, — Ничего интересного. Если честно, их капитан вообще уже ни о чем.

— Ну, соглашаться не буду, — я разломала пучок и бросала соломинки в варево темно-серого цвета одну за одной, — оценка любого искусства — фигня субъективная. Но... Посмотреть стоит. Тем более, я видела объявление о наборе новых солисток у своего Куратора.

Напарница по Зельеварению рассмеялась и покачала головой:

— Смешная шутка, Ри!

— Но я...

Не успело с моих губ сорваться «... Не шутила», как к нам подошла старшая сестра Бригитта и весело спросила:

— Конец урока, а с вашей стороны ни одного взрыва? Маргарита, неужели Неттл хорошо на тебя влияет? Давай-ка проверим!

Договорить нам не удалось, потому что пришлось подробно расписывать преподавательнице весь процесс приготовления настойки (сбилась всего в паре мест), а потом мы разбежались по разным урокам. Неттл так и не узнала, что я имела в виду каждое свое слово.

Что руководило мной? Безрассудство и отвага? Искренняя вера в то, что не может быть все так плохо, и стоит только чародеям увидеть мое мастерство, как сразу же они

забудут о «печати зла»?

Злость на Элину, державшую меня подальше от своего мира и от своей идеальной школы, о которой она рассказывала только высоким стилем и с придыханием?

Даже трудно сказать, что именно было той самой каплей, которая заставила меня сложить хореографический купальник, юбку и пуанты в сумку и отважно устремиться в абсолютно незнакомое мне место к абсолютно незнакомым людям.

Школа Эйлин и правда стояла посреди поля, покрытого ковром из хрупких и нежных белых асфodelей. Само здание походило на воздушный замок из сказок: кремового цвета и легкое-легкое, словно случайно опустившееся на землю с облаков, с гигантскими золотыми блестящими воротами и чертовым садом с фонтанчиком в главном дворе (не то, что двор моей альма-матер, где для большей картины запустения не хватало перекасти-поля).

Но знаете: порой так бывает, что красота вызывает ужас. Совсем как у Донны Тарт. При виде школы Эйлин меня словно пронзила насквозь острая тонкая игла. Я как будто была мертвой бабочкой, которую положат в альбом и забудут.

«Эйлинцы» тоже напоминали мертвых бабочек. Идеально уложенные прически, черные платья и костюмы, толстые учебники подмышкой — один в один студенты престижных колледжей. Только лишь уродские серебряные плащи портили картину.

А еще мне показалось, что некоторые из них прихрамывали. А у кого-то синяк приняла за смоки-айз.

Да, момент настал. Начинайте смотреть на наивную Рири свысока.

Я старалась не привлекать к себе лишнее внимание, идя по краешку школьного двора, но все взгляды были устремлены на меня. А точнее, на мои наручники, которые буквально впивались в кожу. Быстро забежав в главный корпус, я отчаянно начала растирать запястья, чтобы хоть немного облегчить боль. Стало только хуже, вдобавок и часы принялись «бить» меня током.

— Юная сестра, — окликнул меня кто-то самым участливым тоном на свете, — вам помочь?

Дьявол меня раздери, у них была даже секретарь на входе, которая улыбалась мне настолько сладко и сахарно, что аж затошнило. Но я не растерялась и подошла к ней, гордо задрав голову:

— Здравствуйте, а где тут у вас набор в танцевальную команду?

Несколько мгновений женщина даже не могла ответить, настолько ее сшибла с ног моя наглость. Наконец, она незаметно вытерла капли пота со своей карамельного цвета кожи и таким же участливым и сахарным тоном произнесла:

— Если ваш Куратор на данный момент находится там, я могу его вызвать...

— Нет-нет, — прервала ее я, — сама справлюсь. Мне нужно на отбор. Где он проходит?

Улыбка секретаря стала еще слаще. Она заговорила со мной очень медленно, словно тщательно подбирая и оценивая каждое свое слово:

— Юная сестра, вы действительно уверены, что должны быть там? Возможно, произошла ошибка?

Мое Третье око и зачатки социального интеллекта в тот момент очевидно были задавлены самонадеянностью, потому что я не только пропустила мимо ушей посыл ее фразы, но и, увидев объявление на противоположной стене, аккуратно оттеснила ее в сторону и пошла вверх по лестнице со словами:

— Все, уже вижу. Спасибо за помощь, хорошего вам дня!

Не знаю, почему меня не выставили сразу. Возможно, бедная женщина настолько опешила от ведуньи-нахалки, что не успела быстро найти Элину.

Видит Бог, этой истории лучше было закончиться именно в той самой точке.

В просторной раздевалке никого уже не было, потому что до начала отбора оставалось меньше десяти минут. Я быстро переоделась, собрала волосы в пучок и выскользнула из раздевалки, в тот самый миг, когда из глубины огромного спортивного зала — похожего скорее на тронный — раздался бодрый голос:

— Приветствую всех друзей и подруг, пришедших сегодня! Мне не терпится увидеть ваши таланты!

Капитаном была низенькая и пухленькая смуглая брюнетка с кожей цвета слабо заваренного кофе. Она приветливо оглядела всех собравшихся и пропела грудным приятным голосом:

— Жду самых смелых! Ну, кто решится показать себя первым?

Я решила выйти пятой. Не самая скромная, но и не выскочка, заодно и на других ребят посмотреть можно.

Смотреть было на что. Правда. Кто-то танцевал по отточенным линиям, работая со своим телом, словно вычерчивая на полу геометрические фигуры. Кто-то парил над сценой точно большая изящная птица. А кто-то пускался в отчаянный угар, забывая обо всем на свете.

За это я и люблю танцы. Нет правильного или неправильного движения. Есть только зажатость и нежелание слушать самого себя.

Когда настал мой черед, я вышла на самую середину сцены и повернулась к Капитану спиной.

— Мы здесь, подруга! — шутливо проворчала она.

Я обернулась к ней лицом и сделала осторожное движение правой рукой и ногой в сторону, сгибая их как крылья, чтобы потом резко вернуться к исходной точке. Потом я так же осторожно и словно с недоумением выгнула левую руку и ногу, удивляясь своей собственной пластичности, а затем резко возвращая их на место. Но с каждым разом мне словно становилось сложнее контролировать себя, снова и снова позволяя рукам, ногам, а потом уже всему корпусу выгибаться вперед, словно невидимая сила манила меня сбросить оковы. Наконец, я вырвалась и освободилась, полностью давая себе волю побеситься всласть, а потом уже побежать по залу, с диким ревом оборачиваясь вокруг оси. Когда же я вернулась на место, с которого начала бег, то закружилась вихрем, а в конце даже сделала подобие фуэте.

Именно этот танец мы с Густаво репетировали для поступления. Его считали звездой программы. На него возлагались все надежды.

Когда я отдышалась, то поняла, что лица Капитана и всех остальных буквально застыли от ужаса. Наручники на моих запястьях лучше любого приветствия говорили о том, кто я.

— Что вы здесь делаете? — испуганно спросила Капитан. — Почему вы пришли?

— Так ведь прослушивание... — запыхавшись, проговорила я. — Ребята, а водички ни у кого нет?

Они смотрели на меня так, словно я только что убила половину школы. Ужас сменился на злобу и даже на ненависть. Капитан направилась ко мне, закатывая рукава толстовки и

грозно спрашивая:

— Спрашиваю в последний раз: что ты здесь забыла, Звереныш?

И только тут до меня дошло, что мне тут, мягко говоря, не рады. Защищаться я не могла, бежать было некуда. Безумно похолодало, конечности стали свинцовыми и неподъемными. Я закрыла голову руками и задрожала.

Меня побьют. Или еще что хуже.

Внезапно меня схватили за руку и потащили прочь из зала. Все произошло настолько быстро, что я даже не поняла, кто именно это был. Смогла оглядеться, только когда меня трясли за плечи и орали:

— Ты сдурела?! Тебе, Пеклово отродье, явно жить надоело?!

Конечно, это была Элина, чье лицо больше не было прекрасной маской. Ее буквально перекорезило от злобы.

Она затащила меня в пыльный грязный чулан. Наверное, он первым попался ей на пути, потому что из-за пыли невозможно было вдохнуть. Элина металась вокруг меня как разъяренная тигрица, шуриша чертовым серебряным плащом. И с каждым ее словом казалось, что меня рвут на части кусок за куском.

— Я тут жопу рву, пытаюсь выбить для тебя место, а ты чем занята?! Позоришь меня?! — визжала она. — Что ты хотела доказать?! Что лучше всех и плевать хотела на правила?!

На меня в жизни никто не повышал голос, а уж тем более с такой злобой. Мне захотелось сжаться в комочек и спрятаться от этих злых слов.

— Я хотела танцевать, — мой голос превратился в шепот, — там не было написано, что ведуньям нельзя...

— Думать не пробовала?! — прорычала Элина. — Повторяю еще раз для тебя, дуреха: пока на тебе эти наручники, ты не можешь даже шага в нашу сторону сделать! И уж тем более думать, что ты имеешь право танцевать с нами!

Именно в этот момент я впервые захотела исчезнуть. Вообще не существовать на белом свете.

До той самой минуты мой мир был ограничен школой и парой-тройкой мест, куда меня всегда сопровождали Элла или Адам. Я даже представить себе не могла, насколько сильно ненавидят ведуний.

— Мне нельзя прийти к тебе в гости, — я изо всех сил старалась сдержать слезы в голосе, — нельзя снимать наручники, нельзя танцевать, нельзя иногда даже говорить. И домой тоже нельзя. Что мне можно?

Элина закатила аккуратно накрашенные глаза и склонилась надо мной. Ее слова звучали как глухой удар камнем по голове:

— Ни-Че-Го. Убирайся отсюда!

Это была она. Звезда, что обещала мне место на небосклоне. Черная дыра, что засасывала планеты и уничтожала галактики. Все она.

Больно-больно-больно.

Знаете, что случилось, когда я выбежала во двор, совершенно забыв про морось и холод на улице, оставив всю теплую одежду в раздевалке? В кого я врезалась, летя вперед и не разбирая дороги?

Правильно, у нас есть победители!

В моего дорогого недруга, урода и просто гребаного принца Алана Нилионского. Он

сразу же узнал меня, скривив обескровленные губы в издевательской ухмылке.

— Так-так, — произнес он, манерно растягивая слова, — выходит, молва не врала? Юная сестра действительно устроила переполох в спортивном зале?

Я молчала, стиснув зубы с такой силой, что боялась стереть их в порошок. А Придурок наслаждался моим унижением, продолжая свою пытку:

— Элина плохо следит за своим Зверьком. Надо более ответственно подходить к выбору питомца. Кто-то прикармливает саламандру, кто-то любит лошадей. Но приручать к рукам ведунью... Это уже несколько эпатажно.

— Я не Звереныш! — вырвалось у меня пискляво. — Я человек!

Он лишь высоко и холодно рассмеялся мне в ответ, задрав голову так высоко, что я даже увидела синюю вену на шее.

— А кто же ты, позволь спросить? — с глумлением осведомился Придурок. — Ты правда решила, что вы друзья? Ну, девочка, это в высшей степени наивность и глупость! Кронпринцесса, будущая Верховная чародейка и... Кто, разреши уточнить? Отребье? Невесть что в розовом обносках? Надо знать свое место и не претендовать на что-то выше.

Знаете, иногда человеческое терпение достигает своего предела. Иногда котенок, загнанный в угол, начинает кусаться и царапаться.

Иногда миролюбивая и дружелюбная девочка может наговорить такого говна, что не разгребет его во веки веков.

— Меня зовут Маргарита Карлотта Прикер, выучи уже! — произнесла я так громко и низко, что эхо разлетелось по всему коридору. — Я знаю цену человеческого достоинства и знаю, что мое место точно не в вашей дыре! Я знаю два иностранных языка, умею играть на двух музыкальных инструментах, в совершенстве знаю классический танец, а еще никогда в своей жизни никого пальцем не тронула! А ты чем похвастаешься, привилегированный кусок говна?! Богатством, которое вы, царственные паразиты, отобрали у своего народа?! Манерами рептилии?! Ах да, мамой и папой, которые родили тебя не потому что хотели, а потому что надо посадить на трон очередного жопошника?!

Принц Алан выслушал меня с самым невозмутимым видом, словно его совсем не волновало, что я думаю о его состоянии, поведении и душевных качествах. Только на словах о семье «маска» дала трещину, и я осознала, что попала в самое яблочко.

— Обязательно спрошу у матери, о чем она подумала, когда поняла, что носит меня под сердцем, — произнес он, скривив рот в болезненной усмешке. — Жаль, что ее надгробие вряд ли мне ответит. А тебе, маленькая тварь, надо бы уважительнее относиться к тем, кто защищал ваш гнилой вид до самой смерти.

И он стремительным шагом направился к лестнице, бросив через плечо:

— Вот уж действительно Зверье.

***

Да, знаю, о чем вы думаете, перечитывая записи. О том же, о чем думали мои родители, каждый раз видя мое заплаканное лицо и слыша притворно бодрый тон.

К утру тебя уже не будет здесь, малыш! Мы сейчас же тебя заберем!

Я хочу, чтобы вы уяснили простую истину:

Рита Прикер не жертва. Никогда не была и не станет.

У меня есть силы бороться против несправедливости, потому что жизнь вокруг не так мрачна, как мне казалось тогда. Когда мне очень тяжело и плохо, когда кажется, что

проблеска посреди тьмы больше не будет, то изо всех сил напрягаю память и вытаскиваю добрые и светлые моменты.

Я вспоминаю Дору, просидевшую у моей постели всю ночь, когда я вернулась из школы Эйлин, не помня себя. Она с ложечки отпаивала меня горячим молоком, бурча под нос:

— А ведь с лекарствами вылечилась бы быстрее! Пирожок, ням-ням! Пей без разговоров!

Я вспоминаю Госпожу Клариссу, не ставшую меня наказывать. Она лишь пригласила меня на чаепитие и вернула мою сумку с вещами со словами:

— Они лишь ее обыскали, одежда цела. А Госпожа Макрая приносит свои извинения за неподобающее поведение своих учениц.

Мы обе понимали, что грош цена этим извинениям, но это было лучшее, что можно было получить. Директриса лишь произнесла с явной горечью и нежностью:

— Милая Рири, путь ведуньи никогда не был легок. Теперь я верю, что ты будешь осторожна.

Я вспоминаю однокурсниц и сестер постарше, которые оставляли мне на парте и обеденном столе фрукты, сладости и записки со скупыми, но искренними словами сочувствия и сожаления.

Я вспоминаю сестру Далию, которая подкараулила меня в коридоре и трагическим шепотом поведала, что Третье око знает, что ни одно злое дело не останется безнаказанным. И сестру Бригитту, украдкой погладившую меня по голове. И даже суровую сестру Талиту, посреди урока разразившуюся яркой проповедью о том, что значит достоинство на Пути ведуньи.

— Никогда! — грозила она пальцем. — Никогда не забывайте, что Ронетт не преклонилась бы перед невзгодами и не стала бы сносить обиды! И вы не смейте!

А еще я вспоминаю Адама, который в очередной свой визит заявил мне, что ему позарез надо научиться танцевать вальс. И только я могу его научить.

— Смеешься? — шмыгнула я носом. — В жизни больше танцевать не буду!

— Дурында ты, малая! — похлопал он меня по плечу. — Мне твои предки сказали, что ты ходишь позднее научилась! Давай не ломайся!

Я медлила, не решаясь дать ему ответ. Он упер руки в бока и хмыкнул:

— А, понял. Мисс Гордый Нос решила, что я тут несмышленыш! А зря! Я так у себя в школе на дискотеках отжигал!

В конце концов я принялась ставить ему осанку и положение рук. Потом мы уже осторожно кружились по комнате для посетителей, а я размеренно и спокойно вела счет:

— Раз, два, три. Раз, два, три. Да куда ты меня ведешь, мы сейчас на стол налетим!

— Рири, я типа наврал! — пыхтел тот. — Я типа вообще не умею танцевать!

— Ничего страшного, — рассмеялась я, — все получится!

Когда пришла пора прощаться, я заметила у него царапину на виске. Адам смущенно закрыл ее рукой и признался:

— Всегда режусь или ранюсь! Вот она, житуха рыцаря!

Я осторожно прикоснулась к его лицу, пытаясь понять, как заклеить царапину пластырем, но тут случилось странное.

Через все мое тело прошла теплая волна, словно летний дождь после жары. Запястья под наручниками перестали зудеть. Кончики пальцев засияли золотистым светом.

А когда я отдернула руку, то царапины не было. Лишь розовая кожица. Адам выдохнул:

— *Нихрена ж себе! Даже так!*

Вот так я первый раз сотворила магию, которая никого не калечила. И даже сильнейшие наручники модели «Усмиритель-2000» не стали мне преградой.

Пора рябины, орешника, клена и ореха

Позвольте рассказать вам о том, почему люди пишут и становятся писателями.

Дело не в самовыражении, амбициях или деньгах, пусть некоторые и вполне успешно ими прикрываются.

Дело в памяти. Люди подписывают открытки, ведут дневники, пишут книги, чтобы сохранить себя прежних и тех, кто их окружал, в «агрегатном состоянии», в котором успели застигнуть несчастных в ту самую секунду, когда у них под рукой оказалось то, на чем можно записать мысль.

Люди эгоисты, если честно. Они создают клонов из букв и бумаги, заставляют своих жертв вечно томиться в клетках страниц и обложек. А чего ради? Зачем им нужно «замораживать» время?

Возьмем, к примеру, хотя бы эту измятую толстую тетрадку с желтыми страницами. Ее много раз подшивали, еще больше пачкали чернилами, отпечатками пальцев и слезами, а у скольких страниц оторваны уголки даже подумать страшно.

Она хотела запечатлеть весь этот чуждый и странный мир на тонких страницах. И... Больно признавать, но тебе это удалось. Bravo!

Я храню эту тетрадку в непромокаемом чехле, ношу на самом дне пыльной черной дорожной сумки, а перечитываю практически каждый вечер.

Зачем? Ведь куда проще и лучше будет разорвать ее, а обрывки сжечь и с прахом развеять по ветру.

Нельзя.

Ах да, вам теперь интересно, как она оказалась у меня и почему ее нельзя уничтожить?

Что ж, вот мой ответ. Слушайте и внимайте, ибо повторять я больше не буду.

Некоторые истории намного сложнее и в то же время проще, чем вы можете себе представить. И их невозможно рассказать только лишь от одного лица, периодически нужно давать слово другой стороне.

Ну да, вы уже все поняли, у вас есть ответы и разгадки. Вам не терпится дойти до последней страницы. Однако, вот такая загвоздка:

Некоторые истории намного сложнее и проще, чем вы можете себе представить.

***

Если бы меня спросили, каким выдался второй месяц учебы в Тинтагеле, то на ум бы мне сразу пришел огонь Пекла, медленно пожирающий несчастных заживо. Иногда по ночам я просыпался, сдавленно крича в подушку, потому что во сне пламя не оставляло от меня ничего кроме угольков.

Впрочем, к чему эти метафоры? Разрешите добавить в свое повествование подробностей и рассказать в деталях, как прошел для меня те четыре недели осени или же пора орешника, рябины, клена и ореха.

Практически в предпоследний день поры орешника — то есть за два дня до дня рождения матушки — на наши с отцом головы свалился грандиозный скандал:

— Твой двоюродный брат явился вдрызг пьяным на службу в честь памяти дяди Альфреда, — усталым тоном сообщил папа, потирая виски пальцами, — заявил, что Мирасоль умерла, и это все наша вина. Охране насилу удалось вывести его из храма, пока

Жрец не начал церемонию.

Все, что я смог ответить, лишь прочистить горло и пробормотать:

— Каков мерзавец...

— Подобрал бы слово похлеще, но боюсь, уши у тебя сгорят от стыда за своего старика, — усмехнулся он.

Превеликий Благодетель, как я любил его в эти моменты усталости и слабости, когда его каменная маска разбивалась. В те редкие минуты он не был строг, суров и безжалостен. Отец горько шутил, задумчиво глядел вдаль, порой был рассеян, но что самое главное — когда он смотрел на меня, то его глаза светились гордостью и любовью.

Я мог месяцами согреваться об один лишь этот взгляд, смиренно дожидаясь от него очередной милости.

Именно в тот момент во внутреннем кармане халата завибрировала панель. Это была она. Третий раз за день.

Зачем ты желаешь мне доброго утра и спрашиваешь, как дела? Ты умрешь без этого знания?

— И что ты будешь делать? — поинтересовался я, незаметно нажимая на кнопку перевода в беззвучный режим. — Отправишь в ссылку?

Отец помедлил, прежде чем дал неожиданный и даже шокирующий ответ:

— Нет, я хочу дать ему небольшой пост в канцелярии.

— За что?! — воскликнул я так громко, что эхо загремело по всему залу для голограммоконференций. — За то, что он нас опозорил?! За то, что сделал с дядей Альфредом?! За то...

— Мирасоль умерла от сепсиса, — перебил меня отец. — Если верить рассказу Виберта, ребенок у нее под сердцем погиб, и ей пришлось... Родить его таким...

— А тебе не кажется, что Виберт лжет?! — со злостью выпалил я. — Как-то много драмы для одного кровопийцы...

Отец посмотрел на меня так пристально, что кровь застыла в жилах. Когда он заговорил снова, то его голос был глухим и настолько грустным, что у меня защемило сердце:

— Алан, я смотрел ему в глаза так же, как смотрю сейчас в твои. Поверь, мне известен этот взгляд.

Он прикусил кончик стилуса и произнес невнятно, надеясь скрыть от меня свое смятение:

— Как же хорошо, что ты еще так юн, и не познал тех горестей, что познали мы с твоим братом. Он наказан достаточно.

Эти слова выбили у меня почву из-под ног. Отец никогда не говорил со мной о смерти мамы так. Он погрузился в тяжелое и скорбное молчание на двенадцать лет после ее кончины, ни разу не произнеся ее имя.

— Более того, как там говорится? — его тон снова стал сух и ироничен. — Держи друзей близко, а врагов еще ближе? Думаю, под нашим присмотром он присмирееет.

— Совершенно верно, мой король, — согласился я, скрепя сердце.

Отец снова надел маску и заговорил со мной по-прежнему, как требовательный монарх, не ожидавший от своих подданных ничего иного, как полного подчинения:

— В эту пору памяти о твоей матери, я напоминаю о важности сохранения доброй памяти о ней. Не буду лукавить, что на тебе груз, но он почетен. Неси его с гордостью и приумножай своим именем. Не подведи наш дом. Не подведи ее.

С тем же успехом он мог сбросить на меня груды камней. А «утяжелили» мой груз десять сообщений от Долорес, одно жалче другого.

Почему девушки так любят унижаться, спрашивая на все лады, не надоели ли они? Конечно, да! Написывают как сумасшедшие!

***

Мое самочувствие ухудшалось каждый год именно на эти четыре недели. Вразумительного ответа не смог дать ни один целитель. Даже госпожа Макрая, лучшая врачевательница из чародеев, лишь развела руками и с сожалением в голосе объяснила:

— Проклятие пустило корни в теле твоей матери, уже когда она ждала тебя, потому полного восстановления не случилось. Твой недуг не смертелен, ибо причина жаждала убить именно Рослин, но... На четыре недели, в пору, когда случилась напасть, он будет овладевать тобой в ослабленной форме.

Потому я родился светловолосым и белокожим. Как иногда подшучивал отец: «Все краски мира отдал маме».

Вот вам и объяснение, почему мое столкновение с Прикер вообще стало возможным: я ходил к госпоже Макрае на ежегодное обследование, которое как и в прошлые разы показало, что моей жизни ничего не угрожает.

Просто бессонница, общая слабость, повышенная нервозность, светочувствительность и неспособность сохранять такую нужную для учебы продуктивность.

Мелочи. Надо всего лишь принимать вовремя лекарства и получать вместо всего вышеперечисленного вялость и раздражительность. Обмен что надо.

Через пару дней после инцидента госпожа Макрая вызвала меня и Элину «Для разъяснения ситуации», хотя, на мой взгляд, все и так было яснее некуда.

Саму виновницу звать не стали. Не хватало очередной истерики.

Ленард зачем-то увязался со мной, хоть я и дал понять, что в этом нет нужды.

— Свита придает принцу солидности, вам не кажется? — с гордым видом заявил тот.

— Плохим бы я был принцем, если бы моя солидность заключалась лишь в этом, — усмехнулся я, но протестовать не стал.

А очень зря.

Величайшая лицемерка уже сидела в приемной офиса директора, одетая в скромное серое шерстяное платье со стянутыми в растрепанный узел волосами. Очевидно, король Бивус уже успел объяснить своей наследнице, в чем именно заключались ее промахи.

Я вежливо кашлянул. Элина медленно повернулась ко мне и изобразила на лице подобие вежливой улыбки.

— Алан, — еле слышно прошелестела она на Высшем наречии. — Не ожидала тебя увидеть.

Выщипанные ниточкой брови поползли вверх, а глаза чуть расширились, значит удивление было искренним. Она правда не знала, зачем нас обоих вызвали, чем я не преминул воспользоваться.

— Приветствую, Элина, — я слегка наклонил голову, — Для меня тоже удивительно, что ты пришла намного раньше назначенного времени. При твоём-то графике...

— Выпускной курс действительно утомляет, — зевнула та, прикрыв рот рукой. — Но я не жалею о нагрузке.

— Да, и подготовка к церемонии принятия титула Верховной Чародейки случится уже

весной, — с притворным сочувствием покачал я головой, — не представляю, как ты справляешься, особенно после того, что учинила твоя матушка...

Еще в летнюю пору Кипариса между королевскими домами пробежал слух, что королева Гвеннет (непонятно как сохранившая титул) собирается издать мемуары, описывающие все «неприглядные стороны супружества и материнства простой женщины, обремененной королевским венцом». И с тех самых пор король Бивус и его ближайший круг, можно сказать, ходили по острию меча, потому что крупнейшие книгоиздатели грызлись за право издать сию «сенсацию».

— Наш род переносил любые невзгоды со свойственной нам стойкостью, — гордо вскинула та подбородок, хоть и щеки стали еще бледнее. — Впрочем, ты не ответил на вопрос: что ты тут делаешь?

— Принц Алан любезно согласился предоставить свое свидетельство инцидента, случившегося два дня назад, — раздался позади нас по-девичьи мягкий и нежный тон, — Господа, можете входить! А вас, молодой человек, я попрошу подождать снаружи.

Моложавого вида женщина с завитыми в крупные локоны волосами медового цвета, стояла у дверей кабинета и приветливо улыбалась нам всем. Румяная, смотрящая на мир блестящими ярко-зелеными глазами, она походила больше на учительницу малышек, нежели на директрису лучшей школы чародейства в Измерении. Только лишь серебряный плащ-защита.

Такой была госпожа Макрая Пембрак, лучшая чародейка-целительница знавшая, как продлить молодость без нарушения заветов Мироздания.

Я приблизился к ней и поцеловал протянутую мне мягкую и нежную руку без морщин. Элла же вытянулась по струнке, стоило той лишь бросить взгляд на несчастную.

— Как работает моя сыворотка? — ласково спросила госпожа Макрая, потрепав меня по щеке.

— Прекрасно! — ответил я, проходя вперед Элины. — Большое спасибо за вашу бескорыстную помощь!

— Быть полезной дому Нилиона честь для меня, — искренне ответила директор.

Кабинет госпожи Пембрак был огромным и залитым солнечным светом. Буквально вся обстановка намекала о значимости школы Эйлин для Централы: новая мебель из редкого сорта дуба, сервиз из хрупкого стекла, цветы из лучших садов Лореанга. Меня каждый раз приятно удивляло то, с каким вкусом умела жить эта удивительная во всех смыслах слова женщина.

Мы с принцесской оба уселись в кресла, стоявшие напротив рабочего стола госпожи Макраи. Но если я устроился с большим комфортом, то Элина сидела так, словно ее кресло было упичкано иголками и лезвиями.

— Итак, господа, — начала перекрестный допрос директор, — два дня назад подопечная принцессы Элины проникла в школу без получения на то специального разрешения. По ее словам, целью деяния было «Участие в прослушивании на роль солистки в танцевальную команду»...

— Госпожа Макрая, — тихо произнесла Элина, — Позвольте...

— Милая, — прощепетала та, — вы будете говорить тогда, когда вам будет позволено.

Принцесска закусил губу. Похоже, что до крови.

— Принц Алан, — одобрительно кивнула мне госпожа Пембрак, — вы и подопечная принцессы Элины были замечены вместе на записях с камер, именно потому я и вызвала вас.

Каковы ваши впечатления от встречи с ней?

— У нее есть имя, — голос Элины стал еще тише. — И вы его знаете!

— Дорогая, — шутливо погрозила ей пальцем директор, — говорите, когда придет ваша очередь!

Я смерил своего оппонента снисходительно-насмешливым взглядом и принялся за рассказ:

— Прежде всего, хочу высказать озабоченность психическим здоровьем юной сестры. Ее поведение было несдержанным, не побоюсь этого слова, неадекватным. Она была не способна воспринимать адекватную критику, склонна к приступам агрессии. Представьте, буквально осыпала меня оскорблениями в ответ на простое замечание о недопустимости нарушения субординации...

— Директриса Пембрак, почему вы не позволили мне привести Маргариту сюда? Вы принципиально не хотите выслушать ее версию произошедшего?!

Вопрос Элины прозвучал словно дребезг фарфоровых чашек, разбивающихся об пол. Она сидела прямая, напряженная словно натянутая струна.

И яростная. Потерявшая контроль над своими эмоциями.

— Элла, ты действительно не понимаешь неуместность своих ремарок, или тебе в очередной раз захотелось привлечь внимание? — развернулась к ней госпожа Макрая, уже даже не пытаясь быть вежливой. — Я должна теперь каждый раз напоминать, что ты имеешь право говорить только тогда, когда тебе дадут слово?

У Элины побледнели даже губы, пока она проговаривала:

— Боюсь, что за время этого разговора мне его не дадут.

Директриса лишь усмехнулась и взмахнула рукой, словно давая принцесске отмашку. Элина сжала руки так сильно, что даже суставы захрустели. А потом она заговорила так горячо, как не говорила никогда на моей памяти:

— Алан, я признаю, что поведение юной сестры Прикер могло быть вызывающим, и приношу извинения от ее лица. Но также я считаю, что мы должны выслушать ее объяснения, потому что история несколько однобока! Маргарита может быть порой эмоциональной и несдержанной, но ее поступки никогда не были злонамеренными. Если ее поведение было странным, так давайте же узнаем все от нее, а не будем заниматься прорицанием! Таковым должно быть правосудие потомков Остары, Морены и Паллады!

У меня перед глазами появился этот звереныш в розовой юбчонке, который с явным удовольствием вопрошал, а не родила ли меня матушка только потому что таков был ее долг. Подобного на эмоциях сказать было нельзя. Только лишь с целью задеть ударить побольнее.

Оскорбления в мой адрес никогда не достигали адресата. Но никто не смел трогать мою мать.

Я скрипнул зубами от злости. Если до этого монолога у меня теплилась надежда, что Элина сохраняла здравомыслие, то сразу же после еще больше укрепился в мысли о ее полнейшей некомпетентности.

— Прости за бестактный вопрос, но можно ли считать добрым намерение оскорбление памяти моей матери? — спокойно спросил я, впиваясь ногтями в ладонь. — Точнее, тот факт, что мое рождение было скорее необходимостью, нежели желанием?

Госпожа Макрая с шумом втянула воздух через ноздри. Благодушное и любезное выражение лица сменилось холодной яростью. Она сложила руки на груди и почти шепотом спросила:

— Юная сестра так и сказала?

— Не могу ручаться за точность цитаты — я решил не говорить, что помню все от первого до последнего слова, — но речь, кажется, шла о «Маме и папе, которые родили тебя не потому что хотели, а потому что надо посадить на трон очередного жопошника». Простите за лексику, но это не мои слова.

Элина проиграла именно в тот момент. Видите ли, королева Рослин потратила почти весь свой годовой бюджет на защитников для ведуний во время процессов после падения Арили. Королеве Рослин было запрещено появляться на заседаниях союза Познания потому что каждое ее появление сопровождалось оглушительным скандалом и разносом всех сторонников изоляции ведуний. Королева Рослин лично спасла от заключения двадцать подозреваемых в создании секты Зверя.

Одним словом, девчонке не стоило даже рта раскрывать против нее.

— Алан, можешь быть свободен, — пожала мне руку директор Пембрак, — я узнала все, что мне было нужно. И прими мои сожаления по поводу такого отношения к Рослин.

Я кивнул головой и вышел из кабинета. Ленард буквально подскочил на месте, когда дверь за мной захлопнулась. Но, увидев, что кроме меня в приемной больше никого нет, он явно сник.

— Мы уходим? — спросил он.

— Нет-нет, — ответил я, — задержимся буквально на десять минут.

Мои слова прервал громогласный рык госпожи Макрай.

— Это она «тактичная и образованная девушка, совсем не чета своему виду»? — вопрошала она, стуча кулаком по столу. — Вот так проявляется ее «нежная чувствительная натура»? Мало того, что ты кое-как успеваешь по учебе, так еще и с кураторством не справляешься?!

Писка Принцесски не было слышно из-за закрытых дверей, но мне это было и не нужно. Я закрыл глаза и умиротворенно улыбнулся.

— Что значит «Она не знала о значимости королевы Рослин»? — не утихала директор. — Ты даже не потрудились объяснить ей основы истории нашего мира?!

Все было даже хуже, чем я представлял. Чудесно!

— Разумеется, это твоя вина, — госпожа Макрая уже не кричала, но ее голос звучал страшно спокойно, — Разумеется, ты будешь наказана. Но и свою питомицу в свет не смей выводить, пока она не научится вести себя как подобает. Она будет лично мне сдавать тест на предмет лояльности заветам Благодетеля. Тогда и только тогда я решу, что делать с вами обеими.

А далее прозвучала самая худшая фраза, которую боялся услышать любой юный наследник королевского рода.

— Ты позор своей семьи!

Судя по звукам, Элина разрыдалась.

— Можем идти, — кивком я указал Ленарду на коридор.

К своему неудовольствию я заметил, что сквайр глядел в сторону офиса директора Пембрак так, словно хотел ворваться туда и прервать экзекуцию.

Именно тогда я заподозрил страшное. Слуга влюбился в принцессу.

***

Милый, ты не отвечаешь уже два часа. Я что-то не так сказала?

Алек, ты в порядке?

Плохой день на учебе?

Я переживаю! Ответь, как только освободишься!

Я с раздражением вздохнул и подавил желание ответить Долорес «Хватит забрасывать меня сообщениями!»

Спокойно, у нас ведь есть планы на выходные, правда? Мы же не хотим сидеть все вечера в комнате?

— На чем остановился разговор? — спросил я, выключая вторую панель и пряча ее поглубже в сумку. — Ах да! Репутация!

Мы с Ленардом направлялись в ангар, который находился в западном, самом дальнем корпусе Тинтагеля. Сквайр передернул плечами и недовольно спросил:

— Мой принц, к чему это все? Вы мне уже битый час рассказываете, что для свиты нет ничего важнее ее.

— Терпение, и ты все поймешь, — пресек я попытку протеста. — Как ты уже верно подметил, для члена королевского дома нет ничего важнее общественного мнения, потому что на нем и только на нем зиждется наше благосостояние. Один неосторожный шаг, неверное слово — и все. Подвел не только себя, но и весь свой род.

— Я тут причем? — не выдержал Свен. — Ты мне неделю уже твердишь одно и то же? А зачем?

— Затем, что нам надо было остаться наедине, а этого пока не получалось. Но наконец-то удалось.

На мое счастье, переход между корпусами оказался безлюден. Я перегородил Ленарду дорогу и аккуратно оттеснил его в угол, не давая уйти от разговора во всех смыслах разговора.

— Что происходит? — оторопел он.

— Ты мне скажи, — процедил я, — Неделю уже за тобой наблюдаю. С каких пор ты так полюбил читать «Вестник Лефарии»?

— У меня там друг... — попытался оправдаться Свен.

— Которому нравится смотреть на стереографии принцессы?! — прошипел я. — Врун из тебя отвратительный!

Свен отвел взгляд в сторону и тяжело вздохнул:

— Слушай, если ты решил, что я буду петь серенады у нее под балконом, то это не так. Прекрасно знаю, что шансов у меня нет.

— Хвала Благодетелю, еще одного влюбленного идиота мне не хватало, — оскалился я. — Но только вот если она или кто-то еще догадается...

— Не догадается! — огрызнулся тот в ответ. — Ты доволен? Разговор окончен?

Я отступил в сторону, давая ему пройти. Когда Ленард уже отошел чуть вдаль, я как бы невзначай бросил:

— Думаешь, я злодей? Зря. Наоборот, очень хочу тебе помочь.

— Это каким же образом? — мрачно усмехнулся Свен.

Я подошел к нему и прошептал на ухо:

— Принцесса Элина так отчаянно ищет любовь, что принимает ее ото всех, кого не попадя. В прошлую летнюю пору Пихты у нее было минимум пять ухажеров. И она всем ответила взаимностью.

Лицо Ленарда подернулось гримасой боли. Я сочувственно похлопал по плечу и поддержал — а точнее добил его окончательно:

— Вот видишь, как важна репутация. У тебя впереди целая жизнь. Не порти ее потаскухой.

***

Так зачем же мы шли в ангар? Вот это самая интересная часть рассказа.

В Централье начали твориться очень странные дела. Буквально в конце поры Клена некто или некие вломились в, казалось бы, самые незначительные здания города: заштатный ботанический сад на самой окраине, аптеку и старый, неофициально закрытый музей. И нашей команде посчастливилось в течение недели работать в качестве ассистентов, помогая рыцарям из главного управления безопасности.

Точнее, бегать у них на посылках.

— Пацан! — гаркнул на Фланна, перепрыгивающего между книжными стеллажами, один из экспертов. — Ты чем занят?

Бернадотт отдышался и объяснил:

— Пытаюсь понять, как злоумышленникам удалось незаметно пробраться мимо камер. Может быть, слепое пятно?

— Нет, — ответил я, отрываясь от панели, — камеры не работают уже полтора года. Висят здесь просто для красоты.

Томас, решивший, что сверхзадача его жизни — восхищаться каждым моим словом, абсолютно не к месту захихикал.

Глава следственной группы, старый товарищ капитана Горна тихонько разговаривал с ним и Тиннакорном, сидя рядом со столом библиотекаря. Я аккуратно подошел к ним и услышал обрывок беседы:

— Слушай, ну это уже теория мирового заговора, — устало произнес Адам, потирая виски.

— Как по мне, все в этом мире связано! — упрямо настаивал тот. — А вы что думаете, господин Шеннон?

— Думаю, что рациональное зерно есть, — кивнул начальник группы, похожий на старшего брата Адама, только чуть выше и стройнее, — но оно маленькое.

Капитан заметил меня и резко произнес:

— От любопытства кошка сдохла, Нилионский!

Фланн, Томас и Ленард переглянулись. Адам стал заметно строже ко мне еще с начала поры Рябины. Даже справка от госпожи Макраи не удерживала его от замечаний по поводу моей бледности и заторможенности. Капитан Горн знал, что я не болен, потому не считал нужным меня щадить. Даже Фланн, знавший о дне рождения моей матушки, как-то раз нехотя признал, что «Гоняет он принца знатно».

— Мы тоже хотим знать, о чем вы говорите, — от лица всех высказался Свен. — Это же часть нашей практики, верно?

— Пусть тоже участвуют, — согласился господин Шеннон. — Давай, Розенкранц, повтори все, что мне рассказал.

Тиннакорн, явно не ожидавший такого внимания к себе, заметно смутился и потупил взгляд.

— Да давай уже! — я закатил глаза. — Не нагоняй скуку!

— Я тут подумал, — непривычно робким тоном начал Тиннакорн, — Не уверен, что мыслю верно, Адам уже нашел ошибку в моей теории...

— Ну хорош уже! — не выдержал даже Фланн, заведший с ним крепкую дружбу. —

Выкладывай!

Розенкранц сделал глубокий вдох и выпалил:

— Мне кажется, что эти происшествия связаны с нападением монстра на принцессу Элину!

Я подавил желание закричать. Эта гадина везде оказывалась в центре внимания!

— Как ты это все связал? — удивился Томас, заметив, что я не в сторонниках теории. — Выглядит абсолютно нелогично!

Тиннакорн начал медленно выводить пальцем узоры на пыльной столешнице и нехотя согласился с ним:

— Да, это правда выглядит нелогично на первый взгляд. Как, впрочем, тот факт, что за неделю кто-то проник в самые жалкие и никому не нужные места Централы. Но, может, это нам только кажется?

— Хорошо, — Адам достал из огромной стопки рядом с ним папку с документами, — Ни из музея, ни из ботанического сада и ни из библиотеки ничего не украли. Только лишь пощупали какие-то, прости Господи, «Сказки Арили»... Пацаны, а вы чего смеетесь?

Мы все разом переглянулись и не смогли ответить, потому что нас разобрал дикий хохот. Иногда невежество капитана Горна, прожившего с нами бок о бок уже почти три года, доходило до крайностей.

— Это не сказки, — объяснил Ленард, — это биографии Благодетельниц.

— Кого-кого?

— Обладательницы силы нашего Создателя, — нехотя ответил я, — Младшие дочери из королевского дома Арили. Ладно, Тиннакорн, не отвлекайся.

— В саду, кажется, что-то пропало, — вдруг вспомнил господин Шеннон, — подсолнечник, змеевик большой, с осины листья понадергали, лаванду оборвали...

— Из них варят микстуру, чтобы приснились вещие сны, — подал голос Томас, — у нас когда-то в соседках на улице жила старая гадалка. Она говорила, что даже сквозь Морок через них видит...

— А в музее идет экспозиция «Виды оберегов», — посмотрел я информацию по панели. — Не понимаю... Зачем кому-то кроме чудаков рыскать по выставке оберегов звер... Ведуний?

— Это необычные обереги, их зовут в народе «пряталки», — Фланн смерил меня злобным взглядом, но ничего не произнес вслух, — в них часто скрывали заклинания, морок, всякую всячину. Но после... Катастрофы их запретили.

На этот раз Капитан не стал задавать вопросов. Не нужно было быть гением, чтоб понять, кому и зачем нужно было прятать «всякую всячину» в оберегах.

— А что насчет монстра? — вдруг спросил глава группы. — Розенкранц, мы остановились на...

— На том, что он не проходит ни по одному из Бестиариев, что я изучил! — подхватил уже ободренный Розенкранц. — Но я увидел нечто похожее здесь!

С этими словами он вытащил из своей сумки книжку в потрепанной черно-белой обложке с названиями, написанными на непонятном языке.

— Что это? — взгляделся я в текст. — Где-то подобное уже видел...

— Старая совсем, пособие для Жрецов — объяснил Тиннакорн, — Насколько я понял, тут описываются воплощения Зверя, чтоб уметь распознать, если беда придет.

— К чему это все? — подпер подбородок кулаком Ленард.

— К тому, — продолжал терпеливо объяснять тот, — что в «Сказках Арилии» описано, как некоторые Благодетельницы могли разрывать пространство, когда хотели. А еще в пособии описаны подобия Зверя, которые пытались создать на протяжении веков особенно ретивые сектанты.

Розенкранц поперхнулся воздухом и закашлялся, схватившись руками за горло. Адам принялся колотить того кулаком по спине. Я же сидел ошеломленный подобными наблюдениями. Конец речи был мне уже известен, потому ни один мой мускул не дрогнул, когда он наконец сказал:

— Что если этого монстра создали как подобие Зверя? И что если кто-то специально разорвал пространственную ткань, чтоб Элина и чудовище столкнулись?

Мы молчали. Этот вопрос был настолько дерзок, насколько и наивен. Задаваться им было сравнимо с вопросом «А что, если небо станет зеленым, а трава голубой?».

— Вы все это поняли? — вдруг спросил Томас у господина Шеннона. — Про связь этих трех проступков?

— Разумеется, — ответил глава без ложной скромности, — вот только про монстра я ничего не знал...

— Потому что миссию засекретили, — крикнул капитан Горн. — Тин, о таком нельзя болтать, понимаешь?

— И речь даже не о самом монстре, — встрял я, — Розенкранц, не хочу пугать тебя, но, если ты начнешь болтать о своей теории на всех углах, тебя, мягко говоря, сожрут.

Неожиданно Адам не стал меня осекать, а спросил задумчиво, даже немного непонимающе:

— Почему?

Потрясающее невежество, которое немного позже сыграло с ним злую шутку.

— Потому что подобного рода магию можно проверить только с Благодатью Отца, — ответил я, подавляя раздражение, — Ты вообще понимаешь, в чем ее суть?

— Приблизительно, — ответил он. — Преобразование одного вида материи в другую при помощи сил Мироздания или создание способа преобразования.

— Но это же не делается по щелчку пальцев! — воскликнул я. — Нельзя вот так просто брать и колдовать, когда тебе вздумается! Чародейки и ведуньи всегда отдают взамен свою жизненную энергию! Чем грандиознее колдовство, тем больше сил уходит!

— Третий закон Ньютона... — пробормотал капитан Горн. — А разве создание жизни — это не нарушение заветов этого вашего Мироздания?

— Вот именно что, — фыркнул Фланн. — Благодетельницы жизнь не создавали. Только иллюзию, образ из пустоты. А эта тварина более чем живая!

— Что, если Благодати хватило на создание полноценной формы жизни? — продолжал настаивать на своем Тиннакорн. — И вышло так, что она вышла из-под контроля?

— Розенкранц! — я устало потер виски. — Тебе бы к ведуньям на ночь костров. Мигом станешь у них звездой со своими сказочками. Давай еще придумай, что кому-то правда вот так сильно нужно вернуть Зверя.

Присутствующие захихикали. Только лишь Фланн посмотрел на меня с нескрываемой злобой. Когда мы вернулись в Тинтагель, он подкараулил меня у своей комнаты и спросил:

— Тебе обязательно так себя вести? Жить уже не можешь без этого?

Я только закончил набирать для Дори очередное сообщение в духе «*Был очень занят, с нетерпением жду встречи*», что отняло у меня последние силы, потому спросил без

притворства, что пекусь о его чувствах:

— Выражайся конкретнее. У меня нет сил разгадывать твои ребусы.

— Охотно, Сиятельный наш! — сплюнул тот. — Тебе постоянно надо выпендриться, показать, какой ты замечательный, а мы все говно! Мы уже поняли, что ты слишком хорош для простолюдинов, завязывай!

Наверное, он толкнул бы меня, не будь я принцем. Но все, что он мог — лишь рычать на меня, как цепной пес. Я это знал. А он знал, что знаю я. А я знал, что он знает, что я знаю.

Видите, какими мы были сведущими сокомандниками.

— Не могу понять, — нахмурился я, — тебя злит сам факт моего существования? Или ты боишься признать, что все обвинения в мой адрес правда, которая работает в обратную сторону?

Бернадотт замер с открытым ртом. Скорее всего из-за ярости, что заслала ему разум, он не понял и половины того, что я сказал. Пришлось растолковать:

— Ты винишь меня в том, что я веду себя так, будто лучше вас, — зевнул я, прикрывая рот рукой, — но что же стоит за этими словами? Неуверенный в себе мальчик с ущемленным самолюбием? Посредственность, не готовая признать, что ей даже на шаг не приблизиться к идеалу? А может просто завистливый мелочный человек, не готовый перестать роптать на то, что есть люди талантливее, умнее и трудолюбивее?

Фланн сглотнул. Его уверенность в себе явно пошатнулась, но и последнего слова он за собой оставлять не хотел:

— Хотя бы я не кину своих пацанов, когда дело запахнет жареным! — ляпнул он.

— Естественно, — кивнул я, захлопывая дверь.

И только лишь будучи уверенным, что меня никто не слышит, я процедил сквозь зубы:

— Потому что сдохнешь первым, трепло сраное.

***

Дора...

Я не знаю, как вести о ней рассказ. Не буду лукавить: мне неприятно вспоминать о нашей связи. Хочется ограничиться лишь парой предложений. Но есть пара нюансов:

Эта девушка слишком важна в истории. Без нее не было бы меня.

Я должен быть предельно честен сам с собой.

Наш роман продлился меньше месяца, но успел выпить из меня всю кровь. И из нее, полагаю тоже. Причина проста: вулкан страстей, что бил из нее, и моя неготовность принять их все.

— *Любимый, ты молчишь.*

— *Мне нечего сказать.*

— *Совсем-совсем?*

— *Что ты хочешь, чтобы я сказал?*

— *Дурак. Я не хочу вымученных фраз. Я хочу знать, что у тебя на душе.*

Дори хотела знать про меня все: любимый цвет и пору года, какие книги читаю, какую музыку слушаю. Она запоминала любую мелочь, что срывалась у меня с губ. Я же порой не мог вспомнить даже ее полного имени.

— *Ты словно тайное познание.*

— *Правда?*

— *Да, я так хочу узнать тебя.*

— *Не стоит.*

— *Ах, ты такой скромник.*

Она писала мне каждый день пожелания доброго утра и хорошего дня, посылала милые картиночки, сердечки и даже свои фотографии с подписями типа «Скучаю по своему милому Цветочку». Иногда моя запасная панель падала с прикроватной тумбочки, так сильно она вибрировала. Меня интересовали только стереографии, где ее блузка была расстегнута. Или где ее вообще не было.

— *Иногда я просыпаюсь с мыслями о тебе.*

— *Здорово.*

— *А ты? Ты думаешь обо мне?*

— *Конечно. Как о тебе не думать.*

Мои мысли были заняты занятиями и показом, который должен был состояться в середине второй поры Каштана, словами отца и потаенным смыслом его речей (Пекло, он никогда не говорил прямо), нападками Фланна и придирками Адама, слабостью и желанием целыми днями спать.

Для Доры там никогда не было места.

— *Но ведь мы с тобой вместе.*

— *Конечно.*

— *Милый, ты не уйдешь?*

— *Нет. На улицах слишком темно.*

— *Тебе со мной хорошо? Ведь все это происходит по причине?*

Причина была. И поверьте, Долорес не хотелось ее знать.

Вы знаете, что секс полезен для здоровья? Повышение иммунитета, снижение уровня стресса, обезболивающий эффект? А также это прекрасное сладкое чувство, что человек ради тебя наизнанку вывернется, лишь бы ты получил удовольствие?

Доре не было равных. Она отдавала мне всю себя без остатка, умирая и воскресая за какой-то час-полтора. Любое мое малейшее желание, любой каприз и потаенная прихоть угадывались и исполнялись беспрекословно, с улыбкой на лице. Ради этих часа-полтора я был готов терпеть все ее «недостатки». Даже разговоры, которые начинались после того, как мы лежали усталые в маленькой темной спальне.

— *У меня никогда не было того, что я пережила с тобой.*

— *Здорово.*

— *А у тебя?*

— *Да, тоже.*

— *Алек, я с тобой перерождаюсь. Мне кажется, что я стану совсем другой. И ты — свет в моей темной беспросветной жизни. Знаешь, соседка думает, что я помешалась. Впервые в жизни эта дуручка права. Алек, я... Я люблю тебя.*

Милый? Ты уже спишь?

Я любил. Любил тебя трахать.

Неизвестно, как долго бы тянулась эта сумасбродная канитель, если бы не трагическая нелепая случайность, которая разоблачила нас обоих.

Видите ли, заклинание морока весьма капризная субстанция. Пусть вас не обманывает строка «Действие может длиться до пятнадцати часов».

Никто не застрахован от бракованного экземпляра.

Я проснулся посреди ночи от грохота в комнате. Насилу разлепив глаза, я увидел Долорес, отчаянно искавшую что-то в платяном шкафу.

— Ложись спать дальше, милый, — она пыталась улыбаться, но выходило весьма нелепая гримаса, — ищу там пару женских штучек.

Я знал, как звучит и выглядит ложь, да и сцена была весьма анекдотичная: одежда на полу, красная и всклокоченная Долорес, прятавшая взгляд... Невозможно было ничего не заподозрить.

Одним прыжком я вскочил с кровати и подошел к ней, дернув врунью за руку. Она отчаянно сжимала в кулаке до боли знакомый баллончик и пыталась закрыть этикетку. Я начал расцеплять ее пальцы.

— Больно! — взвизгнула она. — Что ты делаешь?!

Я пропустил слова лгуньи мимо ушей и продолжил отнимать у нее баллончик. Самые худшие ожидания подтвердились. Меня до самых костей сковал ужас.

— Милый! — она хватала меня за руки и заглядывала в глаза. — Это не то, о чем ты думаешь! Да, я правда немного схитрила, но просто... Я не хотела тебя обманывать, но все зашло слишком далеко...

Все ее слова были для меня пустым звоном. Я включил свет в комнате и увидел то, что она так отчаянно пыталась скрыть.

Никаких браслетов на запястьях больше не было.

— Наручники спрятала... — прорычал я. — Морок украла!

— Я...

Она стояла такая же оцепеневшая. По ее лицу текли слезы. А у меня по всем членам расползлось отвращение, словно окунулся в лужу грязи из вранья, притворства, коварства и...

— Ты! — заорал я. — Ведунья! Зверье!

Не помню, как я оделся. Не помню, что кричал в ее адрес, в чем обвинял, какими проклятиями осыпал. Сознание вернулось в тот момент, когда я оказался уже в прихожей, а она повисла у меня на руке, умоляя:

— Не уходи! Прошу тебя! Алек, я не такая!

— Отпусти! — я оттолкнул ее, и Долорес отлетела в сторону, упав на пол. Она взвыла от боли, смотря на руки, усыпанные царапинами и занозами от приземления на пол.

— Зачем ты это делаешь... — повторяла врунья. — Алек...

Я впервые потерял контроль над собой настолько, что подошел к ней, и произнес так четко, что она слышала каждое слово:

— Потому что ты это заслужила. И это все, на что ты можешь теперь рассчитывать, Тварина!

И тут случилось самое страшное. В пылу ярости я не заметил, как нечаянно выронил свое удостоверение инженера из бумажника. И уж не знаю как, но она его заметила. И прочитала, даже будучи ослепленная болью:

— Его Королевское Высочество, принц Алан Нилионский...

Вот так правда открылась окончательно. И прятаться больше не было смысла. Я присел перед ней на корточки и притянул к себе за руку:

— Ты ничего не видела, мерзавка, — выплюнул я ей в лицо. — Если ты хоть кому-то проболтаешься, можешь попроситься с Централом. Сгниешь в Пустошах, где тебе самое место. Поняла?

Дора молчала, только лишь открывала и закрывала рот. Я склонился над ней и прорычал:

— Ты. Меня. Поняла?

— Да... — едва слышно прошептала она.

— Умничка, — оскалился я. — А теперь будь хорошим Зверьком и притворись, что ничего не было. И да, если появишься в лаборатории или рядом со мной...

— Сгнию в Пустошах, — прошептала Долорес.

— Молодец, — ответил я и отпустил ее.

Когда дверь за мной уже почти захлопнулась, Дора окликнула меня:

— Алан. Ты слышал, что я сказала тебе той ночью? Ты слышал хоть одно мое слово?

Она смотрела на меня прямо, не отводя взгляд. И то был взгляд не человека, но зверя.

Смертельно раненого, истекающего кровью зверя, который лежал в агонии. Зверя, который в минуты величайшей боли готов на все.

Я не прочитал ни одного знака и подписал себе смертный приговор, бросив через плечо:

— Слышал. Не приписывайте себе роль влюбленной, юная сестра. Вы просто шлюха. И лучше всего у вас получалось меня убаживать, закрыв рот. Или заняв его мной.

Именно эти слова стали последней каплей, что подтолкнули Долорес О'Салливан вернуться в лоно культа Зверя, где ее так давно ждали.

Ночь костров и сказок

Сядьте кружочком, невидимые читатели. Я расскажу вам историю, что стара как этот мир.

Жила-была девочка, верившая в то, что можно знать все на свете. День и ночь сидела она за умными книжками, учась и учась. Детство сменила юность, юность сменила зрелость.

А девочка ничего не знала. И однажды темной ночью она призвала Учителя, что должен был ей помочь. Явился Он в черных одеждах и с венком в виде рогов на голове. И молвил он ей ласково:

— Милая девочка, я расскажу тебе Истину. Я покажу тебе явь и ложь. Но отдай мне то, что я попрошу. Все, что я попрошу.

***

Последние дни октября ждали все обитатели школы Ронетт. Домашки задавали немного, учителя смотрели на наши перешептывания и пересмешки сквозь пальцы. Девчонки ели, когда и что попало и ложились спать, когда хотели. Настоящий праздник непослушания.

А дело было в том, что ту неделю ведуньи готовились к ночи Костров, которая выпадала аккурат на Самайн. И все, кого бы я ни спрашивала, рассказывали о ней с неподдельным восторгом:

— Старшие девочки будут рассказывать истории, — шептала Неттл, заполняя стандартную схему распределения заряда на хранилище, — а в конце нас посвятят в сестры и наденут на головы венки...

— Мы ведь уже сестры, — грызла я кончик стилуса, — и нас уже посвящали.

— Эта церемония священна, Маргарита, — вездесущая старшая сестра Талита бесшумно подобралась к нам сзади, — мы представляем вас нашим праmaterям: Афине, Весте, Артемиде, Маат и Бендзайтэн.

Сказать, что я обалдела, значит вообще ничего не сказать, именно потому с неподдельным изумлением сказала:

— Простите, но это земные боги. А Арахна так вообще просто чувиха, которая решила, что может выпендриваться перед Афиной без всякого вреда своей шкуре.

Неожиданно девочки повернулись ко мне и сочувственно покачали головами, словно я только что сказала самую несусветную глупость.

— Нам столько предстоит вам поведать, юная сестра, — закрыла учебник сестра Талита.

Сразу же после окончания занятий я поплелась в комнату, погребенная под грузом новых знаний, которыми срочно нужно было с кем-то поделиться. На мое счастье, Дора тоже вернулась с занятий и лежала на кровати, задумчиво смотря в потолок.

— Ты не поверишь, что мне рассказали! — прохрипела я, бросив сумку на пол.

— Наконец-то сказали, что носки с котятами отнимают у тебя десять лет? — голос подруги прозвучал странно, словно она молчала все утро.

— Во-первых, это мой плюс: выгляжу моложе, — сострила я, — во-вторых, нет. Короче, ты знала, что еще когда Благодетель был с нами, то послал своих самых крутых учеников на Землю, потому что ему вдруг в голову ударило, что нам срочно нужно Просвещение?

Долорес притворно ахнула, но я пропустила мимо ушей ее иронию и продолжила рассказ уже больше для самой себя:

— От Чародеек он послал Тиамат, Остару, Морену, Палладу, Кали и Гекату. Они так офигенно дрались, что все приспешники Зверя бегали от них, сверкая пятками. От Ведуний пошли Артемида, Афина, Веста, Маат и Бендзайтэн. Они были очень умные, гордость Ронетт. Вот с рыцарями непонятно...

— Кронос, Один, Локи, Артур, Перун и Зевс, — ухмыльнулась Дора. — Трутни, если честно. Родились ущербными и испортили весь план Благодетеля.

Последнее слово она словно с силой выплюнула, словно оно засело в ее горле, точно ком.

— Они позавидовали тому, как все хорошо получается у девчонок? — спросила я, подперев щеку локтем.

— А кто ж теперь разберет, — развела та руками. — Возможно, они хотели заграбастать больше похвалы от папочки...

— Столкнув Афины и Палладу, а потом подстроив ее гибель? — фыркнула я. — Как повзрослому. И как по-мудрому.

— Что ты ждешь от мужиков? — вздохнула Долорес. — Ущербные по сути существа.

Мне рассказывали эту историю полтора часа, хотя можно было уместить и в пять минут. Странно было осознавать, что миф о высшей цивилизации оказался правдой. Еще страннее было осознавать, что мы все это время шли буквально рука об руку.

Просто не замечали очевидных вещей, предпочитая находить рациональные объяснения, отказав вере в чудеса и сказки.

Я легла на свою кровать и вскинула руки вверх с кличем:

— Нет мужикам! Да академическим свершениям!

Дора грустно рассмеялась, проверила свою смарт-панель, а затем отбросила ее с отвращением и едва слышно проговорила:

— Как бы мне хотелось взять у тебя хоть крупинку этой щенячьей радости!

Дору не затронуло всеобщая предпраздничная кутерьма. В те дни она стала в сто крат мрачнее, постоянно проверяя смарт-панель и нося ее с собой даже в душ. Изредка ее лицо освещалось радостной улыбкой, и тогда не было милее и обаятельнее девушки, не было

веселее шутницы и талантливее ведуньи.

Вот только эти проблески можно было сосчитать на пальцах одной руки.

Панель Доры зазвонила резким тревожным сигналом. Подруга кратко посмотрела на экран и сбросила вызов.

— Звонят по поводу дома, — объяснила она, заметив мой любопытный взгляд, — эти куски звериного дерьма в очередной раз просрочили платеж.

Дядя и тетя Доры «любезно» разрешили ей жить в доме бабушки, не забывая каждый раз напоминать, что ее права на хоть что-то материальное чирикают и летают на крылышках. Уж не знаю, какие аферы они провернули, но вот только меня невероятно бесил факт, что во всех договорах на кредиты и займы поручителем выступала именно Дора, студентка, перебивавшаяся подработками. Сказать «нет» она не могла. Замкнутый круг: потеряй право жить в своем родном доме, но при этом постоянно будь в шаге от того, чтоб его отобрали.

— Мне предлагают одно дело, — вдруг сказала Долорес, — обещания сдержат, заплатят прилично. И еще могут помочь в моем, кхм, проекте.

— В чем подвох? — спросила я.

— Дурная компания. Так про них говорят. Но... Вроде бы славные ребята.

— Не соглашайся! — взмолилась я. — А вдруг надо будет сделать что-то страшное?

Долорес молчала. Ее взгляд то и дело падал на стереографию, стоявшую на прикроватной тумбочке.

Отец, мать, бабушка и дочь стоят на крыльце маленького аккуратного двухэтажного побеленного домика. Все улыбаются и машут невидимому фотографу.

— Все будет хорошо, — мое утешение прозвучало так по-детски, так глупо и инфантильно. — скоро ночь Костров... Будешь рассказывать свою историю?

Смарт-панель завибрировала в очередной раз. Дора мельком взглянула на экран: ее лицо просияло нежностью на мгновение, но затем стало еще мрачнее, чем было. Она посмотрела на стереографию, на гору бумаг по учебе, по которой заметно отстала в последнее время, снова на смарт-панель, а потом вздохнула:

— Если честно, Пирожок, единственный костер, о котором я мечтаю — тот на котором сгорю сама.

***

Мне даже было неловко от того, что у меня дела незаметно пошли на лад. Да, из школы выходить было больше нельзя (не очень-то и хотелось), но так у меня появилось больше времени для работы над собой.

И для работы над моим новым маленьким секретом.

Запах маминогo черничного пирога, теплого, прямо из духовки.

Первые ноты альбома «1989», который станет моим любимым и заслушанным до дыр из творчества Тей-Тей.

Облегчение после головной боли. Те самые мгновения, когда понимаешь, что оков на твоих висках больше нет.

Солнечный свет, струящийся сквозь старые чуть пожелтевшие занавески и пробуждающий меня от сна.

Ржавая столовая ложка, лежавшая передо мной, медленно очистилась от следов старости. Я выдохнула и смахнула выступившие капли пота на висках.

Адам взял ложку, осторожно покрутил ее в руках и присвистнул:

— Крутотень! — прошептал он, оглядывая комнату для визитов. — На уроках научили?

— Ага, — прошептала я. — Она даже чуть тверже вроде стала!

Камеры наблюдения в комнате работали из вон рук плохо, как успел выяснить капитан Горн. Он уже не притворялся, что приходит занести вещи, утверждая, что гоняет на другой конец города «Из-за тебя, тебя и только тебя». Но не подумайте ничего: наши отношения были дружбой в чистом виде.

— *Малая, ничего мне от тебя не надо, — со смехом ответил Адам, когда я все же решилась робко спросить, чего он хочет. — Ты славная девчонка, мне нравится с тобой общаться.*

Он приносил с собой сладости, диски любимых групп, а также свежие новости и сплетни. В тот вечер груз был весьма и весьма тяжел:

— Ведуньям теперь нельзя в центр, — мрачно сообщил он. — И хотят вообще скоро запретить вам всем покидать школу Ронетт. Подслушал сегодня разговор преподав.

У меня внутри оборвалась невидимая струна. Я четко осознавала, почему появился этот запрет: в школу Эйлин попасть можно было только на автобусе (или странном поезде на воздушной подушке), который ехал через центр.

— Это все из-за меня, — в ужасе пролепетала я.

— Чего? — приподнял тот бровь.

— Сказала одному гаду, что его мама — лама. А она мертвая оказалась. И этот гад...

— Дай угадаю: мой белесый подопечный-козел?

Я бессильно кивнула, закрыв лицо руками. Капитан Горн мягко коснулся моей руки своей со словами:

— Даже не смей обвинять себя. Понимаешь, если бы это ни была ты, они докопались бы до кого-нибудь другого. Нужен был просто повод.

— Как думаешь, мне приятно им быть? — огрызнулась я.

— Ой, можно подумать, ты такая уникальная! — воскликнул тот. — Может, есть еще одна такая ведунья, которая сказала другому говнарю, что его папа — Дормамму!

— Нет, я одна такая уникальная!

— Вот же коза! От скромности не умрешь, да?!

Мы рассмеялись, но смех тот был горький и безрадостный. Капитан Горн прокашлялся и произнес чуть тише и осторожнее.

— Тут еще просили передать. Сразу предупреждаю: не бесись!

Он вытащил из сумки коробку в серебристой обертке с бежевой визитной карточкой, с мерзким гербом Лефарии на обороте.

Набиваешь себе цену? Поздравляю, тебе удалось!

Это были конфеты из самого нежного и сладкого шоколада, что я когда-либо пробовала. Но в ту минуту меня затошнило, словно передо мной лежала гниющая туша оленя.

— Коробку разорви и выброси! — отодвинула я от себя мерзкий презент. — Конфеты... Отдам девочкам. Надеюсь, они не отравлены!

— Так, Рири, — вдруг мягко, но осуждающе сказал Адам. — Я понимаю, что ты зла, но... Тебе не кажется, что это уже слишком? Это уже третья коробка за неделю. Поговори с ней.

Меня колотило от злости. Внутри меня прорастало горькое семя, болевшее при каждом упоминании ее имени. Злосчастную коробку хотелось растоптать ногами.

— Ты не понимаешь, что происходит?! — взвыла я. — Она думает, что может меня

купить, как маленькую девочку! За конфетки и воздушные шарики! Уродка!

Капитан Горн сидел молча, задумчиво смотря то на коробку, то на меня.

— Знаешь, — вдруг произнес он, — я тут подумал о них всех скопом. И мне стало так их жалко. Всю эту голубую кровь.

— С чего бы? — фыркнула я. — Они охрененно живут! Спят, жрут и срут, на этом все! А да, женятся на таких же и потом всю жизнь взгляд друг от друга воротят, трахаясь с кем попало направо и налево!

— Разве это не есть несчастье в чистом виде? — грустно усмехнулся капитан Горн. — Только подумай: жизнь без права быть таким, каким хочешь. Жизнь без права любить того, кого хочешь. Как рыбки в аквариуме.

— Это их выбор, — отмахнулась я, — не надо жалеть дебилов...

— Которые не выбирали родиться в этом змеюшнике, — осадил меня Адам, — и которые не знают другого пути. Рири, ты слишком строга к ним. Пойми: жизнь без любви ужасна.

— Они могут разорвать этот круг. И могут попытаться что-то поменять.

— Пытаются, — показал друг на коробку. — Но им не дают. Не читай слова. Читай то, что между строк.

Серебряная обертка чуть смята, значит упаковывала самостоятельно.

Лучшая визитка, подписана самолично.

И надпись... Крик? Мольба?

«Ты так нужна мне. Скажи: что мне сделать, чтоб ты меня простила?»

— Не нужны мне ее конфеты, — прошептала я. — Пусть придет сама. Прости, мне пора.

И с этими словами я вышла из комнаты. А серебряная коробка, отчаянная просьба о переговорах так и остался лежать на столе.

***

Дора покатила по наклонной практически сразу же после нашего разговора. Буквально на следующий день она ушла куда-то рано утром, а вернулась ровно через сутки, испещренная занозами и со следами странных ожогов на руках. Но несмотря ни на что ее лицо сияло словно полная луна.

— Я выкупила дом! — радостно объявила она, падая на кровать.

Я только проснулась, потому не понимала, что случилось. Только лишь хлопала глазами и спрашивала:

— А как же займ? Как же дядя с тетей?

— Больше не моя проблема! — подруга улыбалась так широко, что казалось, у нее сейчас порвутся уголки рта. — Я свободна, Рири!

С этими словами, окрыленная порывом энтузиазма, Долорес вскочила и потащила меня за руку в центр комнаты. Она закружила меня в танце, крича:

— Мы можем съехаться! Я предложу ему сегодня!

— Кому? — пыталась я перекричать ее.

Долорес остановилась и всплеснула руками:

— Точно! Я же тебе не сказала! Пирожок, у меня кое-кто есть...

С этими словами она покраснела и захихикала тонким голоском, как маленькая девочка.

— Мы встретились совсем недавно, но все так закрутилось, что я совершенно потеряла

голову, — щебетала она словно в бреду. — Столько дряни было в начале года: мама спилась, этот займ, работы нормальной не было... Но все налаживается!

Мне не хотелось радоваться за нее. И дело было не в зависти. В солнечном сплетении словно завелся червь, который грыз меня изнутри.

— Это от него ты ждала сообщений? — мой голос прозвучал как вопрос от дочки матери, которая привела в дом «нового папу».

— Да, — Дора расчесывала волосы.

— Ты была грустная.

— Потому что грустил он, — отражение Доры в зеркале печально улыбалось мне. — Мы не могли встречаться часто, только на выходных по вечерам, ускользя и всех обманывая. Но теперь... Рири, целый дом! И мы сможем жить вместе! Ты представляешь? Эй, ты чего скисла?

Я встала к подруге спиной, чтоб она не видела всю бурю эмоций на моем лице. Все казалось неправильным.

Почему-то хотелось плакать.

Взяв из аптечки пластырь, щипчики и мазь, я принялась вытаскивать из ладоней Долорес занозы и заклеивать ранки на ее ногах, незаметно заживляя самые некрасивые. На пятой минуте, я не выдержала и спросила грубее, чем хотела:

— Ты ради него полезла не понять куда?

На лице подруги появилась ненавистная мне ледяная ухмылка. Шумно вздохнув, она принялась объяснять мне, как будто я была пятилеткой, затупившей на уроке рисования:

— Ри, любые отношения — жертвы. Нужно что-то отдавать, чтобы получить взамен.

— А вдруг ему не нужны твои жертвы?

Не надо было задавать этот вопрос так прямо и остро. Ведь можно было зайти издалека.

Но мы ведь любим рубить с плеча, Рири?

— Ты ничего не знаешь про него, — дернулась она от меня, словно от чумной. — И про меня ничего не знаешь. Так какого Пекла ты смеешь...

А дальше было некрасиво. И больно. Простите, не хочу это описывать. Давайте просто перескажу вам несколько ярких цитат? Если вкратце, вот что я узнала о себе за пару минут:

Ты лезешь туда, куда не надо, Прикер.

Ты не смеешь что-то мне советовать, Прикер.

Уровень твоей компетенции в отношениях ничтожен, Прикер.

И даже не смей рта против него открывать, Прикер.

Я убежала из комнаты, взяв только сумку, и пропряталась в темных закоулках коридоров до начала уроков, сдавленно всхлипывая, изредка прорываясь на рыдания.

Дора вернулась поздно вечером под конвоем из двух гвардейцев — напоролась на чересчур деятельный патруль. У меня до сих пор стоят перед глазами грузные фигуры рыцарей; других ведуний, стоявших кружком во дворе и перешептывающихся в тихом ужасе; саму Долорес — точнее, ее фигуру, скрытую в полумраке, державшуюся с самым невозмутимым и спокойным видом; и госпожу Клариссу. Точнее, ее речь, звучавшую так громко и так угрожающе, что удивителен сам факт, почему гвардейцы не наложили в штаны от одного взгляда на нее:

— Юная сестра О'Салливан могла покидать пределы школы, потому что предъявила мне разрешение на работу и справку о тяжелых семейных обстоятельствах. Она была замечена в центре города? Если нет, то я не вижу никаких причин приводить ее в школу под

охраной. И на все вопросы мы ответим завтра, а сейчас позвольте удалиться с территории моей школы!

Я убежала в комнату, быстро переоделась в пижаму и притворилась, что перечитываю свои конспекты. Почему-то впервые меня грызла отнюдь не совесть. Злость бегала черными ядовитыми муравьями, отравляя каждое воспоминание о подруге. В голове роились всевозможные варианты того, что я сказала бы Долорес, когда та пришла бы, получив втык от госпожи Клариссы.

Говоришь, отношения — жертвы? Дора, мне что-то расхотелось жертвовать в одни ворота. Если Клэр спросит — а она спросит — я расскажу, как ты сбегала на выходных к своему фуфелу.

Что, я капризная девчонка? Да! Месяц я чуть ли не со словарем сверялась, подбирая каждое слово, лишь бы тебя не обидеть! А ты вот за нефиг делать могла облить меня помоями! Ну и получай!

Но вся моя мстительная отповедь сгинула в моем рту, стоило Доре войти в комнату. Руки покрыты большим слоем ран и заноз. На запястье след огромной ладони. На коленях синяки. А лицо... Глаза красные и заплаканные. Рот искривлен в немом крике.

Мне не надо было ничего объяснять.

Я обняла подругу и прижала к себе изо всех своих крошечных сил. Она разрыдалась, стоило ей прижаться к моей груди.

— Что он с тобой сделал? — прошептала я, давясь слезами и глядя ее спутанные волосы.

— Толкнул, — прошептала та, сжимая краешек моей футболки в руках. — И сказал... Это лучшее, что я заслуживаю... Потом эти... Они хотели... Я им не далась! Слышишь?! Они до меня не добрались!

— Слышу, дорогая. Я тебя слышу.

Мы просидели на пыльном деревянном полу, пока небо из чернильного не превратилось в темно-серое. Дора то и дело проваливалась в тревожный сон, просыпаясь с жуткими воплями. Я успокаивала ее, шептала на ухо колыбельные, укачивала как ребенка.

Утром она встала, причесалась, умылась и пошла как ни в чем не бывало на занятия сдавать долги по учебе. До самой ночи Костров не проронила ни слова. Но ее глаза потеряли тот цвет зрелых вишен. Они стали темными, как вечная скорбь.

Только попробуйте спросить, пошли ли мы к гвардии писать жалобу на патруль.

Прибью на месте.

***

— Рита, позволь у тебя кое-что спросить, — Дора подпоясывала красной лентой свое старое белое платье из кружева.

То были ее первые слова, что она произнесла за четыре дня молчания. Я облегченно выдохнула и ответила, как можно более деликатно:

— Да, дорогая.

Подруга в последний раз окинула свое отражение оценивающим взглядом, отвернулась от зеркала и села на пол, даже не тревожась о том, что может помять или испачкать свой чудесный наряд:

— Вот тебе мысленный эксперимент. Допустим, много-много лет назад ты задумала совершить подвиг, восстановить справедливость, так сказать.

— Что за подвиг? — облизала я пересохшие губы.

Долорес подумала, прежде чем ответить с максимальной осторожностью:

— Ты хочешь забрать у одних поганцев то, что им не принадлежит. Долгие годы ты готовилась, училась и искала идеальный момент, чтобы совершить подвиг. И тут тебе предлагают помощь. Есть те, кто хочет того же, что и ты, но в более широких масштабах.

— А что они хотят взамен? — спросила я.

Ответ Долорес стал самым коротким и страшным из всех ответов, что мне приходилось слышать:

— Все.

— Что это «все»? — возмутилась я. — Руку, сердце и прочую требуху?

Дора молчала, перебирая пуговицы на платье. Тревога начала грызть меня во сто крат сильнее:

— Это та дурная компания? Которая тебе заплатила?

Долорес принялась укладывать волосы в корону из кос. Я подошла к ней и дернула за руку:

— Сказала «А», говори «В»! Что ты задумала?!

Дора медленно через плечо развернулась ко мне. Ее темные, как смоль, глаза смотрели словно сквозь меня:

— Я не жду, что ты меня поймешь, — ответила она глухим, незнакомым мне тоном. — Зря вообще завела с тобой этот разговор. Притворись, что этого не было.

— Поздно! — грубо рявкнула я. — Долорес О'Салливан, по-хорошему прошу: ответь мне, что ты задумала!

Каблуки моих туфель вдруг поломались, и я упала на пол. Долорес, прекрасная до холода в жилах, склонилась надо мной и прошипела:

— Не смей на меня орать.

Она взяла с постели венок из огромных кроваво-красных сухих роз, водрузила себе на голову и величаво направилась к выходу:

— Нет! — я схватила ее за ногу. — Дора, куда ты уходишь?!

— На праздник, — ответила она. — Мне пришла в голову одна история, которой не терпится поделиться со всеми на костре.

Я с трудом поднялась на ноги и обняла подругу так крепко, словно мои руки могли ее удержать:

— Дора! — умоляла я. — Прошу тебя, не надо! Не уходи!

Раздался глухой смех. Сначала тихий-тихий, а потом превращавшийся во все более истерический, похожий на плач и рев в одном флаконе. А затем я ощутила резкую слабость во всем теле.

— Что ж, будешь первым моим слушателем. Слушай и внимай, Рита, ибо я расскажу тебе историю, что посетила мой разум совсем недавно...

— Что ты сделала со мной...

— Давным-давно жила одна девочка, которая в детстве познала истину, — меня взяли под руки и повели к кровати. — В их королевстве много лет назад странствовал Учитель, что по рассказам сеял разрушения и боль везде, где бы не появился. Даже старейшины боялись его. А девочка нет. Знаешь, почему?

— Прошу... — по моей щеке потекла слеза, но я не могла даже поднять руку, чтоб ее вытереть.

— Учитель никогда не был монстром! — прошептала Дора, медленно укладывая меня

на постель. — Он всего лишь хотел знать больше и видеть дальше, ну разве это плохо, Рири?

— Нет...

— И я думаю, что нет. Люди боялись его, а надо было просто выйти к нему на встречу, признать и полюбить. Учитель был готов принять к себе всех, но только не тех, кто готов был лизать ему пятки.

— До...

— Маргарита, ты поймешь однажды, что в этом мире прогнили все, — меня придавила к матрасу тяжесть одеяла. — Их притворство, фальшь и лицемерие... Правдив он и только он. Поможет, утешит и научит.

Нужно только попросить. А цена невелика.

Все... Что он попросит.

***

— Дора! — я упала с кровати, запутавшись в одеяле.

Комната была пуста и темна. А за окном горели костры и звучали веселые голоса.

На мне было только лишь короткое белое платье, купленное по дешевке в магазинчике для ведуний. Я выбежала в холодную осеннюю ночь без куртки и обуви.

Сколько прошло времени? Она ведь просто пошутила? Вот сейчас найду ее у ближайшего костра!

Чередой девочек в белых платьях. Чередой венков из роз.

И нигде нет тебя.

Дора?

— Вот ты где! — Неттл подбежала ко мне и весело закружила за руки. — Все веселье пропустила! Госпожа Кларисса пела нашу песню про диких дочерей!

— Отпусти! — прохрипела я. — Неттл!

Кто-то нацепил мне на голову венок из роз. Лепестки упали к моим босым ногам. Я дрожала как в лихорадке, не в силах пошевелиться.

Только тут до них дошло, что со мной что-то не так.

— Рита, — дотронулась до моего плеча Неттл, — ты в порядке?

Учитель, что научит и утешит. Надо лишь отдать ему взамен все, о чем он попросит...

Я закричала, закрыв лицо руками.

Дора!

Взмах крыльев бабочки. Часть I

Вы не против очередной теории?

Пекло, кажется, этот лес уже проник в мою кровь и плоть. Не знаю, сколько прячусь здесь. Я ослаб, не могу даже выйти за водой к роднику. Дело не в ране и не в голоде.

Печаль. Накатывает, как только даешь слабину. Как только останавливаешься в бесконечном беге рутины. Как только потакаешь своей прихоти в отдыхе.

Зачем это все? Ты знаешь, что сдохнешь в любом случае. Решил, что имеешь право остаться в живых?

Ладно, что там про насекомых?

На самом деле это называется «Теория хаоса». Суть проста: «Взмах крыльев бабочки на одном конце света вызывает цунами на другом». Малейшее действие имеет последствия. За все придется отвечать.

Оглядываясь на те далекие, поросшие былью годы, я четко осознаю, что «бабочек» в моей жизни было много. Но самой важной, самой большой была та, что сделала свой взмах

во второй день осенней поры Жасмина.

Всю историю вывернули наизнанку. Что было бы, иди все по-прежнему?

Не было бы меня.

Думаете, что я разбрасываюсь пафосными речами налево и направо? Но это правда.

Если бы не отчаянная авантюра, затеянная Маргаритой Прикер, то меня бы просто-напросто не было в живых.

***

— Ни один Самайн не обходится без говна, — Адам устало потер переносицу. — Фланн, тебя ждет Шен... То есть сэр Рейган. Пулей дуй на выход. Остальным вернуться к заданиям.

Мы снова дружно переглянулись. Ни разу ни одного из нас не вызывали на индивидуальную миссию. И почему-то только Фланна, не самого блестящего студента, отправили ассистировать следственной комиссии!

Не спрашивайте, откуда во мне было столько зависти. Сам ума не приложу.

— Можно ли поинтересоваться, в чем собственно повод? — я нарочито лениво потянулся на стуле.

Капитан приблизился ко мне и произнес с таким видом, словно я нанес ему самую смертельную обиду на свете:

— Можно. Вот только я тебе не отвечу. И никому из вас! Быстро разошлись по занятиям!

Бедный наивный капитан Горн думал, что я так просто сносил его придирки. Но он не знал о масштабном отчете с полным описанием его промахов, который я собирал на беднягу еще с незаслуженного наказания после ночи регистрации.

Ко второму дню осенней поры Жасмина отчет насчитывал около ста страниц. Ляг он на стол к сэру Персивалю — Адам и правда бы оказался в любимой автомастерской своего отца где-то в северном Лондоне, где всегда мечтал работать.

Но я решил подождать еще одного-двух прецедентов для более полной картины. Потому не пошел на прием к директору.

Я решил дожидаться рассказа своего верного осведомителя в лице Томаса Нарта, а сам пошел на финальную консультацию к даме Адамантис.

Показ прошел успешно. Даже несмотря на то, что в те дни Тварина вынесла мне мозги утренней истерикой «Почему ты ушел и не попрощался». Ярмарка должна была состояться на третий день осенней поры Жасмина.

Дама Адамантис не сразу заговорила со мной. Сначала она долго и придирчиво рассматривала финальные документы для презентации проекта, затем почему-то задумчиво смотрела на меня. Когда же соизволила говорить — слова доносились из ее рта словно валуны.

— За два месяца вы проделали прекрасную работу, Нилионский. Мои поздравления. Эта консультация чистая формальность.

Слова дамы Адамантис не стали для меня новостью. Я знал, что все было проделано идеально.

Испытания на полигоне показали, что скорость мотоцикла увеличилась в полтора раза за счет модификации конструкции двигателя. А улучшенная экипировка с чувствительностью помогала водителю чуть ли не на силе мысли менять направление и выполнять даже самые сложные маневры.

— Благодарю вас, — я сдержанно кивнул, лишь слегка приподняв уголки губ.

Она продолжала молчать. На лбу появились морщинки. Это был дурной знак.

Когда такая женщина о чем-то задумывалась, стоило напрячься.

— Алан, позвольте спросить, — ее голос прозвучал неожиданно плавно, даже не резко. — Вы проделали такую колоссальную работу в одиночку?

Ох, плохо дело.

— Подозреваете меня в воровстве? — я приподнял бровь, изображая искреннее удивление.

Валериана Адамантис была умной женщиной и понимала, что поднимать скандал накануне события, которое точно посетит весь высший круг Тинтагеля, будет, мягко говоря, накладно. Тем более, доказательств у нее не было.

Запасная панель и учетная запись я давно стер. Отчетная документация по проекту с использованием морока уже лежала на столе у сэра Уильяма. Также было подписано заявление, разрешавшее мне отлучки на выходных в «центр ночного пребывания» для поправки общего состояния здоровья. Даже чеки с королевской печатью отца присутствовали.

Знаете, чему учатся дети, выросшие в токсичных семьях с вечно занятыми родителями?

Детальному и обстоятельному вранью.

— Я ни в чем не желаю обвинять вас, Нилионский, — признала та. — Мне просто любопытно, сколько усилий было затрачено...

Не так уж много. Всего лишь несколько бессонных ночей и статья из дамского журнала «Как дойти до пика в постели». Не пришлось даже сильно стараться.

— Достаточно, — потер я виски пальцами. — Надеюсь, они будут вознаграждены. Правду ли говорят, что мне прочат приз победителя?

Конечно, оставался человеческий фактор в виде обиженной женщины. Но что она могла сделать против потенциальных обвинений в домогательстве?

Я был готов принести в жертву свою честь ради победы. В конце концов, женщины тоже могут насиловать! И разум, и тело, и вообще все вместе!

— Не могу говорить о всем судеюстве, — дама Адамантис сделала небольшую паузу. — Если завтрашняя презентация пройдет идеально, то...

Победа будет моей в любом случае. Ох уж эти женские ужимки.

— Понимаю, — улыбнулся я, — Разрешите идти?

— Вольно, — закончила наш разговор она.

Небольшой совет для самонадеянных юношей: опасно недооценивать обиженных женщин и их не менее обиженных подруг с повышенным чувством справедливости.

***

Когда я пришел на ужин, то увидел всю команду в сборе. Фланн сидел во главе стола и что-то рассказывал в привычной для него экспрессивной манере. И все, даже Томас с неподдельным интересом слушали его рассказ.

В ту самую минуту я понял, насколько безнадежно далек от них, и что мне никогда не заработать их признания, сколько бы стараний я не прикладывал.

Я лучше всех проявлял себя в командной работе. Вливался в беседу, даже мог вести ее сам. Но они по-прежнему меня боялись и ненавидели.

Невыносимо. Больно.

Именно потому я ушел с ужина, захватив лишь пару кусков хлеба.

Если бы я остался, то узнал бы причину, по которой вызывали Фланна.

Когда нужна помощь разведчика, который умеет читать чужие следы и обладает навыками поиска?

Верно: пропажа человека.

Догадался ли я об этом? Нет. Мой разум был занят очередными терзаниями по поводу того, почему же такой замечательный принц всегда один.

Я пошел в свое любимое место, единственное, где ощущал себя свободно и безопасно — в мастерскую якобы в последний раз проверить мотоцикл перед тем, как его утром заберут на ярмарку.

Уютный полумрак, пыль под светом ламп — мой второй дом встретил меня приветливо. Так показалось на первый взгляд.

На второй я заподозрил неладное. Никаких видимых признаков не было, только лишь чувство, что кто-то пристально наблюдал за мной.

И запах. Незнакомый и знакомый одновременно. Что-то фруктово-цветочное.

Я взял со стола учебник высшей математики и произнес негромко, но весьма угрожающе:

— Я вооружен и знаю, как добраться до кнопки вызова охраны. Советую выйти и сдать, не доводя ситуацию до предела.

Раздались легкие и практически неслышные шаги. Невысокая фигурка в темной кофте с капюшоном и таких же темных штанах из грубой ткани вышла из-за угла, держа руки над головой.

Если бы я остался тогда в столовой или решил уйти спать пораньше, то не встретился бы тогда с самым ненавистным мной человеком во всем Централе.

Но бабочка сделала свой взмах. Мы с Маргаритой Прикер встретились в полутемной мастерской Тинтагеля вечером второго дня осенней поры Жасмина.

***

— Этому есть объяснение, — сказала она первым делом.

— Думаю, служба безопасности с удовольствием его выслушает, — ядовито ответил я, отходя подальше и показательно доставая панель из кармана пальто

К моему удивлению, девчонка активно закивала головой:

— Да-да. Всю честную компанию созывай. Давай еще своих супер-пупер телохранителей!

Я замер в недоумении. Можно было бы счесть эту фразу за сарказм, если бы только у нее было достаточно ума, чтоб так шутить. Но Прикер смотрела на меня с надеждой и чуть ли не подпрыгивала от нетерпения.

— Я вообще Адама искала, — трещала она своим писклявым голоском, — но так будет даже лучше. Что ж ты медлишь? Звони давай!

Происходящее напоминало дурной анекдот, потому я скрестил руки на груди и процедил:

— Что это все значит? Розыгрыш?

Девчонка что-то простонала в ответ, почесала переносицу и заговорила куда более медленно и плавно:

— Так, слушай, я понимаю, что наше знакомство началось вообще не шоколадно, но мне нужно, чтобы ты меня выслушал. Кажется, тебя хотят убить.

Ситуация превратилась из анекдота в полнейшее издевательство. Мало того, что она

незаметно пробралась в мастерские, так еще и пыталась меня обдурить! Прикер видимо сочла мое замешательство за заинтересованность и продолжила тараторить:

— У меня недавно пропала подруга. Гвардия была, конечно, тыры-пыры, но они не понимают всю серьезность! Клэр велела молчать, но я боюсь, что Дора...

Знакомое имя. Даже слишком знакомое. Что говорит в этом случае отец? «Ни одно совпадение не случайно!».

Я жестом остановил девчонку и спросил, подавляя желание начать трясти ее за плечи:

— Давай еще раз с самого начала. Кто, куда и зачем пропал?

Она перевела дух и заговорила очень медленно, отчетливо и внятно:

— Моя подруга и соседка, Долорес О'Салливан пропала на Самайн. И я боюсь, что она попала в дурную компанию, которая хочет тебя... Ну того самого... Прикончить, короче!

***

Гвардия думает, что дело в ее дяде и тете, с которыми она в перманентном сраче уже года три, — сказала Прикер.

Гвардия так-то права, но госпожа Кларисса запретила ей говорить больше этого. Да она и сама не вчера родилась, понимает, что к чему, — утверждает та с гордым достоинством.

На самом деле, Дора хочет восстановить какую-то там справедливость. Забрать то, что другим не принадлежит. И она нашла какого-то Учителя, который ей все покажет и расскажет. А потом еще и на деньги кинет, и это в лучшем случае! — она так яростно махала руками, что чуть не сбивает меня с ног своими острыми локтями.

Дора хорошая, просто человек непростой. У нее родаки походу сектанты были, потому и сгнули без вести. А сама Дора ничего такого не делала! Только Зверя много поминала! У нее, наверное, крыша из-за парня поехала! Нет, к нему точно идти резона нет. Он фуфел, — на этом моменте Прикер, кажется, захотелось блевать.

Дора забрала из комнаты все вещи, пока Прикер... Была в другом месте. Гвардия ничего не нашла. Но госпожа Кларисса совершенно зря не дала ей рассказать все! На самом деле Дору втянули в дурную историю, потому что ей нужно было выкупить дом у этих извергов! Задурили голову бедняжке! Наверняка сказали, что можно ограбить какого-нибудь толстосума и получить все и сразу! Это же считается за справедливость? Определенно да! — Девчонка ударила себя по худой коленке с таким видом, будто решила сложнейшую задачу.

Так зачем она пришла? Дора сечет в механике и прочей точной лабуде. Работала она нелегально, но от нее постоянно несло машинным маслом, стружками и металлом. Значит, что-то связанное с машинами. Прикер уже хотела пойти по сервисам ремонта, но ее тормознула девчонка со старших курсов и просила передать, что больше за О'Салливан в смену выходить не будет. Так девчонка и узнала, что старый добрый знакомый отца Доры устроил их обеих ночными уборщицами в мастерские Тинтагеля...

— Так дело и было! — закончила свой рассказ Прикер. — Вообще я искала Адама, думала, он точно работает по вечерам. Но раз напоролась на тебя... Лучшей кандидатуры для грабежа и смертоубийства не найти, уж прости. Ты богатый и совершенно невыносимый. По всем пунктам попала. Так что набирай свою секретную гвардию и давай решим вопрос полюбовно. Ты накроешь плохих парней и получишь плюсиков в карму. А я... Я верну свою подругу домой!

Я не понял практически половину слов из этого пространного косноязыкого монолога

на десять минут. Очевидно было лишь одно: Прикер непроходимо тупа. Или наивна. И неясно, что было хуже для нее. Но как много она рассказала? Ничего не утаила?

Точно ли Дора забрала все вещи? Не осталось ли нитей, что вывели бы на меня?

— Наверняка у нее дома есть что-то, что указало бы на этих тварей! — мыслительный процесс Прикер отражался абсолютно во всем, даже в ее речи. — Я слышала, что главный следователь, придет туда завтра после Светлой поры. Мы успеем туда раньше них!

С этими словами она потянула меня за руку. Я отшатнулся, словно меня ударило тысячами электрических зарядов.

— Послушай! — девчонка во второй раз взывала к моим чувствам, которые я точно не хотел растрчивать. — Мы тебе не нравимся, знаю. Но если ты поможешь мне, то я докажу, что все слухи про Дору — ложь! Никто не знает ее настоящую! Только я!

Добраться до дома. Найти доказательства, если они, конечно есть. Убедить Прикер, что во всем разберешься, и сплавить ее в эту выгребную яму назад. Будет протестовать — пригрозить ссылкой в Пустоши.

Легче легкого. Как конфетку у ребенка отобрать. Но все же...

— Почему ты так легко все рассказала? — не выдержал я.

Девчонка поглядела на меня исподлобья. Меня поразило то, как ее взгляд не совпадал с ее тоненьким, искаженным переводчиком, голоском.

— Ночь на дворе, до Адама не дозвониться, — развела она руками, — Брать добро нужно везде, где только можно достать.

***

— А тут есть что-то вроде радио? — Прикер барабанила пальцами по стеклу.

Когда мы садились в салон служебного автомобиля, я ясно дал понять, что единственный приятный звук для меня — тишина. И до поры до времени мне казалось, что девчонка поняла с первого раза.

— Нет, — солгал я. Чего мне определенно не хотелось — слушать ее глупую примитивную музыку.

Прикер поджала губы, а затем вытащила из кармана смарт-панель, надела наушники и сползла по сидению, закрыв глаза. На ее лице расплзлась блаженная улыбка. Я позавидовал тому, как легко та могла «переключаться». К тому же, путь до дома Доры предстоял долгий, практически через весь Централ. Нужно было себя хоть чем-то занять.

— Правая кнопка на панели, — я притворился, что занят рассматриванием вечерних улиц через затемненные бронированные стекла, — Можно переключить на динамик. Только не громко, пожалуйста. Нас могут услышать.

— Через такую защиту? — девчонка принялась колдовать с панелью управления. — Тут хоть кричать можно, не заметят. И не смотри так удивленно: у Элины такая же тачка, только финтифлюшек меньше, а тупых понтов больше.

— Можно выразаться яснее? — я подавил подступавшее волнами раздражение и добавил чуть любезнее. — Мне не совсем понятен твой лексикон.

В салоне зазвучала ритмичная громкая музыка. Прикер бухнулась на сидение, прокашлялась и заговорила низким тоном, явно передразнивая меня:

— Охотно, милейший сударь. Транспортное средство в ведении моего дражайшего Куратора принцессы Элины, обладает схожими средствами защиты от пуль внешнего вмешательства, однако интерфейс управления проще, а декора и оснащения для мелкого уюта больше. Так понятнее?

— Да, большое спасибо, — ответил я в тон.

Спустя несколько минут я к своему неудовольствию был вынужден признать две вещи:

Прикер была не настолько глупа, насколько я рассчитывал;

Приятный высокий голос певицы, раздававшийся из динамиков цеплял за душу, и ему хотелось подпевать.

Похоже, я неосознанно начал отстукивать ритм на подлокотнике своего сидения. Девчонка широко заулыбалась, дотронувшись до моего плеча:

— Она классная, правда?

— Неплохо, — машинально признал я. — То есть для Простаков вполне сносно.

Прикер принялась покусывать ноготь и с мечтательным видом произнесла:

— Я впервые услышала ее в девять лет по радио, когда мы ехали с ярмарки. Упросила маму купить один диск, вроде это был «Fearless». И две недели в доме просто невозможно было находиться. Тей-Тей звучала из всех углов...

— Бедные родители, — пробормотал я под нос.

Неловкий разговор закончился так же быстро, как и начался. Я принялся мысленно перебирать все способы, с помощью которых Долорес могла бы до меня добраться. К своему внутреннему удовлетворению, буквально через несколько мгновений, я заключил, что таковых просто напросто не было.

Прекрасно охраняемое общежитие, личный автомобиль с бронезащитой, сквайр со знаниями медицины...

А если мотоцикл? Она могла его испортить? Нет, невозможно. Я сам проверил его несколько раз. Двигатель и тормоза в порядке.

— Прости за маму, — я снова ощутил на своем плече крохотную ладонь.

Девчонка смотрела на меня не заискивающе и не моляще. Это был на удивление взрослый взгляд, в котором сквозила жалость.

Которую я не выносил.

— Неважно, — сказал я как можно более небрежно, пытаюсь стряхнуть руку.

— Важно, — хватка стала чуть крепче. — Если Элина пострадала из-за меня, то очень важно.

— Элина в порядке, — я отодвинулся чуть дальше. — Просто напилась, проблевалась, выпросила у папочки очередное извинение, и живет теперь счастливо.

Прикер поджала губы. Очевидно, ей не понравилось то, что я сказал о ее кумире.

— Элла, может, и позволяет себе лишнего за обедом, — произнесла она пламенно, — но она хороший человек!

— Конечно, — кивнул я, потирая виски. — Повторяй перед сном десять раз, может и правда поверишь в это.

— Тебе обязательно мне перечить? — девчонка тряхнула своей лохматой рыжей шевелюрой.

— Тебе обязательно нести чушь? Знакома с нашей прессой?

— Я не умею читать на маджиклете! — огрызнулась та. — И времени нет! К тому же, там ее обсирают! Ни одного слова правды!

Мне надоел этот бессмысленный спор. Именно потому я решил говорить на языке фактов.

— Хочешь правды? — протянул я. — Вот тебе правда из первых рук. Элина решила увести тебя в наш мир, потому что ей страсть как нужно было разыграть карту хорошей

девочки.

— Зачем ей это надо?

— Ее мать опозорила всю семью, изменив с половиной королевского двора, а потом их бросила.

— Отец тоже не лучше!

Все-таки читала.

— У мужчины, моя дорогая, есть потребности, которые надо удовлетворять.

— То есть у женщины их быть не может?

— В первую очередь, Гвеннет мать, а не женщина, — процедил я. — И эту роль она провалила. Элина поэтому алкоголичка. Еще и чародейка отвратительная.

— Она будущая верховная Лефарии! — гордо вскинула подбородок девчонка. — Не за красивые же глазки!

Во рту появился вкус желчи. Мне адски захотелось хорошенько потрясти идиотку, выбив из нее всю дурь.

— Она кронпринцесса! Ей что угодно дадут за красивые глазки! — медленно и членораздельно ответил я. — Ты хоть раз видела, как она колдует?

— Да! Она пускала серебряные огоньки...

— И на этом все? — я приподнял бровь. — Дорогая, ее бабушка могла устраивать звездопады! Ее мать в лучшие годы одним щелчком освещала самую темную ночь! А Элина не может ни-че-го!

Прикер в немом ужасе уставилась на меня. Даже после того, как я открыл ей глаза на принцесску, она продолжала за нее волноваться.

— Всем на нее плевать? Никто не может ей помочь?

— Элине плевать на саму себя, — я закатил глаза, — Если чародейка о себе не заботится, то никто о ней не позаботится.

— Зачем ты это рассказал? Чтобы меня задеть? — у Прикер задрожал подбородок и заблестели глаза.

Машина остановила ход. Я вышел на улицу, вдохнул холодный сырой осенний воздух и ответил:

— Затем, чтобы ты поняла: люди королевской крови тебе не друзья. Не были и никогда не будут. Мы всегда выбираем себя. А теперь идем. Не хотелось бы, чтоб нас заметили.

***

— И где этот дом? — топнула ногой Прикер, растерянно оглядываясь по сторонам.

Мы стояли посреди безлюдной темной улицы, окруженные покосившимися старыми деревянными развалюхами. Некоторые окна были освещены тусклыми светильниками, некоторые зияли пустотой выбитых стекол.

Я всегда приходил на встречи с другой стороны квартала, более презентабельной, потому что раньше мне не бросались в глаза бедность и убожество жизни Долорес. Наверное, слишком занимала цель, а не путь к ней.

Девчонка достала из кармана кофты замусоленную бумажку и принялась отчаянно вглядываться в незнакомые буквы, подслеповато шурясь.

— Ты не знаешь, где живет твоя подруга? — я потерял всяческое терпение.

— Откуда? — с отчаянием выкрикнула та. — Она меня никогда сюда не водила!

Я забрал бумажку и сделал вид, что ищу нужное направление. Прикер же топталась рядом, обнимая себя руками и клацая зубами.

— Можно, пожалуйста, не издавать этот звук? — спросил я.

— С р-радостью, н-но м-мне х-холодно! — возразила она.

— Разумеется, до зимы всего ничего! Почему ты не оделась теплее?

— Ох, н-ну п-простите, ч-что с-смею р-раздражать! — Прикер попыталась сделать книксен, но не смогла из-за дрожи. — М-может мне прям тут ок-колеть?

Эта картина до сих пор стоит у меня перед глазами. Маленькая съездившаяся фигурка в огромной нелепой черной кофте с медведем. В длинных рыжих волосах мелькают капельки мороси. Щеки и пальцы багровые от холода. А в глазах — отчаяние.

Меня словно что-то кольнуло в области сердца. Я долго не мог объяснить случившееся далее ни с точки зрения логики, ни с точки зрения здравого смысла.

— Ты прекратишь меня бесить, если согреешься? — я накинул ей на плечи свой плащ, сам оставшись в свитере.

— А тебе не будет холодно? — заморгала она своими огромными голубыми глазищами.

— Нет, — помотал я головой, решив не добавлять, что на Нилионе в осеннюю пору Жасмина стоят такие морозы, что даже пар изо рта превращается в лед.

Плащ из лучшей шерсти для мелкой ведуньи потому что... Мне хотелось, чтобы она перестала дрожать?

Бред.

Наконец мы двинулись вниз по улице и свернули в переулки, потому что я боялся, что наш чересчур громкий разговор могли услышать. Девчонка едва поспевала за мной, семеня своими маленькими ножками, потому пришлось сбавить темп и идти медленнее.

Все же мне не давали покоя эти несостыковки. Прикер и правда была там в первый раз. Неужели...

— Ну, так что ты там хотела рассказать о своей Долорес? — спросил я. — Ее любимый цвет? Как вы заплетали друг другу косички на ночь?

— Нет, — помотала девчушка головой. — Тем более у нас такого не было.

— Боюсь предположить, чем ты меня планировала убедить в ее непогрешимости, — продолжал докапываться я. — Рассказы других подружек? Ваш шабаш по выходным?

— Дора много работала по выходным, и я не знаю, есть ли у нее подруги.

Я замер на месте и развернулся лицом к ведунье. Мне определенно не нравилось такое положение дел.

— Дорогая, — спросил я с напускным спокойствием, — ты не знаешь, где она живет, что любит, есть ли у нее еще друзья... Ты вообще хоть что-то о ней знаешь?

— Знаю, но не так много! — продолжала упорствовать та.

— Как зовут ее родителей?

— Не знаю, но причем...

— Ее день рождения?

— Ей восемнадцать с половиной, значит... Зимой?

— Что она любит есть на завтрак?

— Не знаю...

— Даже не буду спрашивать про первую любовь и какого цвета на ней были носки, — съязвил я. — Ты не знаешь. Потому что вы не подруги.

— Подруги! — завопила девчонка, закрыв уши руками.

Я продолжал говорить, хоть и понимал, что перешел черту. Меня переполняла невероятная злость. Но не на Прикер.

Я злился на Долорес О'Салливан, которая рассказала первому встречному любовнику, что у нее нет близких друзей, любимый цвет черный, а родителей звали Белроуз и Хильда, а той, что ради нее рисковала всем, не сказала даже свой адрес.

— Вы не подруги, — отрезал я. — Она просто тебя терпела, потому что ей велели следить за дурочкой-первокурсницей.

— Ты не смеешь...

— Смею, потому что смотрю в лицо правде. Элина хотела поиграть в благотворителя, но поняла, что не потянет такую идиотку, как ты, потому забила на свои обязанности.

— Ты опять говоришь про Элину, чтоб сделать мне больно? — Прикер дрожала, пусть у нее на плечах и был мой плащ.

— Может быть, боль тебя вразумит! — я чудом не перешел на крик. — Ты никому из них в бок не уперлась! Они ради тебя пальцем не пошевелият!

— Врешь!

Я с шумом вздохнул и прошипел, выплескивая всю злость:

— Тогда почему ты здесь одна? Где они все, когда так тебе нужны?

На ее красным щеках застыли дорожки от слез, а из глаз катились все новые и новые. Но голос, уже не писклявый, а низкий и хриплый, звучал твердо:

— Мне жаль, очень-очень жаль. Но нет, ты не заставишь меня перестать верить людям.

— Да причем тут... — я уже хотел заорать в ответ, но вовремя взял себя в руки. — Впрочем, плевать. Живи в своей стране сказок и дальше!

С этими словами я резко развернулся и пошел вперед. Неведомое доселе чувство грызло меня изнутри, не давая сделать вдох.

Или это просто был голод, потому что кроме тех двух кусков хлеба, я больше ничего не ел?

— А можно не издавать такие звуки, пожалуйста? — передразнила меня Прикер.

Я грозно посмотрел на нее, но урчание в желудке смазало весь эффект. Девчонка фыркнула со смеху, вытащила из недр карманов своих брюк батончик в потрепанной обертке и протянула мне его со словами:

— Ешь. Это не нормальная еда, но хоть что-то.

И снова этот укол в области сердца. И снова грызущее чувство в животе, которое еще и получило топливо в виде сладкого.

Ты знаешь, что я о тебе думаю. Ты знаешь, что я ненавижу твой вид и твоих мерзких друзей! И ты правда настолько глупая, раз думаешь, что этот чертов батончик и глупая певунья что-то поменяют?

— Не переживай, я его брала немытыми руками, — она словно читала мои мысли. — И в кармане у меня следы жуткой-прежуткой отравы. Колдую тебе холеру через три, два...

— Дом! — я увидел в просвете между двумя покосившимися знакомые очертания фасада.

— Эй, а что, холеру уже не хочешь? — ведунья запуталась в полах моего пальто, едва поспевая за мной.

***

— Как же сюда зайти? — девчушка осматривала крыльцо дома, залазя в щели между досками. — Где она могла спрятать ключ?

Глиняный потрескавшийся горшок рядом с дверью.

— Может быть в горшке поискать? — предложил я. — Слишком хорошо стоит.

Прикер вытащила старый ржавый ключ прямо из глубины горшка и вопросительно уставилась на меня.

— Навскидку предложил, — развел руками я. — Кстати, ключик потом протри. И лучше что-то надеть на ноги, чтоб следов...

— А можно просто пшикнуть мороком! — меня окутало белое душистое облако. — Он не оставляет никаких следов!

— Где ты... — закашлялся я. — Достала пеклов морок?

— Места знать надо, — девчонка распахнула дверь. — Заходим!

Жилище Долорес встретило нас мертвой и пугающей тишиной. Повсюду клубилась пыль, но комнаты были явно убраны перед тем... Перед чем?

Глупости. Просто решила навести порядок после ссоры. Так по-женски.

— Мне здесь не нравится, — вдруг прошептала Прикер. — Нехороший дух...

— Призовешь бывших владельцев? — хмыкнул я. — Узнаем про череду загадочных смертей?

Она отмахнулась от моих колкостей и вдруг задумчиво подняла взгляд вверх:

— Посмотрю, что у нее в спальне. А ты проверь первый этаж.

— Да, госпожа командир. Что-то еще?

— Зеленого чая с мятой и молоком, — улыбнулась девчонка, перед тем как быстро взбежать по лестнице.

Я не видел никакой нужды в осмотре дома, потому лишь создавал видимость активной деятельности. На мой взгляд, все было очень просто: Долорес ушла в загул. Или решила залить горе. А дурная компания...

Ведунья Прикер была по-детски наивным цветочком, любую пьяную компанию могла принять за дурную. Девчонке просто не повезло родиться с печатью зла.

Погруженный в мысли, я не заметил, как оказался в глубине прихожей рядом с плотно закрытой дверью, незаметной на первый взгляд.

Если бы я не нашел эту дверь, то потерял бы лицо. В прямом смысле.

Моего плеча коснулась горячая как раскаленный металл ладонь.

И с силой толкнула вперед.

Взмах крыльев бабочек. Часть II

С Прикер случилась какая-то странная перемена. Я не мог разглядеть лица, но по рукам, скрещенным на груди, угадал внутреннее напряжение. И даже голос стал тише и приглушенней.

Печальней?

Впрочем, судить было трудно. Я чуть не упал на пол, но вовремя схватился за стену и слегка ударился головой. Перед глазами плясали цветные искры, тошнило и мутило.

— Дорогая, ты по слепоте нечаянно наткнулась на меня? — я постарался не выдать внутренней паники. — Или ты просто рехнулась?!

Прикер усмехнулась. В ее голосе больше не было привычного писка, ему на смену пришел тихий вкрадчивый тон.

— Знаешь, Алан, — встала она напротив меня, — некоторые считают меня дурочкой, но это не так. У меня особый взгляд на мир. Я всегда даю людям вторые шансы.

Я попытался отойти подальше, но девчонка с внезапной прытью, преградила мне путь и оттеснила назад к стене:

— Это и правда дурость, если честно. Но обо всем по порядку. Дора правда мало

рассказывала о себе, но кое-что все же узнать удалось. Ее семью разрушило падение Арилии. У бабушки отобрали аптеку по глупому подставному обвинению. Родители самоустранились, дядя и тетя постоянно угрожали, что заберут дом — единственное, что у нее осталось. Учеба тяжелая, работу тяжелая и за гроши. Но у нее был луч света в этой безнадее. Мальчик. Красивый мальчик, в которого она влюбилась без памяти.

Мне показалось, что из проема убрали весь воздух. С трудом сохраняя лицо, я произнес: — Удивительная история. Причем здесь я?

Внезапно лицо Прикер начало постепенно покрываться красными пятнами, но она продолжила рассказ:

— Адам мне не поверил, сказал, что это бред. Я и сама не хотела. Ну да, ты часто засиживался в мастерских допоздна. Ну да, отлучался по выходным. Но ведь принц Алан ненавидит ведуний, сам факт подобной связи невозможен.

— И от твоего общества особой любви у меня не прибавляется, — прорычал я сквозь зубы. — Пропусти немедленно, а не то...

— А не то что? — девчонка медленно склонила голову набок и улыбнулась. — Ударить меня? Или только на словах силен?

Она словно светилась изнутри золотым, убийственным сиянием. От ее рук исходил испепеляющий жар, который мог расплавить до костей.

Страх сковал мое тело и разум, мешал мыслить трезво. Потому я не смог ее даже отпихнуть.

— Так и знала, — усмехнулась Прикер. — У меня правда не было никаких доказательств. Да и верить на полном серьезе, что ты, идеальный принц, способен на такое... В общем, я решила в последний раз поверить людям. Я решила поверить тебе.

Панель. Нажать на тревожную кнопку, вызвать Ленарда, службу безопасности и покончить с этим!

Я незаметно ощупал карман брюк и в ужасе понял, что ничего там не было. Все лежало во внутреннем кармане пальто.

— Вот эту штучку потерял? — девчонка покрутила в руках мою потерю. — Моя, конечно, лопата по сравнению с твоей. Там еще и талисманчик от ведуний лежал. Жуткая срань. Я ее выбросила по дороге.

С этими словами она бросила панель на пол и раздавила ботинком.

— Не бережешь ты хорошие вещи. Так что там про веру? Мой план вышел хуже некуда: подозрительное появление, сырая легенда и вот это вот бесячее: «Ну, пожалуйста, ну помоги мне найти подружку! Будешь таким хорошим мальчиком!»

На этих словах девчонка заскулила, пародируя свой писк, а потом расхохоталась, запрокинув голову вверх.

Мне стало страшно, как никогда. Злая и сумасшедшая ведунья в опасной близости. На что она способна?

— Меня хватаются, Прикер, — попытался я воззвать к ее разуму. — Наследный принц Нилиона пропадает посреди ночи с ведуньей...

— На служебной машине? — усмехнулась та. — Значит, папочка вызвал. Даже Адам побоится беспокоить короля Эйла, про Ленарда вообще молчу. Что до твоего родителя... Я со второго этажа ему три раза звонила, наткнулась на какую-то тетку, которая сказала, что родителя не надо беспокоить до ближайшего сеанса связи. Так что... До утра тебя никто не хватится. А большего мне и не надо.

Если бы я не отгородил себя стеной от всех, даже от Ленарда, пытавшегося быть мне другом, то меня бы хватились. Но все решили, что я угрюмый одиночка, решивший провести ночь в компании любых машин.

— Я долго думала, как же выманить тебя на чистую воду, — прервал мой поток самокопаний голос Прикер. — И вдруг поняла, что ничто не обезоруживает так, как это делает доброта. Потому я решила быть настолько милой, чтоб аж тошнило. И тебя ведь это бесило, да? Наивная лапочка Рири верит, что все люди хорошие, кормит сладостями, трогательно мерзнет. Ты так быстро потерял осторожность. Сразу нашел дом и ключ. И вел себя тут так, будто знаешь его...

— Ты понимаешь, что это все равно не доказательства?! — заорал я. — Это все твои догадки, Прикер! Тупые догадки!

— Да, — неожиданно согласилась та со мной, — просто тупые догадки. Потому мне нужно было попасть наверх. Увидеть ее спальню. Если честно, я решила, что ты прошел проверку. Да, ты грубый Придурок, которому плевать на всех, кроме себя, но ведь за это не наказывают. А потом я увидела стереографии.

Она швырнула их на пол, точно ревнивая жена, получившая доказательства измены. Я вгляделся в изображения и с ужасом увидел на них себя.

Спящего и накрытого лишь одеялом себя.

— Человек под пеленой морока видит лишь то, что хочет видеть, — Прикер смотрела на меня с неприкрытой злобой. — Но я вижу правду, такой у меня дар. Проведя пару бессонных ночей и спустив все деньги родителей, поняла, что могу его убирать. Вот честное слово: искала презерватив под кроватью или вторую смарт-панель Доры. А нашла золото.

По спине побежал холодный пот. Я был разоблачен. И мое молчание еще больше вывело ее из себя.

— Даже оправдываться не будешь? — выдохнула она. — Гордишься собой?

У меня оставались в запасе два преимущества, которое всегда выручали: ораторский дар и натура бесчувственной сволочи.

— Если честно, — прокашлялся я, — это восхитительно. Работа настолько масштабная и выполнена... За неделю? Дорогая, это поразительно!

Девчонка посмотрела на меня так, словно у меня выросла третья рука. Но то было лишь начало.

— Однако позволь спросить, — продолжал я. — Как ты хочешь применить эти знания? Будешь шантажировать меня?

Этот вопрос явно застиг ее врасплох. Она постаралась удержать лидерство в разговоре, но первенство медленно, но верно начало от нее ускользать.

— Я расскажу Адаму! Всем расскажу!

— Отличный план, — кивнул я, — но давай уточним: ты уверена, что общество отреагирует ровно так, как ты этого хочешь?

— Конечно! — Прикер тряхнула головой яростно, словно отгоняя мысль о том, что есть другой путь. — Идеальный принц не сберег себя до свадьбы!

— Приятно слышать, что ты считаешь меня идеальным. Но только о тебе я не могу сказать того же. Ты здесь всего два месяца, верно? И уже успела устроить суматоху в школе Эйлин. Если попросить госпожу Сагх предоставить твою характеристику, она разумеется представит тебя идеальной студенткой, но что насчет Элины и госпожи Пембрак? Они будут тобой довольны? Ты знаешь, что их мнение ценнее мнения твоего директора?

Прикер закрыла рот и прижалась спиной к стене, словно пыталась удержаться на ногах. Я же наоборот ощутил подъем сил:

— Итак, репутация у тебя хуже некуда. Значит, твоя история несостоятельна. Даже если ты принесешь ворох стереографий, я всегда смогу развернуть историю и выставить себя в выгодном свете.

— Госпожа Кларисса прочитает наши воспоминания и поймет, что ты лжешь!

— Твоя госпожа Кларисса уже стоит одной ногой на выходе из вашей, с позволения сказать, школы, — оскалился я. — Ученица пропала посреди Ночи костров. Думаешь, почему тебе велели молчать? Ей нужно замести следы и самой выйти чистой.

— Она не такая!

— Такая она, такая, открой глаза! — рявкнул я. — Никто из них не вступится за тебя, когда дела пойдут на спад. Вообще поразительно, как ты защищаешь тех, кто вообще этого не заслуживает.

Ее лицо побагровело от злости. Прикер сжала кулаки и прохрипела:

— Да как ты...

— Элина и Долорес, худших подруг на свете не сыскать! — проигнорировал я ее слова. — Одна пьет все, что крепче чая, вторая вообще не понять кто. Что за дурная компания? Как Дора намерена меня прикончить? Да она точно валяется где-то в канаве, потому что это все, на что она способна...

— Заткнись! — заорала девчонка. — Захлопни рот!

— А то что? — склонился над ней я. — Ударись меня?

Не поверите: она правда ударила.

Точнее, повисла на мне, вцепившись ногтями в лицо. Я не знал, куда деться от ее маленьких горячих кулаков, которые били будто раскаленные на солнце камни. Не подумайте, что мне мешала любезность или треклятый принцип не бить женщин.

Прикер была весьма подготовленным бойцом.

Пытаясь стряхнуть ее с себя, я нечаянно наткнулся спиной на ту самую дверь и проломил старое потрескавшееся дерево. Мы оба повалились на пол, и девчонка отлетела в сторону. Это было положительным моментом. А плохим — тот факт, что я своей несчастной спиной проломил пеклову сраную дверь и лежал, заходясь в немом крике. Нос был разбит, прядь волос выдернута с мясом, а правый глаз открывать не получалось из-за пульсирующей боли.

— Вот так, милый? — прохрипела Прикер, сплевывая на землю. — Мужик в нашем дуэте я?

На нее было страшно посмотреть: с рук капала кровь, волосы превратились в один сплошной рыжий колтун, а губы искривились в хищническом оскале.

Но даже перепачканная в своей и моей крови, похожая на серийную убийцу сразу после очередного эпизода, она была...

Прекрасна.

Разумеется, эта мысль ушла на второй план сразу же, как появилась.

— Ты бешеная! — взревел я, отползая назад. — Ты наглухо отбитая!

— Я дочь сержанта полиции, — девчонка оскалилась еще шире. — Папуля учил меня давать сдачи, потому что мальчишки порой бывают хуже чумы.

Она вложила в эту короткую, но яростную атаку все свои силы, потому буквально задыхалась, заходясь в приступе сухого кашля. Второй заход приказал долго жить.

— И чего ты добилась, идиотка? — я оторнул все позывы воспитания держать себя в руках. — Ты завела наследника престола в старый дом на окраине Централа и жестоко избил! Ты хоть понимаешь, что видишь этот прекрасный мир в последний раз?! Сгниешь в...

— Это что за жест? — вдруг прошептала Прикер, глядя поверх меня.

Только тогда я учуял мерзкий запах гнили и разложения.

В самом центре каморки, где мы оказались, находился стол, накрытый черной бархатной тканью. На нем стояла ваза из хрусталя с гнилыми фруктами и серебряный поднос, на котором лежала растерзанная туша маленького зверька. Лужица его свернувшейся крови просочилась в доски пола и смердела так, что меня затошнило.

А венцом «экспозиции» был череп лошади и огромные рога.

— Нет... — только и смог пролепетать я.

Девчонка же с трудом поднялась на ноги и, пошатываясь, побрела к столу. Зажав рукой нос, она отодвинула тушку в сторону и достала что-то прямо из-под нее. От увиденного она истерически расхохоталась.

— У тебя проблемы! — только и смогла сказать она. — Сука, это нахрен...

Я пригляделся получше. В ее руках была моя стереография.

Окровавленная стереография меня с выколотыми глазами, позирующего для королевского ежегодника.

— Проблемы у вас обоих, молодые люди, — неожиданно раздался за нашими спинами знакомый усталый голос.

И прежде чем я успел что-то сообразить, Адам защелкнул на моих руках наручники, а Прикер сказал:

— Малая, не заставляй меня награждать тебя второй парой добровольно. Двигай на выход.

***

— Шеннон Рейган был капитаном моей команды. Мы с ним тайком бегали курить за школу, и он поклялся еще на первой вылазке быть мне верным корешем.

Капитан Горн стоял у дверей карцера Тинтагеля и поджигал сигарету электронной зажигалкой. Я никогда не видел его таким изнуренным и растерянным. А еще злобным.

— Это я к чему веду? — задал он сам себе вопрос. — Если бы я не знал Шена, то ты бы сейчас летел к папке на разборки. А ты, юная леди, уже бы неслась на всех парах в Пустоши.

Прикер, сидевшая на противоположном от меня конце скамейки, хрюкнула со смеху и закрыла лицо руками, заходясь в приступе истерики.

Нас посадили в одну камеру сразу же после того как тайком привезли назад в школу. Адам проигнорировал мои мольбы забрать меня подальше от этой «пекловой твари».

Если бы мы оказались в разных камерах, то ничто бы не спасло вашего рассказчика. Видите ли, я хотел оказаться поближе к выходу из карцера, но по счастливой случайности оказался в самой труднодоступной его части.

Это помогло нам выиграть время и придумать план побега.

— Итак, — посмотрел на панель капитан, — на часах шесть после темной поры. Если за двадцать минут я не услышу адекватной и правдоподобной версии случившегося, то вызываю директоров и перестаю прикрывать ваши жопы. Итак, время пошло. Кто берет слово?

Прикер обнимала себя руками и раскачивалась из стороны в сторону, что-то бормоча под нос, потому слово взял я. В своем рассказе о прошедшей ночи мне удалось сохранить

максимум непредвзятости без перехода на эмоции, крики и оскорбления, что безусловно было поводом для гордости.

Вот только Адам не остался довольным моим отчетом.

— То есть пропавшая ведунья Долорес О’Салливан на самом деле все шесть дней воздавала хвалу Зверю из вашей типа главной книги и готовила злодейский план мести тебе, а потом пошла и что-то сделала с мотоциклом, который ты готовил? — спросил он, оперевшись о стену. — Алан, ты умный мальчик? Ты правда думаешь, что я сожру это говно и поверю в твоё вранье?

— Это правда! — взвыл я. — Надо что-то срочно делать! Вызови гвардию, оцепи Централ!

— Охолопись! — рявкнул Адам. — С какой стати Долорес тебя убивать? Ты что, особенный?

— Они трахались и вместе делали проект, — вдруг подала голос Маргарита. — А потом этот жопошник узнал, что она ведунья, и бросил ее, присвоив все себе. Я б за такое тоже хотела бы убить.

— Заговорила! — повернулся к ней капитан. — Рири, а тебя куда несет? Ты правда готова подкреплять его вранье?

— Чувак, я сама охренела, — призналась та. — То, что он говна кусок, открытием не стало, но то, что у Доры нет вкуса на мужиков... У меня стереографии были даже. Остались в том доме.

Адам несколько раз открыл и закрыл рот, пока наконец не выдал:

— Попытка убедить меня, что вы были хорошими котиками, провалена. Я пошел за рацией, пусть с вами разбираются директора.

Когда дверь за ним захлопнулась, девчонка хрипло расхохоталась:

— Вот так все закончится? Моим родителям хоть пришлют письмо «Поздравляем, ваша дочь сдохла»?

Я же потерял дар речи. Страх ледяным потоком сковал все мое тело, не давая даже дышать. Казалось, даже сердце сейчас остановится от ужаса.

Он все узнает. Отец все узнает. Что будет? Он отречется от меня? Но ведь я его единственный любимый сын! И память о маме! Что со мной будет... Что со мной...

— Максимум — порка. И месяц без сладкого. Это меня размажут по земле, — раздался равнодушный тон мерзавки.

Оказалось, что я все это время лежал, свернувшись ничком на полу, и орал все это вслух. Не выдержал напряжения.

Прикер же на удивление успокоилась. Она прижала колени к подбородку, спряталась в них лицом и простонала:

— Как меня от всех вас тошнит! Вы же типа сверхлюди, несли нам, тупым землянам, Просвещение! А сами... Один не может удержать член в штанах, вторая бухает и истерит, а третья... Третья вообще черепа на стол ставит и зверушек убивает! Сука, как вы так живете?!

— Она придет за мной! — кричал я в приступе паники. — Она меня...

— Долорес не придет за тобой, — процедила девчонка. — Ну облила она твою фотку кровью, ну с кем ни бывает! Я вообще сожгла чучело своего первого краша с мамой. И ничего, все живы.

— Ты не понимаешь! — выл я. — Культ Зверя мстит всем своим врагам, а такой алтарь возводят для врагов!

— Тогда какого хрена медлит?! — злобно рывкнула Прикер. — Вы ж их всех истребили после Арили! Доре просто было больно... Ты бы видел, какой она пришла. Ты же ее, гадина, уничтожил.

— Прости, ей было больно? — истерически расхохотался я. — Это мне больно каждый день! Это меня уничтожают!

Внезапно Прикер посмотрела на меня без злости, но с жалостью и отвращением, как смотрят на мерзких раздавленных насекомых.

— Скажи честно, — спросила она тихим голосом, — как ты выносишь сам себя?

Нас прервал Адам, вернувшийся с рацией и бутылкой воды. Сделав пару жадных глотков, он провозгласил:

— Техники решили устроить ранний осмотр всех экспонатов перед ярмаркой. Поздравляю, Нилионский, твой мотоцикл в порядке. Хотя какая разница, ты никуда не пойдешь.

Облегчение не наступило. Скорее тянущее чувство того, что что-то было упущено, имела место быть оплошность, которая будет стоить дорого...

— Адам, — вдруг резко спросила девчонка. — Муд... То есть Алан и Дора работали только над мотоциклом?

— Нет, — ответил вместо него я, — Экипировка. Супер-чувствительная. Перчатки, жилет и шлем.

— Я их специально сам надел, чтоб ткнуть тебя носом во вранье, — вдруг кивнул Адам, распахивая куртку. — Все работает, Нилионский.

Наш поток разума сработал синхронно. Мы в ужасе уставились на нашего общего друга, который сам того не зная уже сделал роковой взмах крыльев бабочки.

— Капитан, — тихо произнес я, — Прошу, снимите с себя всю экипировку. Сейчас же!

— Нилионский... — усмехнулся тот.

— Адам, делай, что он сказал! — завизжала Прикер. — И брось бутылку!

Прежде чем он что-то ответил ей, всего одна капелька воды упала на внешнюю сторону перчатки, напичканной электрическими сенсорами и датчиками.

Одна капля воды и один промах спас мне жизнь.

Одна хрупкая и внешне слабая девушка и одна вспышка ее праведного гнева разбили мне нос, оставили шрам над бровью и спасли мне жизнь.

Одна дочь бывшей приверженицы культа Зверя со знаниями механики и желанием убивать и одна капля воды забрали у нас капитана Адама Горна.

А вы знали, что поджаренная электрическим током человеческая плоть пахнет совсем как жаркое?

Распутье

Я вижу о тебе один и тот же сон каждую ночь. По началу он добрый и радостный.

Ты сияешь как медный чайник, потому что Фелиция согласилась выйти за тебя. Ты просишь меня быть шаферкой на свадьбе. Именно так. Мы настолько близкие друзья, что ты плюешь даже на своих товарищей из Тинтагеля.

Разумеется, я соглашаюсь. Можно ли исполнить песню для вашего первого танца? А можно разбрасывать рис, когда вы выйдете из церкви? А можно прийти в голубом? А можно реветь навзрыд от счастья, когда священник объявит вас мужем и женой?

Ты поддерживаешь все мои идеи. И я с радостным визгом бегу настраивать Черри на нужный лад.

Затем сон становится печальным.

Я уже помогла твоей жене с платьем и рыдала у алтаря так громко, что меня чуть не увели под руки. И рис я тоже разбросала, крупинки теперь у всех в прическах и нарядах. Песню тоже спела. Конечно это, «Love Story» Тейлор Свифт, кто лучше нее поет о любви?

Теперь я стою на балконе и наблюдаю за гостями, пьяными от шампанского и этой чудесной легкости бытия. Мне почему-то не хочется танцевать. Мне грустно, хочется выть от тоски. Но какого она рода? Светлая?

— Малая, я тебе запрещаю киснуть на моей свадьбе!

Мой дорогой друг, который вот-вот должен стать лучшим. Ты одет в жемчужно-серый костюм. На лацкане пиджака приколата бутоньерка из маленьких роз. Руки почему-то засунуты в карманы брюк.

— Сейчас приду! — я с трудом натягиваю улыбку, пытаюсь отогнать хандру. — Это, наверное, из-за шампанского.

Ты вдруг сам перестаешь улыбаться. Теперь ты тоже грустный.

— Мне тоже что-то хреново, Рири, — признаешься ты, — Смотрю на эту красотен и думаю...

Ты замолкаешь. Твои губы сжимаются в жесткую бледную линию.

— О чем? — легонько касаюсь твоего плеча.

Ты медлишь, прежде чем ответить, вытаскивая руки из карманов:

— Как жаль, что у меня ничего это не будет.

Твои руки чернее угля. Даже кости сгорели. Лицо тоже медленно покрывается огромными волдырями.

Сон превращается в кошмар.

Я хватаю тебя за плечи и зову на помощь. Никто меня не слышит. Никто мне не верит. А ты лишь медленно оседаешь на мраморный пол, хрипя:

— Надо было что-то делать раньше, Рири! Надо было кричать, когда твоя сумасшедшая подружка еще меня не убила! А теперь слишком поздно!

Ты тянешь меня за собой в холодную и черную пустоту. Я не могу освободиться из твоих мертвых цепких объятий.

Кричат три разных Рири

Это я, осознавшая, что никогда не попаду на твою свадьбу.

Это я, проснувшаяся прошлой ночью в поту и истошно вопившая от нахлынувшего приступа паники.

Это я, пытавшаяся ломать прутья камеры и бежавшая к тебе на помощь, крича...

***

— ... АДА-А-АМ!

Прутья были слишком толстые, чтобы расплавить их руками так быстро. Я сжимала их так сильно, словно верила, что смогу переломить их, если чуть-чуть постараюсь.

Он лежал прямо напротив нашей камеры. Дым от удара даже не успел рассеяться. Пахло пережаренным мясом и расплавленным пластиком.

А само тело... Я не буду описывать. Не хочу. Только лишь скажу, что оно сгорело почти полностью.

Но во мне еще теплилась надежда, что все не так ужасно. Что, если успеть вызвать целителей, то те спасут его. А я помогу! Ведь получилось у меня тогда залечить царапину!

Мой разум просто отказывался верить в то, что ты мертв.

— Его нет, — моих плеч коснулись огромные холодные ладони.

Алан в мгновение ока обрел трезвость ума и перестал биться в истерике. Дело же не касалось его драгоценной жопы.

— Не трогай меня! — вопила я. — Мы можем вызвать целителей!

— Мы ничего не можем поделаться! — он развернул меня к себе лицом и хорошенько встряхнул. — Маргарита, он получил сильнейшие удары током! Ты чувствуешь запах?

— Ожоги бывают разные! — вопила я. — Вдруг это третья или...

— Эти самые худшие, — голос Придурока звучал глуше удара камня о землю. — Адам мертв.

Я сползла на пол и завывала, обняв себя руками. Алан тоже устало опустился на скамью, мрачно уставился на труп и прошептал:

— Хотя бы не мучился...

Когда голос пропал окончательно, и сил плакать не осталось, я просто застыла словно глыба из горя и скорби. Хотелось проснуться и понять, что это был лишь кошмар. Что я у себя в комнате, придавлена к кровати тяжелым одеялом и не хочу вставать на занятия.

Хотелось вернуться в Форестсайд к маме и папе. Жить у них под крылышком, быть маленькой.

— Рита? — вдруг коснулась моей макушки рука Придурока. — Тебя можно звать Рита?

— Что надо? — прохрипела я.

— У тебя есть шпилька? Или заколка?

— Зачем тебе? Хочешь новую прическу? — хихикнула я.

— Остроумно, но нет, — в его голосе снова появилось раздражение, — Я хочу сделать отмычку.

— Зачем тебе отмычка? — мой разум не мог работать на полную.

Я медленно открыла глаза. Нилионский сидел передо мной на корточках. На его исцарапанном и испачканном в крови лице еще не высохли следы слез от нервного срыва на полу камеры. Но глаза, темно-синие глаза больше не были безумными, как у загнанного зверя.

Они были живые. И во взгляде чистым потоком билась мысль.

— Мне нужна отмычка, — он сделал глубокий вдох, — чтобы мы смогли выбраться из камеры и свалить, пока твоя дражайшая подружка не заявила по нашу душу!

Одно только упоминание о Долорес заставило меня задрожать от ужаса и паники.

Темно-вишневые глаза Ремарковского героя. Холодная спокойная уверенность. Тонкая улыбка.

Все ложь.

— Рита, — я снова ощутила его руки на своих плечах, — прошу тебя, соберись. От этого зависит твоя жизнь. Понимаешь? Давай еще раз: у тебя есть шпилька или заколка?

— Нет, — покачала я головой, — у меня же хвост. Есть только резинка.

Целая резинка. Оберег. Значит, моя магия сильнее.

Разум вернулся ко мне так же быстро, как и оставил. Запястья под наручниками медленно начали нагреваться. Этого было мало.

Но достаточно, чтобы ослабить замок на двери камеры. И выдавить его.

Вот только не обосрался бы от этого мой дорогой ведуньефоб.

— А зачем нам рация? — решила я его отвлечь глупыми расспросами.

— Затем, что надо связаться с гвардией, — Алан искал под скамьей любой тонкий прут

металла. — Панели нет. Ее же превратили в кусок пластика. Вот только убей не помню, кто это был?

Я сделала вид, что прислонилась от усталости к решетке, но на деле незаметно принялась прощупывать замок, пытаюсь понять, как его вскрыть.

— Почему никто не идет за нами? — Придурок ничего не нашел и со злости пнул ножку скамьи. — Разве никто ничего не слышал?

Сопротивление замка оказалось не таким большим, как я рассчитывала. Нужно было лишь просто надавить, но делать это потихоньку, пока Придурок не заметил.

— Такое нельзя было не слышать, — покачала я головой, — Может быть, стены слишком толстые?

— Тут точно должно было быть минимум трое охранников, — рассуждал вслух он. — И хоть один точно не спал.

— И хоть один должен был прибежать на крики, — вторила я. — Но никого нет...

Мы в ужасе переглянулись. Казалось, наши суждения развивались синхронно, словно мы были двумя половинками одного разума.

— Нам не поможет рация, — глухо произнес Алан.

Вам ничего не поможет, глупенькие.

Рация, лежавшая рядом с рукой Адама, затрещала и сгорела.

Так лучше. Никто не сможет нам помешать.

Я слишком хорошо знала этот голос, чтобы не догадаться, кто это был. Только лишь не могла понять, откуда он шел.

— Как ты меня нашла? — закричал Алан, пытаюсь слиться по цвету лица с серой стеной.

Я почуяла запах лжи и предательства, сразу же взяла след. И не смотри так, я шла по пути Механики. Могу говорить с вами через все оповещатели этой школы.

Часы на запястье буквально обожгли кожу ударами тока. Я согнулась пополам, прижимая руку к животу.

Не надо гулять по ночам с кем попало, Пирожок. Ты знаешь, как сложно настроить локатор, когда объект швыряет из стороны в сторону?

— Ну, конечно. Это не мог быть просто подарок, — прошипела я незаметно пытаюсь магией расслабить ремешок. — Тебе надо было держать меня под контролем.

Не совсем, но об этом чуть позднее. Вижу, ловушка сработала раньше, чем планировалось. Печально, но... Я легко могу наверстать упущенное, раз ты привела меня к настоящей цели.

Часы медленно упали с запястья прямо в рукав. Стоя спиной к свету, я аккуратно начала подтягивать их к манжете, умоляя Боженьку, чтобы резина выдержала.

— Долорес... — Придурок уже не мог шептать, слова едва слышно доносились из его рта. — Прошу...

Завали.

Ему повезло, что никаких электронных устройств поблизости не было. Иначе со мной давно лежал бы второй труп.

Рири, на втором этаже есть помещения, где держали ведуний до изобретения наручников. Посиди там пять минут, пока взрослые решают свои вопросы.

Решетка камеры со скрипом отъехала в сторону. Я посмотрела в сторону лестницы,

ведущей на второй этаж с надеждой, которую не испытывал даже Энди Дюфрейн, глядя с крыши тюрьмы на земли, где мог бы быть свободен.

— Почему ты меня отпускаешь? — я замотала головой, держа часы под манжетой кончиками пальцев.

Учитель велит мне не отвлекаться на посторонних, потому сейчас ты мне не нужна. А еще... Ты была забавным пирожочком.

Придурок стоял напротив меня, замерев как вкопанный. Его серое как облако лицо не выражало ничего, но я уже понимала, как много может скрываться за этой маской.

Он даже не умолял о пощаде, унижаясь и валяясь на полу. Знал, что не поможет. Наверное, в ту самую минуту... Черт, он готовился умереть достойно.

За такое нельзя не уважать. За остальное — нельзя не ненавидеть.

— Дора, — я больно дернула себя свободной рукой за прядь волос, чтобы из глаз побежали слезы, — а можно я возьму отсюда кое-что? Одну щепочку?

Расстояние небольшое, его хватит, точно хватит! Если все получится, то...

Глупо, это слишком глупо, она догадается!

Губы Алана двигались, словно он что-то тараторил про себя. Молитва? Вспоминал всех, кто еще мог бы его любить?

Мне не нужно такое спасение. Если мне суждено тут умереть, то так тому и быть. Но...

Господи, прошу, помоги мне!

Бери, но только быстро.

Я выронила часы из рукава, при этом продолжая выдавливать из себя слезы, потому звука никто не услышал. Затем я наклонилась, словно ища что-то на земле и приблизилась к нему на полшага.

Пойми, что я задумала. Не затупи.

И дай мне руку!

Я схватила его холодную ладонь своей горячей, развернулась к решетке и помчалась со всей дури к заветной лестнице на второй этаж.

Не выпускай! Я не смогу уйти одна! Слишком много крови и без тебя!

И Алан не отпускал моей руки до того момента, пока я не вбежала в первую попавшуюся дверь и не захлопнула ее со всей силы.

***

— Ты меня спасла...

Нилионский с трудом пытался удержать маску спокойствия, держась за белую стену с осыпавшейся известкой. Он походил на ребенка, который впервые в жизни увидел жирафа.

— Принимаю благодарности в денежном эквиваленте! — едва дыша ответила я. — Или тортиком. Тоже классно.

Мне не верилось в то, что мы были еще живы. И в то, что Дора повелась на такой глупый развод. И в то, что я клянчу за спасение этой душонки один торт.

— Как ты вообще до такого додумалась? — продолжал недоумевать Придурок. — Просто как...

У меня не было сил даже возмутиться. Вот в чем была их проблема, их всех.

Они думали, что если я ношу одежду с мультяшными героями, если люблю поп-музыку, если порой выражаюсь нелепо или использую забавные словечки, значит я тупая. Значит, у меня в голове каша. Значит, я ничего не понимаю.

Но вот только это они ничего не понимали во мне.

— Ладно, хватит восторгов, — я остановила его поток сознания жестом. — Если ты думаешь, что спасен по доброте душевной, то зря надеешься. Что подумает общество, если ведунья с так себе репутацией окажется единственной выжившей, а минимум пять мужиков мертвы?

— Что ты тоже причастна, — ответил Нилионский.

— В точку, мой дорогой, — кивнула я. — Так что ты — мой путь на свободу, доказательство невиновности...

— И тот, кто знает, что ты можешь колдовать даже в наручниках, — вдруг чересчур дерзко сказал Алан. — Ты не смогла бы снять часы под такой плотной тканью только лишь с помощью рук. И кожа слишком горячая...

— Да, молодец, возьми с полки пирожок, — отмахнулась я. — Моя, кхм, особенность спасла нас, так что не выпендривайся. Ладно, вернемся к нашим баранам. Если хочешь выжить и вернуться к папе, то засунь свою токсичность куда подальше, сделай глубокий вдох и поработай с мерзкой ведуньей. Сможешь справиться?

Он что-то прошептал в ответ, закрыв лицо руками. Я сочла это за согласие, решив не тратить нервы на пустую церемонию унижения через аттракцион «Повтори еще раз».

— Ладно, договорились, — я поднялась на ноги. — А теперь включай голову и начинай думать.

Алан закрыл глаза, стиснул руки в кулаки и сдавленно взвыл про себя с такой болью, словно ему заживо ломали кости.

А затем он открыл глаза и заговорил четко и быстро, словно робот:

— Обход всех помещений Тинтагеля осуществляется по будням ровно в семь после Темной поры. Скорее всего, сэр Персиваль уже знает, что случилась беда, потому уже доложил гвардии и остальным познанцам.

— Кому-кому?

— Клариссе и Макрае, двум другим главам союза Познания, не отвлекайся, — резко оборвал он мой следующий вопрос. — Не знаю, как с твоей пропажей, но мою и Адама точно заметили, потому они уверены точно в двух вещах: в здании Карцера случилось неладное, и мы оба в этом точно участвуем.

— Тогда почему нас никто не спасает? — топнула я ногой от раздражения. — Ты же вроде один в семье!

— Больше никаких комментариев по поводу моей семьи, большое спасибо, — недобро сверкнул глазами Придуток. — За нами не приходят потому что не могут. Подумай сама: Долорес не могла в одиночку управлять всей электроникой внизу. Значит...

— Культ Зверя правда существует, — прошептала я, чувствуя, как сердце начинает биться быстрее. — И они ее завербовали...

— В точку, — кивнул он. — Прямо сейчас помогают ей удерживать нас внутри. Гвардия не может пойти на штурм, потому они уже должны попытаться вступить в переговоры.

— А как там у вас с проведением переговоров? — осторожно спросила я, боясь очередного всплеска раздражения.

— Уже хороший вопрос, — кивнул Придуток. — И я не знаю ответа. Зависит от множества факторов: что сектанты попросят в обмен, захотят ли вообще вступить в переговоры. Так же, если гвардия знает про то, что Адам погиб, они могут решить, что я тоже мертв...

— Что будет тогда? — сглотнула я, хотя внутренне уже знала ответ.

Алан впился ногтями в свою ладонь, прежде чем ответил:

— Штурм здания. Пленных брать не будут.

Наверное, Рири Прикер из Форестайда уже бы плакала и истерила, требуя немедленно забрать ее отсюда.

Но то была уже не милая Рири Прикер из Форестайда.

То была я. Кем бы эта я ни являлась.

— Говно. Надо показать гвардейцам, что ты живой-здоровый. И что на этой вечеринке затесался плюс один, которого тоже надо вытащить. Ну, красавчик, какой у тебя план?

Алан огляделся вокруг и заговорил тише и задумчивее, словно вел с собой беседу...

— Если все эти камеры охранялись из одного пункта, то должна сохраниться старая панель... И точно должна работать система связи. Но они могут подумать, что это Зверята балуются...

— А есть у вас какой-нибудь условный знак для начальства? — вдруг пришла ко мне в голову мысль.

Алан слабо кивнул.

— Лады, а я посижу тут красивенькая буду тобой восхищаться, — села я на пол.

Вдруг Придурок сел на пол рядом и уставился на меня так пристально, словно я была незнакомым ему алфавитом.

— Почему Долорес отпустила тебя со мной? — спросил он.

— Мы же подруги... — эта фраза прозвучала настолько наивно, что мне самой стало от себя тошно.

Алан лишь покачал головой.

— Часы, — предположила я, — глупо же думать, что она следила за мной? Значит, ей нужна была... Элина? Но зачем? Ограбить в темном переулке?

— Более правдоподобно, — согласился тот. — Но в этом уравнении ты заменима. Элину достаточно просто хорошенько напоить, чтоб ограбить.

Я изо всех сил старалась не пропускать через себя все язвительные комментарии о подруге. Вторая драка точно не помогла бы нашему спасению.

Нашему? Моему! Нет никаких «Мы»!

— Окей, тогда в чем дело? — не выдержала я.

Вместо ответа Придурок достал из кармана брюк обломок от скамьи из карцера и швырнул в меня. Но буквально в сантиметре от моего виска деревяшка рассыпалась на тысячи щепочек.

— Вот тебе и ответ, — показал он на пол. — Ты знала, что так умеешь?

— Нет, — только и смогла пропищать я.

Придурок закатил глаза, но вслух произнес:

— Вынужден признаться: я не разбираюсь в устройстве панелей. А ты не знаешь всех граней своего, кхм, колдовства. Нам придется учиться прямо сейчас. Со своей стороны обещаю сделать все возможное, чтобы отправить сигнал о помощи. Твои гарантии?

Сугробы по пояс. Шоколадный торт. Мамин свитер и запах папиного лосьона после бритья.

— Хочу домой к Рождеству, — ответила я.

***

Солнечные лучи сквозь кружевную занавеску. Яблочный пирог с корицей.

Адам дергается как марионетка, которую уронил кукловод

Улыбающаяся Тейлор Свифт поет о том, что стряхнет все неприятности с себя.

Адам кричит, пытаясь снять перчатки и шлем.

Звуки пианино в пустом хореографическом зале. Папа показывает аккорды на гитаре.

Адам затихает, запах горячей плоти наполняет весь карцер.

— У меня не получается! — простонала я, прислонясь лбом к холодной стене, чувствуя, как закипает кровь в жилах.

Поток времени в этих камерах замедлился и уплотнился, словно его можно было резать ножом. В центре управления камерами едва-едва горел свет, часы остановились, а про остальную электронику и говорить было нечего, кроме того, что она не работала. Только лишь монитор смарт-панели, которую пытался починить Алан, освещал нас слабым голубым сиянием.

— Потрясающе! — отозвался Придурок из-за стола, на котором взгромоздил все, что могло помочь ему оживить эти чудеса техники. — И чего ты ждешь? Конфетку в знак одобрения? Прикер, защита против магии в обивке стен не продержится долго! Мы умрем, если ты не соберешься!

— У тебя самого как дела обстоят? — подошла я к нему сзади.

Придурок настолько устал, что даже не отодвинулся. Он потер переносицу и пробурчал:

— Запустил процесс восстановления системы. Должно помочь, но завершено семнадцать процентов...

— Короче, у тебя дела еще хуже, — закончила я.

Ему пришлось согласиться, в очередной раз вяло кивнув головой.

— Ну, короче мы тут правда помрем, — я достала из кармана толстовки свою смарт-панель. — Пипец.

У Алана не осталось энергии пререкаться со мной. Он скрестил руки на груди и безучастно уставился на монитор, как будто надеясь, что система запустится сама собой.

Я открыла плейлист и выбрала функцию «Играть в случайном порядке». Тишину камеры разорвали мягкие аккорды вступления.

I'm coming up only to hold you under

I'm coming up only to show you wrong

And to know you is hard, we wonder

To know you all wrong, we were

— Да ну блин! — расхохоталась я. — Прикинь, я включила песню «Похороны»!

— Накрыться цветами? — вдруг без своей привычной язвительности спросил он.

— Чего?

— Мы всегда накрываем покойных одеялом из белых цветов в знак памяти, — ответил Алан. — Ему будет что накрыть? Или предпочтет сжечь, как сделал с ней?

Он снова разговаривал сам с собой, пусть и перешел на шепот. Я решила не мешать ему, закрыла глаза и принялась подпевать солисту.

Really too late to call so we wait for

Morning to wake you is all we got

And to know me as hardly golden

Is to know me all wrong, they warn

— Это твой настоящий голос? — Алан оторвался от самокопания, склонив голову набок.

— Думал, я на постоянной пище, как котенок? — усмехнулась я. — У меня меццо-сопрано.

— Это заразно?

— Ага. Очень. Сейчас как на тебя покашляю...

Алан вдруг рассмеялся. Не язвительно, не саркастически, а тихо и мягко. На миг его ледяная маска пала: глаза засветились живым сиянием, в их уголках появились небольшие складки, а рот он тут же прикрыл рукой, чтоб я не увидела широкую улыбку.

На меня накатило необъяснимое и непонятное чувство, словно волна размером с небоскреб. Наверное, именно в такие моменты говорят: «Я не владела собой». Но все не так.

Я владела собой, просто дала себе волю делать то, что хочется. А мне очень хотелось танцевать.

— Обязательно сейчас? — усталый голос Мудилы раздавался на заднем фоне.

Да. Обязательно.

Я кружилась по центру управления, иногда чуть не спотыкаясь об провода. Окружающая действительность превратилась в вихрь из силуэтов и мерцающих голубых огоньков. Воздуха не хватало, закололо в правом боку, но до этого мне не было абсолютно никакого дела.

Адам наступает мне на ноги и тут же бросается извиняться. Я успокаиваю его, обещая, что он всему еще научится. «Вальс цветов» играет на повторе уже в сотый раз, но нам нет до него никакого дела.

Мы живы. И жизнь течет сквозь нас.

To the outside, the dead leaves laid on the lawn

For they died and had trees to hang upon

— Что за... — услышала я удивленный вскрик Алана.

Система смарт-панели полностью восстановилась, и на мониторе проступали значки главного меню. Вся комната на миг озарилась золотистым свечением, прямо как светились мои руки, когда я только встретила Элину.

А наручники упали на пол, жалобно звякнув металлом.

***

Алан быстро связался с главными и тихо что-то объяснял им, то и дело косясь на меня. Я наблюдала за ним вполглаза, рассматривая следы от своих бывших кандалов, мучавших меня так долго.

Красная воспаленная линия на коже, болевшая от каждого неосторожного движения. Можно было залечить эту рану, но мне не хотелось. Словно тогда бы пропала частичка меня.

— Есть две новости, — повернулся ко мне Алан, выключив смарт-панель.

— Начни с хорошей.

— Такой нет, — покачал он головой. — Вокруг здания Карцера стоит пелена Морока. Гвардия и Познанцы не могут ее снять. Вступить в переговоры тоже не могут.

— А вторая новость еще хуже первой? — протянула я, убирая руки за спину.

Алан замолчал, отводя взгляд от меня. У меня закралось подозрение, что он узнал нечто такое, за что испытывал стыд передо мной. И мне стало страшно.

— Гвардия думает, что твой дар и знакомство с Долорес могут быть полезны для того, чтобы...

— Вывести твое Королевское Высочество, используя меня как живой щит. Если даже меня там прикончат, то не жалко. Тебя спасут под шумок, пока Дора будет играть с мышкой,

пока не сожрет, — закончила я.

Мы молча уставились друг на друга, словно ища ответы на вопросы, которые не могли задать вслух. Я вспоминала аналогии героев с «серой моралью», словно пыталась пробиться через эту фальшивую улыбку, ледяную учтивость и внешнюю непроницаемость. Мне хотелось раскопать подо льдами настоящего Алана, хорошо потрясти его за плечи и спрашивать на все лады: «Что тебя раскрошило и сковало в этой темнице? Ты же таким не был!».

Вслух я лишь произнесла:

— Ну, пока.

Я уже вышла за порог центра управления, как он схватил меня за руку.

— Не надо! — выпалил он.

На большее духа у принца Алана не хватило. Он только лишь смотрел на меня своими горящими темно-синими глазами да открывал и закрывал рот, словно его схватили за горло.

Легким, но уверенным движением я расцепила хватку пальцев и побежала вниз по лестнице.

Сегодня никто больше не умрет.

***

— Пирожок, ты тупая? — Долорес сплюнула на землю. — Ты понимаешь, как сильно меня подставила?

Нас окружала пелена белого как туман морока, но как сквозь вату доносились обрывки чьих-то фраз, словно позади стояло целое сборище людей.

Дора стояла передо мной с видом грозной учительницы, рассерженной очередной выходкой глупого первоклашки. На первый взгляд она ничуть не изменилась — да и могла ли, ведь прошло всего семь дней с нашей последней встречи. Но я ловила и, к своему отчаянию, подмечала те незаметные детали, которые упустил бы человек, не знавший ее.

Сомкнутые в жесткую линию губы. Слегка опущенные верхние веки. Взгляд, горевший первобытной жестокостью и яростью.

— Дора... — я не находила слов, чтобы начать разговор.

— Рита, ты идиотка! — продолжала напирать на меня та. — Ты хоть понимаешь, чего мне стоило убедить Его не трогать тебя? Нет, нам же надо было поиграть в героиню! Пойти против! А чего ради, Пирожок? Спасения этого уродца, который при первом же удобном случае свалит всю вину на тебя?!

Мне захотелось исчезнуть во второй раз. Но перед этим схватить ее за руку и увести, спасти от тьмы, которая пожирала мою подругу на глазах.

— Дора, — мой голос дрожал, как бы я ни старалась держать себя в руках. — Что ты наделала? Дора, что ты...

— То, что должна была сделать давно, — гордо ответила та, высоко вскинув голову. — Ты здесь совсем ничего, потому не понимаешь, через какое Пекло мы прошли за то, в чем не было нашей вины. Рита, ведуньям скоро придет конец как виду.

— Не понимаю...

— Ну, так слушай! — подошла она ко мне ближе. — У нашей школы нет денег, чтобы оплатить счета за электричество, потому мы жжем свечи, чтоб не сидеть в вечной темноте. Вы чертите дурацкие схемы и раскладываете карты, но настоящей магии ведуний ни одной из вас не доверяют! Совсем скоро Кураторы закуют всех в кандалы и заставят создавать чары как невольников! Они уже делают это! У нас заберут все, что дорого, просто потому...

Она зашлась в приступе сухого кашля, задыхаясь и сжимая горло руками. Вокруг Доры собралась жужжащее черное облако, пытавшееся заткнуть ей рот.

— Дайте мне сказать ей правду! — хрипела она. — Маргарита нам нужна!

Я подбежала к ней, устремляя всю свою силу на нее, лишь бы только Дора смогла дышать. Золотая дымка рассеяла черное облако, и Долорес снова смогла говорить

— Думаешь, эта семейка была так уж невинна? Думаешь, они все не заслужили этого?

— Так это правда? — отпрянула я. — Вы виноваты в том, что убили кучу народу, только потому что они мешали вашей рогатой...

— Прошу тебя, молчи! — зашипела она. — Я пытаюсь тебя спасти! Рита, поверь, эти твари всегда стояли на пути! Не давали нам познать настоящее колдовство! Но стоило нам попытаться... Они уничтожили их. Их обеих.

— Кого их? — не выдержала я. — Что за пургу ты гонишь?!

Дора протянула мне руку, пытаясь дотянуться до меня, но отшатнулась, когда ее пальцы чуть было не коснулись моего плеча.

— Это твой последний шанс, Прикер, — ее слова прозвучали жестко и резко. — Учитель видит твои таланты и хочет дать тебе шанс, как дал его мне. Снимай свою защиту и иди со мной.

— А если не пойду? — прошептала я. — Убьете меня так же, как убили Адама?

Дора замолчала, свирепо посмотрев на меня:

— Пирожок, — мягко начала она, — ловушка предназначалась не для него. Если бы этот идиот не надел на себя всю экипировку и не разлил воду...

— Неважно! — воскликнула я. — Долорес, тебя заставили убить человека! Твой Учитель что, долбанулся?

Она лишь издевательски рассмеялась в ответ:

— Он не человек, Рита, а ничтожество, не стоящее даже твоего пальца! Думаешь, тебя наградят за его спасение? Думаешь, что снова станешь хорошей девочкой? Пирожок, прошу тебя, идем со мной.

Нет, я ни о чем таком не думала. И все, что Дора говорила мне, уже давным-давно крутилось в голове. Но иначе было нельзя.

— Уходи! — вдруг сорвалось с моих губ.

Долорес замерла как вкопанная, смотря на меня с нескрываемым разочарованием.

— Ты никогда не убедишь меня в том, что поступила правильно, — продолжала я, глотая слезы, — потому уходи.

Дора оскалила зубы как волк на охоте и прошипела:

— Это конец. Ты понимаешь, что пути назад больше нет!

— А он хоть когда-то был? — спросила я, подавляя плач.

Дора лишь закатила глаза и пошла от меня прочь, небрежно бросая на ходу:

— Теперь уже точно нет.

Буквально через десятую секунды туман вокруг меня рассеялся. Я поняла, что стою окруженная гвардейцами. Они разом направили на меня оружие и только лишь ждали команды, чтобы начать стрелять.

— Нет! Стойте! — раздался позади них крик.

Придурок прорвался сквозь оцепление и загородил меня собой, подняв руки вверх.

— Послушайте! — кричал он. — Ее нельзя убивать!

Я стояла оглушенная, не понимавшая толком что происходит. И он этим

воспользовался, снова меня заткнув и не дав право взять слово.

Алан взял мою руку в свою и крепко сжал ладонь.

— Она спасла мне жизнь! — проорал он.

Список претензий

Ри. Та.

Я отчетливо помню, как это случилось в первый раз.

По секретной линии мне приказали уговорить ее провести переговоры с Долорес.

— Раз они друзья, то пусть и говорит со Зверюгой, — злобно прошипел сэр Персиваль. — Если не поможет, то хотя бы отвлечет внимание. Алан, нам нужно время для маневра. И только она сможет его обеспечить.

Хотя бы отвлечет внимание. Даст время для маневра. Если же что-то пойдет не так — запишут в случайные жертвы, выплатят компенсацию семье и забудут. Замысел между строк скользил более чем ясно.

Она поняла все с полуслова, даже не пришлось в очередной раз врать. Я не мог ничего сказать в оправдание, потому что знал: его больше нет и не будет. Только лишь в отчаянии смотрел на нее, не понимая, почему она это делает.

— Ну, пока, — безучастным тоном попрощалась она.

Я не выдержал и схватил ее за руку. Если бы я тогда мог говорить, то сколько бы она услышала!

Ты не должна принимать на себя удар, что предназначен мне! И никто, кроме меня, не должен! Давай же, ненавижь меня, как все! Желай смерти!

Она выскользнула из моей хватки и легко сбежала вниз по лестнице. А я остался стоять столбом, боясь даже пошевелиться.

Это я должен был идти к Долорес.

Золотистое свечение вокруг меня мерцало, не затухая. Значит, она была жива.

В очередной раз женщина защищает тебя.

Я попытался выломать главную дверь, но лишь отлетел назад как мешок с грязью. Оставалось лишь прятаться как трусу и ждать, пока меня спасут, и повторять ее имя в надежде, что это придает ей сил бороться против сумасшедшей убийцы.

Я не могу так больше жить. Я не буду так больше жить.

Внезапно дверь со скрипом распахнулась, словно невидимая сила, удерживавшая меня внутри, ослабла. Я выбежал на улицу и увидел круг из гвардейцев с лазерными автоматами на взводе.

Нет-нет-нет.

По рассказам очевидцев, я прорвался сквозь вооруженных рыцарей и кричал так громко, что сорвал голос. У меня эти воспоминания будто в тумане.

Я только помню испуганные и заплаканные голубые глаза. Миниатюрную фигурку посреди круга из людей, что убили бы ее не задумываясь. Помню ее теплую ладонь в своей руке и мое отчаянное биение сердца.

Ри. Та.

***

Все перемешалось в какофонию из голосов и цветных пятен. Меня привел в чувство до боли и дрожи в коленках знакомый голос:

— Мой милый храбрый мальчик...

Папа...

Да, это правда был он. Не на шутку перепуганный, растерявший все свою внешнюю невозмутимость папа. Он обнимал меня и трепал по голове, шепча:

— Мой храбрый милый сынок. Мой мальчик!

Я не должен был плакать. Но слезы текли из глаз сами собой. И на мундире отца появлялись мокрые пятна.

— Не потрудитесь объяснить, сэр Персиваль?! — отец громогласно рычал на директора. — Почему мой наследник оказывается в смертельной опасности?!

— Ваше Величество, я прошу вас не переживать, — подошла к нам госпожа Макрая. — Физически Алан не пострадал, однако находится в состоянии сильнейшего стресса. Позвольте мне позаботиться о нем.

Он нехотя позволил госпоже Пембрак еще раз осмотреть меня. Когда она отпаивала меня успокаивающим настоем, я смог выдавить:

— Адам...

— Какая ужасная смерть! — та сочла мой шепот за вопрос о капитане Горне. — Сильнейший удар электрическим током. У него не было и шанса.

Надо рассказать правду!

— И опять ведунья в эпицентре, — продолжала госпожа Макрая. — Пока что трудно делать выводы, но очевидно, что с сектой Зверя ничего не кончено. Вот тебе урок, милый мой: никогда не верь этим созданиям. Даже если они клянутся, что самолично разберутся с виновниками катастрофы.

Она думала, что я не слышал ее, потому вела пространный диалог сама с собой.

Сделай усилие над собой и признайся!

— Кларисса думала, что если сама возглавит следствие, наденет на них ограничители и уберет из учебного плана все, что может свести с верного пути, то дело сделано? Наивная старуха! Она их только раззадорила!

— Так это все директор Сагх? — прохрипел я.

— Ну, конечно же! — раздраженно ответила директриса Пембрак. — А потом разыгрывала жертву и утверждала, что это мы сделали их злодейками. Прости, милый, с возрастом становлюсь болтливой. Думаю, ты можешь вернуться к отцу.

Я побрел к двери, с трудом держась на ногах. Вдруг меня пронзила мысль, внезапная и резкая, как молния посреди ясного неба:

— Что будет с Маргаритой? Я ведь сказал, что...

— Переведена в школу Эйлин за особые заслуги перед королевским домом Нилиона, — с недовольством протянула та. — Ее Куратор уже перевезла девочку. Госпожа Сагх пыталась добиться для нее и тебя допроса с просмотром воспоминаний, но мы наложили вето на все ее дальнейшие приказы. С Клариссой покончено.

Правильным с точки зрения морали поступком был бы откровенный и честный рассказ о моей роли в этой истории. И я уже был готов совершить его, но...

Отец никогда не был ласков и добр со мной, как в то утро. Он сам хлопотал вокруг меня, не подпуская никого, защищая меня как самое драгоценное сокровище. А когда я задремал на кушетке, то папа гладил меня по руке и твердил одни и те же фразы как заученный стих:

— Мой мальчик. Мой храбрый смелый мальчик. Мой дорогой сын...

Всем благородным устремлениям моей души взять вину на себя пришел окончательный и бесповоротный конец.

Я придумал блистательную легенду о хитром капитане Адаме Горне, изменившем своей девушке с ведуньей Долорес О'Салливан и бросившем ее, отважном принце Алане и его подручной Маргарите Прикер, решивших раскусить подлеца и поплатившихся за свою любовь к правде заключением в Карцере. Изменника постигла суровая кара в виде удара током от сломанной Долорес проводки, а нам повезло спастись благодаря моей исключительной находчивости и колдовству Маргариты, которое усилилось на фоне сильнейших переживаний.

Не самая правдоподобная история, признаю. Но мне поверили. Маргариту никто не стал бы слушать. Ей вообще повезло оказаться под полной опекой Элины и вовремя убраться из школы Ронетт.

Впрочем, она сама не дала никаких показаний. И от нее вообще не могли добиться ни единого слова, как бы ни уговаривали и ни старались.

***

Последующий месяц напоминал лихорадочный бред.

В первые часы после происшествия верховный жрец Вигге выступил с пламенной проповедью, в которой обличал всех, кто имел несчастье стать его недругами. Он обвинял союз Познания в том, что те сохранили за директрисой Сагх пост главы школы Ронетт; самой госпоже Клариссе досталось за излишнюю мягкость в подборе учителей и составлении учебного плана; а какими эпитетами он наградил всех юных сестер, мне теперешнему и вспоминать стыдно. Не то чтобы население Измерения отличалось поголовной религиозностью, но когда совершено жестокое убийство руками той, чья мать была заподозрена в не менее жестоком убийстве не так уж много лет назад, то для рационального мышления и логики в разуме, затуманенном паникой, просто не остается места.

Результаты не заставили себя долго ждать. Тем же вечером на всех вертикальных поверхностях, расположенных рядом со школой Ронетт появилась одна и та же надпись.

Сестра ответит за Сестру

Разумеется, только отбитый на голову осмелился бы напасть на ведунью. Но продавать ведуньям товары, давать им работу и даже просто находиться с ними рядом на одной улице в вечернее время перестали. Если вы видели, как по совершенно пустой мостовой быстрым шагом идет женщина, спрятав лицо, можно даже было не сомневаться в том, кто был перед вами.

Госпожа Кларисса отказывалась от комментариев. Казалось, она будто приняла на себя роль жертвы, надеясь, что это отведет беду от ее учениц. Это порождало еще больше вопросов и подозрений даже среди защитников ведуний.

Директриса Сагх готовит побег? Почему она не стоит за своих девочек, как стояла раньше? Кларисса вообще намерена хоть что-то предпринять?

Чародеи же напротив изошлись сладчайшим ядом. Госпожа Пембрак в ужасе закатывала глаза и трагичным шепотом сообщала, что даже помыслить не могла повторения трагедии, пусть и в меньшем масштабе. Она увиливала от прямых ответов, но ясно давала понять: ей не нравится поведение коллеги от слова «совсем». И не будь она директрисой школы Эйлин, если не предпримет решительных действий ради блага как своих учениц, так и учениц госпожи Сагх, если та «... решила пренебречь своими обязанностями в столь критический момент».

Нам, первокурсникам, было доверено вместе с матерыми гвардейцами патрулировать

улицы. И среди них не было согласия. Лично я попал в две смены: в первой пожилую женщину чуть не арестовали за то, что та тихонько бранилась, считая деньги на ходу; во второй — юную сестру-первокурсницу спасли от пьяного вдрызг простака, вручили ей конфету и велели убираться назад в школу, пока «не дошло до беды».

Ожидание хоть каких-либо действий от властей невероятно раздражало всех. Особенно ярко это проявилось в нашей команде. Фланн и Томас чуть не сцепились в коридоре после отбоя. Когда мы с Тиннакорном и Ленардом разнимали их, Бернадотт рычал на свою жертву на языке Пустошей:

— А ты рад будешь, если девчонок сошлют ко мне домой? О благе он думает?! О том, как жопу нашему принцу вылизать, ты думаешь! И не смотри на меня, урод! Я знаю, что ты меня понимаешь!

Последние слова были обращены ко мне, но я сделал вид, что не понимаю ни одного слова. Но когда мы с Ленардом шли назад в комнаты, мне удалось отвести душу:

— Фланну бы стоит преподать урок!

В полумраке коридора глаза Ленарда полыхнули настоящей ненавистью. Он прошептал, точнее прошепестел губами на Высшем наречии:

— Это был ты. Не Адам. Я все знаю.

Мне захотелось врезать очередному всезнайке-правдолюбу по зубам. Вместо этого я широко улыбнулся ему и ласково спросил:

— Ты надыхался отварами на дежурстве, Свен? Иной версии того, почему твой умишка породил эту нелепицу, у меня нет.

— Ты отсылал меня в выходные, запрещал ходить за тобой в мастерские, — продолжал шелестеть Ленард. — Благодетель меня побери и больше не возвращай, это был ты, мелкий...

Договорить он не успел. Быстрым и аккуратным движением я припер того к стенке и зашипел на ухо:

— Ты же вроде единственный сын у мамы? Плакался в мотивационном письме, что после смерти отца должен содержать старушку в одиночку? Интересно, что она скажет, если вылетишь с работы?

— Угрожаешь? — прямым немигающим взглядом посмотрел он на меня.

— Ничуть! Просто описываю перспективы! — саркастически рассмеялся я. — Сквайр принца Нилиона позволяет себе такую роскошь, как оставлять пост! И по его немому согласию тот встречается с кем хочет и творит что хочет! Да тебе даже оправдаться не дадут!

— Ты же сам велел мне... — хрипел Ленард.

— Где это прописано или указано? Это я могу рассказать во всех подробностях, как ты нелепо и жалко пытался ухлестывать за принцессой Элиной! Это я могу очернить тебя в глазах отца, просто упомянув, что в то утро был абсолютно один без помощи своего верного сквайра, который должен был меня защищать, потому что тот напился прошлой ночью!

Ленард замолчал. Ему было по силам затеять драку. Разумеется, делать этого он не стал.

— Есть много нош, что нам нести по жизни, друг мой, — расправил я складки на рубашке. — Думаю, ты справишься с тем, что в гибели Адама Горна есть и твоя доля вины.

Когда я уже почти зашел в свою комнату, то услышал шепот Ленарда:

— Король Эйл не хотел, чтобы я был просто сквайром. Он надеялся, что я стану твоим компаньоном и другом. Рассказывал мне, что не может все время уделять тебе, а ведь его сынок такой впечатлительный и ранимый. Так страдает после смерти мамы. Если бы он

только знал...

— Он не узнает ничего и никогда, — отрезал я и захлопнул за собой дверь.

На следующее утро мы проснулись от новости, что гремела по всему Измерению: ученицы школы Ронетт должны были пройти специальный тест на определение приверженности к культуре Зверя, разработанный госпожой Макраей. Никто не знал, в чем он будет заключаться и что будет с теми, кто его не пройдет. Журналист, который был чересчур дерзок, дабы спросить у госпожи Пембрак, не убьют ли провалившихся, получил от нее достаточно отповедь:

— Поверить не могу, что вам пришла в голову столь ужасная мысль! Мы не имеем морального права отказаться от заветов Благодетеля! Все юные сестры, не прошедшие тест, будут отправлены в монастыри для перевоспитания! Служители пройдут специальное обучение и будут работать над магией бедняжек, дабы полностью избавить их от Печати зла!

После ее заявления разразилась настоящая буря: сторонники ведуний требовали пояснений, а противники — негодовали из-за чересчур мягких мер по отношению к провинившимся.

Но все сомнения и переживания улетучились, когда вечером во всех газетах появились снимки первых девушек, заваливших тест, которых уводили из школы Ронетт.

Их руки были в безвредных на вид кружевных перчатках — сильнейших ограничителях магии, которые полностью блокировали магию в теле колдующей.

Я не знал, что думать. С одной стороны, давняя мечта сбылась — никаких Зверюг, только послушный питомник, который даже страницу книги силой мысли не перевернет. С другой...

Меня терзали дурные предчувствия. Нечто страшное стояло за порогом и занесло меч для рокового удара.

Внутренне я был готов ко всему: очередной визит Долорес и ее новых друзей, неумная ярость Фланна, даже предательство Ленарда.

Но судьба приготовила для меня настоящий сюрприз в первый день Йоля.

День стоял снежный — вся площадь перед Тинтагелем была белая, сверкая на солнце как сотни кристаллов. Мы с однокурсниками-инженерами вышли в перерыв из мастерских подышать морозным свежим воздухом. Я по привычке отправился в самый дальний угол школы, чтобы перечитать записи, сделанные во время лекции, но сделал лишь пару шагов, прежде чем меня чуть не сбили с ног:

— Милый! Договаривались же встретиться у главного входа! Там бы так и простояла!

Риту было не узнать: ее переодели в серебряный плащ, белое шерстяное платье и светло-серые ботинки «Эйлинок», волосы стянули в тугую и аккуратный пучок на затылке. От нее пахло мерзкими духами Элины; брови, глаза и губы подкрасила, очевидно, тоже она. Один из парней присвистнул и отпустил шуточку:

— Если б все ведуньи были такими, я бы и сам озверел!

Прикер обнажила ряд ровных белых зубов в подобии улыбки-оскала и пропела мягким грудным голосом:

— Уверена, мы поладим. Ты уже проявляешь свою животную натуру.

Затем она перевела взгляд на меня и протянула руку:

— Пойдем поговорим.

Все парни были обмануты внешней прелестной оболочкой, присвистывая нам вслед. Я бы с легкостью поменялся с любым из них местами, ведь безумная натура Риты проступала

сквозь мрачный и тяжелый взгляд.

Она пришла, чтобы спросить с меня по счетам.

***

— Макрая научила меня маджиклету своими чарами, чтоб я переводила на похоронах Адама. Его девушка Фелиция заглядывала к гвардейцам в глаза и спрашивала, знала ли хоть одна живая душа, что он изменял ей.

Рита вытащила из кармана пальто пачку сигарет и зажигалку. Ее пальцы побелели и дрожали, словно желая вцепиться мне в горло.

— Послушай, — произнес я, стараясь звучать как можно спокойнее. — Давай рассуждать здраво...

— Рот закрой! — рявкнула Прикер, зажав сигарету в зубах и поджигая ее. — Меня тошнит от твоего вранья и от твоего здравомыслия!

Она затянулась и выпустила облако дыма изо рта, закашлявшись. Я застыл, ожидая нового нападения. Но Рита продолжала курить, рассыпая пепел от сигареты на сверкающую от снега землю.

— Зачем ты пришла? — наконец решился спросить я.

Прикер бросила сигарету себе под ноги и, придавливая ее каблуком, произнесла:

— Не знаю. Захотелось проверить, помнишь ли ты такого парня, как капитан Адам Горн. Или «В гроб долой — из сердца вон»?

Она достала еще одну сигарету из пачки, но резкий порыв ветра погасил пламя зажигалки. Рита прижалась спиной к стене и закрыла глаза.

Мне были слишком хорошо знакомы эти дерганые жесты, фальшивая, точно приклеенная к лицу улыбка и полное отчаяние во всех движениях.

Последняя грань перед истерикой.

Я сделал то, чего всегда втайне ждал от других: встал с ней рядом и спросил:

— Ты в порядке?

Прикер сглотнула и охрипшим от дыма голосом расхохоталась:

— Наконец-то догадался. Нужно было ходить с плакатом?

— Ты в порядке? — повторил я вопрос, игнорируя ее попытки уколоть побольнее.

Рита уставилась немигающим взглядом вдаль и принялась ковырять заусеницы на пальцах:

— Я проспала полтора часа. Мне снятся кошмары про Адама. Меня тошнит от мяса, ем только салаты, но нельзя сидеть только на них, потому что силы быстро тают. Если силы быстро тают, я не могу учиться. Их много учат дракам, ставят парней против девочек. Сегодня лось размером с двух тебя бросил меня как куклу через все поле. Макрая залечивает раны, а потом посылает назад, говоря, что я могу лучше. Мои вещи не везут из старой школы, типа Дора могла их проклясть. Элла уменьшает для меня свои. Шмотки пахнут бухлом, приходится их проветривать и мерзнуть по ночам. Душевед говорит, что это период адаптации, но я ей не верю, потому что у нее в кабинете куча прослушки. Элла злится, думает, что издеваюсь над ней. Но это не так! Мне просто нужно поговорить с мамой и папой! У меня день рождения через неделю, они меня ждут! Всех отпустят завтра вечером, а меня нет! И телефон в школе Ронетт! Я прошу дать мне хотя бы пять минут. Макрая и Элла твердят, что я должна учиться быть сильнее. Но я не хочу быть сильнее, я хочу домой!

Рита разрыдалась, закрыв лицо руками. Сквозь ее пальцы побежали черные струйки слез и кровь от содранных заусениц.

У меня заболело сердце и закружилась голова. Я много раз слышал подобные слова в голове, много раз чувствовал соленые невыплаканные слезы во рту. Но только сейчас понял, что ело меня заживо все эти годы, что не давало дышать и заставляло до крови царапать ладони ногтями.

Почему ты просто не можешь любить меня?!

— От тебя маслом несет... — вдруг донесся шепот.

Все это время мы обнимались, как два ребенка.

***

— Когда тебе нужно быть в школе?

— За три часа до Темной поры. Элла меня не хватится, готовится к экзамену на Верховную. То есть пьет и жалеет себя.

Я отпросился с уроков до конца дня и дал Ленарду внеочередной выходной. Для отца же моя участь снова потеряла интерес, потому сын что не болел и не умирал. Так что меня тоже никто не искал.

Рассудив, что прежде чем с женщиной разговаривать, нужно ее накормить, я привел Риту в ресторан, где официанты были приучены молчать за нескромную прибавку к жалованию. Все ее вялые попытки разделить счет были пресечены.

— Что это? — разглядывала Прикер ломтики белого мяса на тарелке.

— Пандорус, — объяснил я. — Рыба такая. В Дорэлле она косяками плавает, им даже ловить ее лень.

Рита с удивлением посмотрела на приборы и спросила:

— Одни ложки? А нет чего поострей?

— Мы не пользуемся ничем острым в Йоль. На зубчиках приходит зло.

Она лишь пожалала плечами и принялась аккуратно есть с помощью ложки. К своему удивлению, я обнаружил, что она умеет держаться за столом ничуть не хуже меня. По крайней мере, вымыла руки в блюде с водой, а не стала оттуда пить.

— Это все бабушка, — ответила Рита на мой немой вопрос. — Она была оперная певица, много ходила по приемам. Говорила, что любой юной леди пригодятся в жизни три вещи: осанка, игра на пианино и знание французского. А ты не понял половину, что я сказала.

— Почему же? У нас есть пианино. Мы поставили их простакам в надежде на хорошую музыку.

— Люди в черном, — пробормотала та.

— Кто?

— Сверхразумы, говорю.

Я обнаружил странную перемену в своем восприятии Маргариты, словно приложил к глазам другое стекло, более чистое и прозрачное.

Она действительно была импульсивная, несдержанная и строптивая. А еще — умная, искренняя, с тонким чувством юмора...

Живая. Совсем не опасная.

— Опять крутят эти новости, — вдруг посмотрела Рита на огромную панель, висевшую над камином в центре зала.

Передавали очередное интервью Макраи, рассказывающей о высшем благе и очередных предложениях, оправдывавших ее тест. Маргарита буквально впиалась глазами в экран, с каждой минутой все больше и больше вжимаясь в стул.

— Выключить? — нажал я кнопку вызова официанта.

— Нет, она почти закончила, — покачала Рита головой, — Вранья больше чем обычно.

Ее тест полная срань.

— Откуда ты знаешь?

— Пара сторонников Клариссы сралась с верховным жрецом Вигге сразу же после объявления, — Маргарита отвела взгляд и принялась гонять остатки мякоти по тарелке. — Судя по тому, что старикан успел наговорить, это обычный психологический тест на выявление темной триады: гордыня, манипуляторство и бессердечность. Не знаю, насколько преуспели ваши душеведы, но наши часами друг друга бумажками закидывают, просто чтоб ставить такие диагнозы.

— Его, наверное, составляла Кларисса, — я крутил бокал с соком. — Она же работает с разумом?

— Кларисса всех подставила, — Рита принялась дробить остатки рыбы с такой злобой, словно та нанесла ей личное оскорбление. — Мне знакомая успела рассказать, пока старую смарт-панель не отжали. Девчонки, завалившие тест, выделялись перед комиссией, потому что Чародеям у нашей сестры веры нет. Комиссия пошерстила их биографии, нашла пару связок дальних тетушек с сектой Зверя и решила не рисковать. А директор даже в самом тестировании не участвовала.

Я поджал губы, не зная, что сказать. Разумеется, мне не нравилось ничего из того, что союз Познания творил последние лет пятнадцать, но и полностью исключать вину тех девушек я тоже не мог.

— Мне жаль, что твоих сестер постигла такая участь, — выбрал я наиболее мягкую формулировку.

— Не жаль, — ее взгляд снова стал тяжелым, — я тебя насквозь вижу, так что не ври.

— Да, моя госпожа, — пробормотал я под нос, отмечая про себя, что наша беседа уже давно не похожа на обмен оскорблениями.

Рита вдруг отложила ложку и посмотрела на камин, в котором горело Йольское полено. Свет закатного солнца освещал ее лицо мягким розовым светом, отчего она уже не выглядела изнуренной и замученной. Скорее похожей на хрупкий прекрасный цветок.

Я правда об этом подумал? Скоро начну стихи писать?

— И не смотри так, — она расценила мой взгляд как осуждающий. — Я ни на чьей стороне. Для того, чтобы кого-то поддерживать, надо знать чуть больше чем «Сектанты из школы Ронетт уничтожили Арилию, потому мы будем чморить теперь абсолютно всех».

— Все не так просто, как ты думаешь, — предпринял я попытку хоть немного оправдать Чародеев. — Ты не понимаешь, как на нас повлияла эта история.

— И не пойму, потому что вы только охаете и ахаете, но ничего толком не можете мне рассказать.

— Травма поколения, — вздохнул я. — Отец рассказывал о Торире и Реган с такой болью, словно их смерть его физически уничтожила. Он ведь видел Златоглазку на стереографиях.

— Кого?

— Лиссу, их внучку, — улыбнулся я от нахлынувших воспоминаний. — Она родилась с силой Благодати, потому ее глазки светились золотом. Малышка прожила всего три дня после рождения.

Рита все это время слушала меня как замороженная, подперев подбородок кулаком.

Стоило мне договорить последнее предложение, она вдруг вскочила и заявила:

— С меня хватит. Я пойду в школу Ронетт и потребую от Клариссы объяснений.

— Мне начать объяснять тебе с точки зрения здравого смысла, или сразу схватить за плечи и орать: «Прикер, идти туда одной — тупая идея»? — закрыл я лицо руками.

И вдруг ее глаза засияли лукавыми огоньками. Она улыбнулась и сладким голосом пропела:

— Я не собиралась идти одна.

***

Признаки удивления на лице довольно заметны даже для человека несведущего в душеведстве: приподнятые брови, горизонтальные складки на лбу и слегка приоткрытый рот.

Однако Ленард легко мог добавить в эти признаки еще пару: глаза, покидающие свои физические пределы, и заикание с частичным забыванием половины лексического запаса.

— Это взаправду? — показывал он пальцем то на меня, то на Риту. — Вот вы двое теперь друзья?

— Нет. Концепт дружбы говно, — ответила Рита.

— Она же для меня слишком шумная и взбалмошная, — вторил я, хотя совсем так не думал. — У нас временное перемирие.

— Хорошо, недрузья, — крикнул Ленард, — объясните, почему вы сорвали меня с выходного, заперли в машину и везете не понять куда?

— Ри нужен второй «бравый воин», чтобы защищать ее от злодеев, если ноготок поломает, — хмыкнул я. — Так она вполне боеспособна.

— В каком месте полно злодеев? — заерзал на сидении сквайр.

— Ал шутит, — пихнула меня локтем Рита. — Я просто боюсь идти одна, а с тремя спокойнее.

— Кто еще согласился? — нервно хихикнул Лен.

— Чисто технически она не соглашалась, — с укором произнес я.

— Она сказала «хорошо».

— Пьяная вдрызг?

— Обычно к этому часу она с похмельем.

— Что существенно повышает ее интеллектуальные способности.

— Продолжишь нудить — я в тебя чем-нибудь швырну.

— Это не нуд... Ай!

— Я предупреждала.

Ленард нахмурился и тихо спросил:

— Рита, ты правда не зла?

— Зла, но наш антагонист медленно начал арку искупления, — призналась та. — Посмотрим, что из этого выйдет.

Я уловил смысл ее очередной витиеватой фразы о втором шансе, неожиданно почувствовав теплую волну в животе.

Мне что, приятно?

Машина притормозила у расцветенного неоновыми огнями клуба. Рита передернула плечами, расстегнула пальто и пошла туда со словами:

— Я быстро.

Мы с Ленардом остались одни в машине. Я сложил руки на груди и тихо сказал:

— Позволь объясниться.

— У меня на этой работе нет права голоса, — отмахнулся он.

— Если бы все узнали, что целью Доры был не Адам, а член королевской семьи, дела ведуний пошли бы еще хуже! — я заговорил с несвойственной для себя эмоциональностью. — Да, я врун! Но мое вранье пошло на благо...

— Объяснишь это спятившей девчонке? — вдруг спросил Лен. — Какое благо в этом?

Мне стало противно от самого себя, потому я откинулся на спинку сидения и процедил:

— Мне жаль. Если бы можно было отыграть все назад, то поверь...

Сквайр лишь отмахнулся от меня и ответил:

— Тебе тащить эту ношу, не маленький уже. Теперь ответишь мне, куда мы едем, и кого Рита сейчас тащит вниз по лестнице?

— Какой тебя ждет сюрприз... — усмехнулся я.

Дверь широко распахнулась, и прямо на колени к Ленарду упала Элина в мокром от снега плаще, растрепанная и с размазанным по лицу макияжем.

— Крошка, убью! — прорычала она. — Зачем ты швырнула в меня снег?

— Чтоб протрезвела побыстрее, — с абсолютно невинным видом заявила Рита, садясь рядом с ней. — Мальчики, поехали.

Элла с удивлением оглядела всех нас и спросила:

— Рири, что происходит?

— Мне нужно поскандалить с Клариссой, а одна я идти боюсь, — Рита прикоснулась к ее лицу и мягко провела по нему рукой, убирая магией потеки косметики. — Куратора вызовут и так, а парни надежные.

— Вот как? — ухмыльнулась Элина. — А как же твое желание расцарапать этому красавчику лицо?

— Уже, — я убрал прядь волос в сторону, показывая шрам над бровью, — сказали, что на всю жизнь.

Элла цокнула языком, но я уловил тень гордой улыбки.

— Итак, народ, — прокашлялась Рита, перебираясь ближе к центру, — давайте еще раз с самого начала. Цель нашей увеселительной поездки — кабинет госпожи Сагх, где я намереваюсь устроить драму с применением злобных криков, небольшого перехода на личности и, возможно, истерики. Ночь молодая, у меня есть время для импровизации.

— С целью чего? — осторожно поинтересовался Ленард.

— Отличный вопрос! За три месяца моего пребывания в вашем чудесном мире у меня накопился список претензий, — подмигнула ему Прикер, начав разгибать пальцы, сжатые в кулак. — Во-первых, меня и группу других девушек подвергают всяческим гонениям по абсолютно тупым причинам. Во-вторых, моим Проводником в мир ведуний была чокнутая убийца-психопатка, которую госпожа Кларисса упустила. В-третьих, учебная программа никак не помогла мне держать свою силу под контролем. В-четвертых, меня не отпускают домой и не дают связаться с родителями. И, наконец, вишенка на этом торте — их постоянные обещания все мне объяснить. Однако семестр на исходе, я все еще в дураках. А мне, котятка, не нравится быть Джоном Сноу. Вот почему мы все собрались.

— Один вопрос, — поднял руку Ленард, — Мы теперь все друг другу простили?

— Отнюдь, — проворчал я, — Она мне нос разбила, и лицо расцарапала.

— А меня швырнула в снег, — пожаловалась Элина, потирая бок. — И месяц со мной ссорилась, называя «безответственной пьянью».

— Ты по жизни Придурок, так что я воспитывала юный разум, — объяснила Маргарита. — А ты правда безответственная алкоголичка. Вы были плохими котиками.

— А я? — издал нервный смешок Ленард.

— Мы мало знакомы, но ты вроде приятный и адекватный чувак, — просияла улыбкой та. — Надеюсь, мы поладим.

***

Я никогда не был в школе Ронетт до того дня, но с уверенностью мог сказать, что та знавала лучшие дни. В стенах здания зияли бреши, по коридорам гулял холодный зимний ветер, а вместо ламп горели свечи и факелы, от которых было больше копоти, нежели пользы.

Но что было самым неприятным дополнением к общему декору — порталы всех миров Магических измерений, к которым вели колонну из десяти девушек. Они заметили Риту и кричали ей вслед:

— *А ты хорошо устроилась, Прикер!*

— *Предательница!*

— *Мы тебе никто?*

Ри ссутулилась и ускорила шаг. Я закрыл ее спиной от злых слов, градом летевших в нее. Элина тоже разом забыла все обиды.

— Не обращай на них внимания, — прошептала она, беря Ри под руку.

— Все в порядке, — слабо улыбнулась она. — Никто из них не поносит меня сильнее самой себя.

Мы долго поднимались наверх по каменной скользкой лестнице. Я шел позади всех, но прекрасно видел, как Ри постепенно теряет свой боевой дух. Мне пришла на ум луна, печальная и одинокая на своем пути.

Ри. Та.

Да что со мной творится?

Она замерла у входной двери, не в силах постучать. Элла дотронулась до ее плеча и что-то прошептала на ухо. Рита слабо кивнула ей и резко потянула ручку на себя.

***

— Рада видеть тебя и твоих друзей, юная сестра, — женщина с черными как крыло ворона волосами, тронутыми проседью, устало поднялась из-за стола, на котором были раскиданы бумаги и книги.

Ри застыла на пороге, как будто потеряла силы идти дальше. Я подкрался сзади и осторожно подтолкнул ее вперед.

— Доброго здравия, директриса Сагх, — проговорила она. — Мы присядем?

Госпожа Кларисса щелкнула пальцами, но ничего не произошло. Она с досадой посмотрела на свои пальцы и лишь покачала головой:

— Силы уже не те, Маргарита. Сможешь позаботиться о стульях?

Рита щелкнула пальцами, призвав из глубины кабинета четыре стула с пыльной и протертой обивкой из бархата.

— Мы не пришли бы, зная, что вы болеете, — вдруг бросилась она оправдываться, — но...

Директор остановила ее жестом и спросила, слабо улыбнувшись:

— Наш мир страшен для тебя?

— Не то слово, — кивнула Ри. — Черт, я хотела разнести вас до основания...

— Не трудись, — усмехнулась госпожа Кларисса, — твое желание давно исполнено. Но я готова выслушать тебя.

Рита прикусила губу, склонив голову вниз, словно собираясь с духом, а потом выпалила:

— Вы меня разочаровали! Я думала, что слухи врут, но... Это правда? Вы правда надели на своих кандалы? И секту Зверя проворонили? И Доре тоже многое спускали с рук?

— Маргарита, — тихо ответила ей директор Сагх, — история...

Ленард легонько пнул Рири по ноге. Она осмелела и крикнула:

— Ответьте на вопрос! Вы что, трусиха?!

Справа от нас раздался мягкий смешок. Элина задрожала и схватилась за живот.

— Мы не ожидали, что ты приведешь с собой компанию, Золотко, — вышла из тени госпожа Макрая. — Боишься нас? Думаешь, что при свидетелях не навредим тебе?

Элла вдруг резко выдвинулась на стуле вперед, не давая Макрае потрепать Ри по щеке. Та с укоризной покачала головой.

— Вы за мной шпионили? — злобно выплюнула Рита.

— Шпионила? — прижала директор Пембрак руки к груди. — Мне это не нужно! В отличие от своей коллеги я могу предугадать каждый ваш шаг, девочки.

Госпожа Макрая присела на краешек стола, полностью заслонив настоящую владелицу кабинета. Она снисходительно оглядела всех нас и заключила:

— Впрочем, я рада, что ты пришла не одна. Знания принца Алана помогут убедить тебя...

— Не переманивайте меня на свою сторону! — возразил я. — Не в моих правилах нарушать обещаний.

— Не в твоих правилах, мой мальчик? — заливисто рассмеялась та. — Когда ты был совсем маленьким, то поклялся никогда не врать мне, чтобы быть здоровеньким. Что же ты сделал много лет спустя? Наврал мне о том, что соблазнился ведуньей! Твой папа ничего не знает, только потому что у меня и Клэр были дела поважнее твоей интрижки.

Кровь в моих жилах похолодела. Я не мог произнести ни слова от немого крика ужаса, скопившегося в легких.

— Вы нами играете! — сжала кулаки на коленях Элина. — Но у вас не выйдет! Я не дам обмануть Риту!

Директор Пембрак посмотрела на нее без тени улыбки и лишь покачала головой:

— Элла, почему ты думаешь, что я хочу обмануть ее?

— Разве это секрет? — сощурилась она. — Вы хотите навечно оставить ее в нашем мире.

Госпожа Макрая несколько раз хлопнула в ладоши, прошипев:

— Хоть на что-то годен твой ничтожный умишка. Но мы обсудим чуть позже все твои недостатки.

— Закончили свои игры разума? — вдруг подала голос Рита. — Директриса Пембрак, я рада видеть вас, но говорить буду только с госпожой Клариссой.

За такой ответ любого из нас испепелили бы на месте. Но госпожа Макрая неожиданно кротко улыбнулась Ри и отошла назад за Клариссу.

Директор Сагх открыла папку, лежавшую перед ней и достала лист бумаги. Даже при тусклом свете мы видели, как она с трудом сохраняет самообладание.

— Мы ответим на все твои вопросы, как только ты ответишь на наши, — обратилась госпожа Кларисса к Ри, — Со своей стороны я обещаю быть предельно честной перед тобой

и твоими друзьями.

— И я даю такое же обещание, — тихонько вторила ей госпожа Макрая.

— Очевидно, у меня нет выбора, — скривилась Рири, вытирая испарину на лбу.

Йольское помутнение

Это была ловушка с самого начала.

Мы с Элиной и Ленардом одновременно обменялись взглядами, словно наши разумы слились воедино, и по каналу передавался один вопрос:

Что нам делать?

Четвертый разум в дискуссии не участвовал — его всецело захватили две старые хищницы.

Две? Верно, я не оговорился. Кларисса и Макрая никогда не были друзьями, но всегда — соратниками. Рано или поздно они захватили бы Рири в свои сети.

Вот только зачем? Для чего была затеяна эта игра?

— В первые недели твоего обучения я определила тебя на путь Прорицания из-за пронизательности и умения ничего не принимать за истину, — сверилась со своими записями директор Сагх, — Однако практически сразу мы с сестрой Далией решили отстранить тебя. Как думаешь, почему?

— Мы с ней поссорились из-за Эллы, — показала Рита пальцем назад. — Вы, наверное, решили, что мы друг друга укокошим.

— Сестра Далия и правда с возрастом приобрела излишнюю эмоциональность, — согласилась с ней госпожа Кларисса. — Но то не было настоящей причиной. Маргарита, как у тебя обстоят дела со сном?

— Плохо, — съерничала та, — кошмары про мертвого друга снятся.

— Надо пить снадобья, что я специально варю для тебя, — пропела Макрая, — не выливать их в раковину.

Кларисса бросила на нее предостерегающий взгляд. Макрая затихла. Оставалось лишь удивляться, почему в один момент они сплотились, забыв годы вражды.

Рита снова вытерла испарину со лба. Оба директора устремили на нее внимательные изучающие взгляды, но ничего не сказали вслух.

— Какие сны ты видела до гибели капитана Горна? — поинтересовалась директор Сагх. — И все же попробуй ответить на мой предыдущий вопрос.

Ри передернула плечами и нехотя призналась:

— Сны снились странные, яркие очень. Выгнали как раз из-за них?

— Мы не выгоняли тебя, а решили побережь, — покачала головой Кларисса. — Я не могла прочитать твои сновидения после инцидента с «Утренними грезами». Ты закрыла свой разум от меня.

— Вот предьяв не надо! — огрызнулась Ри. — Да, мне не понравилось, что вы ковыряетесь в моих мозгах, но я ничего специально не закрывала.

— Спасибо за еще один ответ, — ответила директор Сагх. — Теперь мы знаем, что ты правда творишь магию неосознанно.

— Крошка, будь осторожна, — прикоснулась к ее плечу Элла. — Мы можем прямо сейчас уйти.

Она должна была понимать, что уйти могли только мы трое. Но в ней проснулся невиданный ранее инстинкт, сродни тому, что побуждает мать защищать дитя. А инстинкты всегда сильнее здравомыслия.

— Все в порядке, — улыбнулась Рита.

Элина выдвинулась на стуле еще вперед, практически дыша ей в спину, пристально смотря на Макраю злобным немигающим взглядом.

Я отчаянно пытался уследить за ходом мыслей директоров и не понимал, зачем вообще был устроен допрос. Все данные были у них на руках, так зачем же...

— Как на уроке, — пробормотал Лен. — Знаешь, когда выводят тупеня на правильный ответ.

Ну, конечно!

— Я не питала больших надежд по поводу твоей успеваемости, — судя по шуршанию бумаги, госпожа Кларисса положила перед ней табель. — Сразу предупредила преподавателей, что к тебе нужен особый подход. Какой предмет был для тебя самым сложным?

— Введение в методологию магии, — не раздумывая ответила Ри. — Я не могла даже простую схему хранилища нарисовать.

— Это упражнение направлено на развитие навыка самостоятельного структурирования магии, — объяснила всем нам директор Сагх. — Ты с трудом концентрируешься, занятия в классе явно не для тебя.

— В школе та же фигня была, — признала Рита.

— Давай теперь вернемся к происшествию, — тон Клариссы стал вкрадчивей. — Что ты сделала, чтоб защитить себя и принца Алана?

— Не знаю, — Рита снова отгородилась от нее, сложив руки на груди.

— Дорогой, — вдруг обратилась ко мне Макрая. — Ты откроешь для нас свой разум, чтоб показать произошедшее с твоей точки зрения?

Я не смог бы отказать им — это было выше моих сил. Но я мог вспомнить уроки отца и показать то, что не выдало бы ее.

Госпожа Кларисса повернула кольцо на пальце. Посреди комнаты возникло туманное нечеткое видение:

Танцующая посреди центра управления Рита в окружении тысяч золотых огоньков. Спасительное сияние, уничтожающее тьму вокруг нас.

— У тебя весьма избирательная память, милый, — процедила Макрая.

— Тоже не умею долго концентрироваться, — смущенно признался я.

Директор Пембрак развернулась к девочкам и улыбнулась настолько жутко, что даже внешне невозмутимый Ленард съежился в клубок.

— Элина, ты одна из первых увидела Маргариту после происшествия?

— Да, — кивнула та.

— Не заметила ли ты нечто необычное в облике своей подруги?

— Чумазая, испуганная, видевшая смерть близкого друга, — ушла она от прямого ответа. — Весь ее облик был необычен.

Госпожа Макрая разочарованно покачала головой, словно мы не выучили урок.

— Неужели вы, умные детки, не заметили самого важного? — спросила она нас двоих. — Например, что на ней не было наручников?

— Я же вам тогда еще сказала: они сами свалились, когда мы бежали наверх, — с раздражением ответила Ри.

Мы трое в ужасе знаками уговаривали Риту замолчать. Но она с упрямством продолжала:

— Да и вообще они у вас фиговые. Я и в них чудесно колдовала.

Вот же дура!

— Алан, — улыбка Макраи стала еще шире, — объясни своей подруге принцип работы наручников, которые она носила.

— Ограничители магии нельзя снять так просто, — простонал я. — Только с помощью чар, которые знают одни директора. И колдовать в них тоже невозможно. Они не могут сломаться!

Мне уже хотелось прибавить риторический вопрос о том, какой надо быть дурой, чтоб это не понимать, но Риту упал свет от канделябра, и я заметил испарину на лбу, воспаленный румянец и горящие лихорадочным блеском глаза. Мне стало ясно, зачем Элла сидела настолько близко к ней.

— Благодетель, прекратите это! — воскликнула она. — Разве вы не видите, что Маргарита сейчас сгорит?!

— Элина, все в...

— Не смей говорить, что ты в порядке! — возмутилась та. — Мы уходим! Завтра же я позвоню ее родителям и назначу встречу!

— В этом нет нужды, — ответила директор Сагх. — Я связалась с господами Прикер еще вчера.

— Что вы им сказали? — вдруг поднялась со стула Ри. — Почему вы не даете мне самой им позвонить?!

— Марга...

— И почему не пускаете меня домой?! — взревела она. — Что вы хотите сказать своими тупыми вопросами?! Что я опасная?! Что меня надо тут запереть?! Или что надо сослать в монастырь с другими?!

— Мы не хотим тебе навредить! — встала из-за стола госпожа Кларисса.

— Врете!

— Глупая, мы тебя спасаем! — вдруг взвизгнула госпожа Макрая.

С ее лица впервые пропала улыбка. Оно стало таким же изможденным, как у директора Сагх.

— Рита, дай нам задать тебе последний вопрос, — все так же миролюбиво и тихо продолжала госпожа Кларисса. — Мы хотим быть уверены в своих последующих словах. Когда ты родилась?

— Двадцать седьмого декабря двухтысячного года, — ответила Рита, замешкавшись.

Дело не в болезни. Нечто иное.

— Мы усомнились в результатах твоих анализов, решили их перепроверить и выяснили, что ответственный за транспортировку нарушил условия хранения, — потеряла виски кончиками пальцев директор Пембрак. — Иными словами — результаты ложные.

— Это предложил Адам, а я согласился, — вдруг подал голос молчавший до этого Ленард. — Вы вечно находите у ведуний в крови какую-то заразу и пичкаете лекарствами как конфетами. Я девчонке и так сдуру много успокоительного вкатил, стыдно мне было! Она с виду здоровее всех нас!

У меня защипало в глазах, и я тяжело вздохнул, чтоб сдержаться. Ленард воспринял это за укоризну и прошипел:

— Сам тоже врал, что не видел, как она колдует в наручниках.

— Мы задали твоим родителям вопрос, на который они ответили не сразу, — госпожа

Макрая подошла к Рири и дотронулась до ее лба, — Вы не хотели, чтоб это знал весь город? Боялись осуждения?

Рита подняла на нее взгляд и криво усмехнулась:

— Это было ничье дело кроме нашего. И уж точно не дело мира, который так со мной обошелся.

В моем разуме словно включили свет. Я понял, зачем нужны были все эти вопросы. Все это время мы были свидетелями истории настолько невероятной, что даже не воспринимали ее всерьез.

Девушка из далекого забытого мира «Земля» с легкостью побеждает монстров и создает магические щиты величиной с дом. Наручники для нее словно украшения, которые она может легко сбросить. Во снах к ней приходят обрывки будущего. Но эта магия для девушки не дар, но проклятие. Почему же? Почему она прячется от нового мира и не желает его узнавать? Почему скрывает свои таланты?

Потому что мы были жестоки к ней. Потому что в глубине души она знала, что мы слабы духом и плотью.

Потому что давным-давно мы не уберегли ее от беды.

Потому что направили память о ней во зло.

Потому что не узнали ее, когда она снова пришла в наш мир.

— В больнице сказали, что мне три дня отроду, — Рита зашаталась, схватившись за край стула. — Что они не знают, как новорожденная малышка выжила в такой стуже. Что те, кто бросил меня, нелюди. Я долго их оправдывала, ведь могло случиться всякое... Ведь не могли же меня просто забыть! Не могли потерять! Боже, почему так жарко...

Элла успела подхватить Рири, прежде чем она лишилась чувств у нее на руках. Ленард в два прыжка подскочил к ним, приложил руку к багровым щекам и заорал:

— Срочно за лекарствами! Какого Пекла вы тут все стоите?

Я тоже суетился вокруг нее, размахивая руками, словно надеялся, что так боль и жар отступят. Но директора стояли как статуи, даже не спеша к нам на помощь.

— Ей не помогут лекарства Ленард. Она устала как физически, так и духовно, — вздохнула Макрая. — Но ты пригодишься нам.

— Вы все пригодитесь нам в ближайшую неделю, — директор Сагх осторожно положила Риту на диван. — Все закончится к концу года.

— Закончится что? — закричала Элина.

— Процесс распада оболочки защиты, — ответила госпожа Кларисса, — и к концу Йоля мы поприветствуем нашу дорогую принцессу Лиссу.

Красные ниточки

Еще на первом уроке истории Измерения я мельком увидела их на самой последней стереографии, сделанной незадолго до катастрофы: рослый и крепкий, как скала, король с редкими седыми прядками в густых каштановых волосах, с морщинами на живом и обаятельном, но совсем не старом лице; королева чуть ниже ростом, волевая и сосредоточенная, смотрящая снизу вверх; дочь закрыта тенью отца, но если посмотреть пристально, то заметно сходство с матерью в чертах лица, да и темно-рыжие волосы тоже один в один. А кадр поставлен так, что живота почти не видно.

Никакого внешнего сходства.

Если бы я посидела подольше и разузнала побольше, то нашла бы все красные ниточки, ведущие к ним. Но, когда на тебя давят тоска по дому и мечта поскорее убраться из мира, где

тебя не ждали и где не любят, то желание узнать о нем больше пропадает начисто. А если добавить частый жар, ломоту в теле, бессонницу, недоедание и страх врачей, то на выходе получится истеричная, ничего не соображающая, параноидальная девица. Какие там изыскания и поиски, тут бы просто выжить.

Да, я не все описала вам, невидимые читатели. Вам надо только знать, что предательство Доры подкосило эту тушку окончательно.

Рита Прикер не жертва, забыли?

Давайте не будем о грустном, хорошо? Я ведь выжила.

Итак, в моей новой жизни сначала было не слово, а золотой луч, пронзивший меня насквозь.

***

Весь Йоль я провела в полузабытьи, слыша и чувствуя все происходящее вокруг словно через стекло.

Запах лекарств, холодная подушка, тонкие матрас и одеяло. Боль от уколов на сгибе правого локтя. Голоса.

Меня навещали каждый день. Ленард читал статьи из журналов, и теперь я знаю рецепт завтрака всего из одного овоща, название которого надо произносить, будто тебя тошнит. Элина пела колыбельные на языке, похожем на крик птицы. Алан не приходил. Наверное, счел свой долг благодарности полностью возвращенным.

Девять дней я сидела в огромном зале со стенами из тысяч зеркал. Через них прошлое общалось со мной.

Лучи солнца сквозь прутья колыбельки. Нежные руки, пахнущие чем-то мягким. Поцелуй в лоб. Тихий плач. Слезы, падающие мне на руку.

Моя бесценная. Моя крошка. Моя душа.

Грохот и крики. Крошки серого горького пепла. Золотые огоньки, парящие вокруг меня. Ослепительное белое сияние.

Прощай, любовь моя

Холод. Колючий снег. Темно. Пусто. Хочется плакать.

— Маршалл, кто-то пищит в сугробе!

— Сандра, это ветер. Садись в машину, Карлотта нас убьет!

— А вдруг это котенок? Их часто выбрасывают на дороге!

— Дай хоть посвечу.

— Спасибо. Откуда писк...

— О Боже! Смотри!

— Маршалл, хватай ее! В больницу!

— Что за уроды...

Писк. Иголки колют ручки. Вокруг чужие. Я совсем одна...

Где ты?

— Всевышний не зря послал вам ее.

— Прости, что сказали не сразу, мама.

— Не знали, как ты отреагируешь.

— Дураки. Как я могу быть зла на чудо Господне?

Три пары теплых рук. Радостный смех. Они не ты, но я все равно их люблю.

Прости, что я забуду тебя.

— Карлотта, ей нравится твое ожерелье!

— У девочки есть вкус. Оставлю ей в наследство.

— Мама!

— Не дуйся, Сандра. Вы уже придумали ей имя?

— Ей нравишься ты и твои украшения. Может быть, Перл Карлотта?

— Что за дикость? Она же леди!

— Может, Маргарита?

— Ей нравится!

— Привет, Маргарита Карлотта Прикер. Мы твоя семья.

***

Я подскочила на койке так резко, что окружающий мир смешался в кашу. Из горла вырвался писк:

— Где ты?

— Крошка, я тут! — в воздухе запахло цветочными духами. — Как долго ты спала, Рири!

Элину было не узнать без макияжа, а если быть точнее, то без элегантного макияжа и запаха спиртного. Она широко и искренне улыбалась мне, тараторя без остановки:

— Водички? Покушать? Позвать врача?

— Есть, — ответила я, ощутив режущую боль в желудке. — Вы меня жижей кормили!

— Несу-несу, только не буйнь! — рассмеялась Элла, убегая за ширму, стоявшую вокруг моей койки.

Я упала на подушки, ощутив тяжесть в висках и подступавшую к горлу тошноту. Но зато жар и ломота ушли. Откуда-то вкусно пахло чем-то смутно знакомым. Можно было лежать и разглядывать белый потолок в трещинках.

Потолок в трещинках. А раньше без линз и очков не могла дальше вытянутой руки увидеть.

Я подняла руки вверх и поняла, что мне даже не надо щуриться, чтобы четко видеть все пальцы.

Тогда меня впервые посетило новое чувство. Не страх и не тревога, а нечто совсем другое. Словно ты знаешь что-то новое, и нужно скорее рассказать всем об этом знании. Но память стерла все ластиком, и нужные слова затерялись в сознании.

— А вот и завтрак! — пропела Элина, развеивая этот приступ и лавируя между стулом и тумбочкой с подносом в руках. — Каша!

Я принялась получше и почувствовала, как внутри все оборвалось. Это был запах рисовой каши с изюмом, которую мы ели в каждое Рождественское утро.

— Спросила у твоих родителей, чем тебя обычно кормят на праздниках, — смущенно призналась Элла. — Варила три раза, сломала ноготь. Если не понравится...

Она зря волновалась — я жадно глотала ложку за ложкой, даже не прожевывая. В животе разливалась приятная теплота. Дело было вовсе не в каше.

— Мне нужно рассказать тебе кое-что важное, — вдруг сказала Элина, все это время с улыбкой наблюдавшая за мной.

— М? — оторвалась я от тарелки, вытирая запачканную щеку.

— У меня низкий заряд, — Элла села рядом на самый краешек. — Потому не могу творить настоящую магию.

Я взяла ее за руку, не желая признаваться, что знаю это давным-давно:

— А как ты колдуешь? Были же огоньки и сияние. И на уроках ты...

— Поверь, это ничтожно по сравнению с тем, что умели Верховные до меня. И тем, что

когда-то умела я.

Элина задумчиво смотрела то на краешек ширмы, то на пол, прежде чем продолжила:

— Рири, наши родители для нас все. И я верю, что мы для них тоже. Но так получилось, что мы будто стоим по разные стороны пропасти и не можем докричаться друг до друга.

Я кивала, как китайский болванчик, продолжая гладить ее по плечу. Она давно копила в себе то горькое семя и должна была показать этот «сад» тому, кто был готов выслушать.

— После падения Арилии между ними все испортилось. Знаешь, бывают такие периоды, когда вы устаете быть идеальными друг для друга. А тут еще такое несчастье. Сначала они просто друг друга не понимали. Потом начали ссориться с каждым разом все изобретательнее, находя друг в друге побольше больных мест, куда можно ткнуть. Это была настоящая война со стратегией и генеральными штабами. Первое время меня старались держать в стороне. Но однажды папа изменил маме. И ставки в игре стали крупными.

Элина обняла себя руками и принялась раскачиваться из стороны в сторону, при этом говоря спокойно и размеренно, словно речь шла о прогнозе погоды:

— Я была переходящим призом. Можно было запретить со мной общаться проигравшей стороне, можно было рассказывать сплетни, можно было подделывать мой почерк в записках «Папа, почему ты меня не любишь?». Я мечтала хоть на один день вырваться из этой резни, потому школа Эйлин стала для меня последней надеждой. Но как раз в Йоль эти двое решили, что невероятно весело прямо посреди праздника заставить меня выбирать, кого я люблю больше. Как сейчас помню: мама заливается слезами, папа — ласково твердит, что любимая доченька не может разочаровать. А дальше как в тумане. После этого кошмара ничего по-настоящему прекрасного у меня не выходит. Их надо ненавидеть изо всех сил. Но я люблю этих идиотов! И у меня сердце сжимается каждый раз, когда они говорят, что недовольны мной!

Она замолчала, зажмуривая глаза и сжимая губы с такой силой, словно боялась сказать нечто страшное. Но я знала: горькое семя должно выйти одним махом, иначе прорастет в груди заново.

— Вот почему ты так мне нужна! — вдруг разрыдалась она, прежде чем я успела сказать хоть слово. — У тебя есть все, чего нет у меня: хорошая семья, мощный заряд, нет загонов величиной с мои. И я подумала, что если помогу тебе, то смогу и себе! Но, Ри, я не могу! Я плохая подруга!

Элла говорила чистую правду: эгоизма и вредности в ней было выше крыши. Но вину в глазах она точно не отыгрывала.

— Мы все плохие друзья в какой-то степени, — похлопала я ее по плечу.

Она отстранилась от меня, шмыгая носом, и слабо улыбнулась:

— Не нравлюсь тебе такая?

— Иногда даже бесишь, — призналась я. — Но дело не во мне. Понравься самой себе для начала. А родители... Блин, Элла, да мы созданы для того, чтобы их разочаровать!

— О нет, только не мы, — горько усмехнулась она. — Ри, я говорила еще и про...

Договорить она не успела. Мне в рот попала прядь волос, и я закашлялась, выплевывая ее. А дальше все завертелось, как на карусели.

У меня между пальцами струились мягкие шелковистые темно-рыжие волосы. На кучу тонов темнее моих прежних. И голос все никак не уходил вниз.

Это то, что я хотела сказать?

— Элла, — отставила я тарелку в сторону, — дай мне зеркало.

Она со вздохом достала пудреницу из кармана и пробормотала:
— Хотела перейти к этой теме после завтрака. Прошу, только не...

Ее последние слова потонули в страшном шуме у меня в ушах.

У моего отражения были золотые искорки в глазах.

***

— Ее звали Верена Ксила. Выпустилась всего пару лет назад, путешествовала по всем нашим мирам, но решила вернуться в родную школу и рассказать о всех чудесах, что видела.

Мы с Клариссой медленным шагом гуляли по опустевшим коридорам школы Ронетт. В отсутствие девочек, разбавлявших мрачность обстановки звонкими голосами и просто одним своим присутствием, запустение и бедность ощущались еще острее.

А, может, я просто увидела все новыми глазами?

— Вы не просили рекомендаций с прошлой работы? — не могла взять в толк я. — Не поняли из бесед, что с ней не все в порядке?

— Не нашла ничего темного в ее помыслах, клянусь тебе, — директриса Сагх вынуждена была опираться на трость. — Я вела ее по своему пути с самого первого дня. Нас намного меньше, чем Чародеев, потому мы никогда не теряем друг друга из виду.

— Она показала вам только то, что было можно показывать, — догадалась я. — Если вы ее учили, то дамочка знала вас, как свои пять пальцев.

— Первое время Верена преподавала блестяще, — кивнула мне Кларисса. — Сестрички постоянно крутились вокруг нее, а та была не против. Оставалась с ними после занятий, ни одну не обделяла вниманием. Даже приглашала всех на посиделки по выходным.

— На такое можно купиться, — протянула я, пальцами пробегаясь по пыльным подоконникам.

— Мне нравилось, что девочки из разных миров не чувствуют себя одиноко, — продолжала директриса Сагх, — потому я упустила тот момент, когда она начала рассказывать им истории о Звере.

Кларисса остановилась посреди коридора, безучастно глядя на героев портретов, проживавших одни и те же истории по кругу.

— У вас раньше такого не было? — осторожно дернула я ее за рукав черного плаща. — Никому в голову не приходило оправдывать Зверя?

— Благодетельницы Арили из года в год учили Жрецов и нас тому, как различать свет и тьму, — директриса Сагх толкнула дверь одного из класса жестом приглашая меня войти. — Но когда за дело берется молодая женщина, умная и яркая, то даже самого благочестивого легко сбить с пути.

Мы оказались в старом классе. Судя по облакам пыли и паутинкам на потолке, уже давно никого не было. Я смахнула пыль со стола и осторожно села на стул, угрожающе заскрипевший подо мной.

— Так странно больше не быть легче перышка, — проворчала я, садясь на пол. — Элла обещала закупить новую одежду, старая буквально по швам трещит. Штаны теперь как шорты.

— Ты на удивление быстро привыкаешь, — улыбнулась Кларисса.

— Мне теперь не надо просить продавца достать банку горошка с верхней полки, и в кино на вечерние сеансы точно пустят, — криво усмехнулась я, вспомнив свои прежние жалобы маме.

Она бы меня точно не узнала. А папа? Может быть? Слишком много догадок.

— Йоль в тот год выдался холодный, — директриса Сагх оперлась о кафедру локтями. — Но все девочки разъехались на каникулы, неся с собой учение Верены. И незаметно для самих себя превратились в вербовщиков. Если им доводилось встретить старших и более разумных ведуний, то бедняжкам устраивали хорошую взбучку и прочищали разум. Но если им встречались сверстницы или девочки помладше...

— Сколько они привели за собой? — тихо спросила я.

— Этого уже не сосчитать, — развела руками Кларисса. — Пойми, не все из них успели сотворить страшное. Кто-то просто любил слушать Верену, но не воспринимал ее всерьез. До черты невозврата дошло меньше двух десятков. Королева Рослин спасла от расправы более двух сотен, оплатив защитников, а потом отправив в монастырь на пару лет, чтоб они очистили разум.

— А в чем состояла «черта невозврата»?

Директриса Сагх пристально взглянула на меня, словно пытаюсь понять, чего больше было в моем вопросе — глупости или наивности.

— Что такого страшного, по-твоему, сделала Верена? — спросила она.

— Дело не только в этом кружке? — я размышляла вслух, накручивая прядь на палец. — Пошли против законов Мироздания?

— Вспоминай наши первые встречи, юная сестра, — в глазах Клариссы зажегся пытливый огонек.

— Значит, дело и правда в Мироздании, — хрустела я пальцами. — Нарушение трех законов Благодетеля? Нельзя создать, продлить или отнять жизнь при помощи магии...

— Правильно ты понимаешь эти законы? — продолжала Кларисса свой маленький экзамен.

Породить, продлить, отнять ... О Боже!

— Амарис или убила, или воскресила, или создала человека, — в ужасе прошептала я. — И они...

— Твои дедушка и бабушка сразу же потребовали объяснений, — продолжила свой рассказ директриса Сагх, — но то, что случилось дальше... Мы не можем рассказать тебе.

— Очуметь, — только и смогла сказать я.

— Рита, — директриса Сагх впервые назвала меня так, — любая правда уродлива и неприятна. Но эта... Если я открою ее прямо сейчас, то уничтожу тебя.

У меня зазвенело в ушах. Я уже успела понять, что Кларисса не договаривает ни одно предложение до конца. Но вот настолько откровенное признание сбивало с толку.

— Макрая упрекает меня в том, что я прячу своих учениц в коконах, — продолжала она, разводя руками. — Что ж, признаю: падение Арили отбросило нас назад, прежде всего потому что Гвардия уж слишком рьяно восприняла предложенные мной меры... Но то была вынужденная жертва. Пожертвуй парой — спаси всех.

— Прямо как в шахматах, — пробормотала я, — но жизнь это не игра.

— Ты права, — госпожа Кларисса внезапно сжалась, походя на больную и раненую птицу. — Именно поэтому я потеряла Долорес. И потеряю еще многих. Если эти жертвы помогут мне сохранить тебя, то я готова доиграть до конца.

Она вышла из-за кафедры и приблизилась ко мне. Я взглянула на нее волком и фыркнула:

— И вы думаете, что я съем все это как булочку? Моя семья и куча других людей погибли ужасной смертью, но все никому ничего не расскажут. Блеск! Вы обещали мне

правду! И ни хрена не даете! Так что... Приятно было познакомиться.

С этими словами я решительно направилась к выходу из класса, буквально ощущая, как кровь закипает у меня в жилах.

Нашлась, блин, стратег года! Я в их игры не включаюсь!

— Она придет за тобой, когда узнает, что все это время гонялась не за той мишенью! — вдруг крикнула мне вслед Кларисса. — Дора уже проиграла тебе, больше ей такого не простят! Она будет учиться. Будет выжидать в тени. Ты уверена, что сможешь противостоять ей в следующий раз? Уверена, что защитишь своих родителей?

У меня подкосились ноги. В памяти огненными узорами вспыхивал то мертвый Адам, то яростный взгляд Долорес, то ее плевок прямо мне под ноги.

— Ты узнаешь правду, клянусь, — положила Кларисса свои сухие костлявые руки мне на плечи. — Когда станешь достаточно сильной и мудрой, чтоб вынести ее.

— А если не стану? — дерзко спросила я.

Она покачала головой и с самой снисходительной улыбкой в мире произнесла самые страшные для меня слова:

— Придется. Ты не можешь подвести свое наследие.

***

Давным-давно мама рассказала мне о красных нитях судьбы. Как только люди повязывали их друг у друга на запястьях, то навечно становились связанными судьбой.

Я перерыла все ящики в комодах и шкафах кабинета Клариссы, но все же нашла клубок красной пряжи. Четкого плана действий у меня не было, одно наитие. Наверное, потому браслеты вышли немного нескладные.

Сколько невидимых красных нитей я завязывала на запястьях?

Мама и папа любили бы меня высокой желтоглазой чудилой с писклявым голосом. Атасемья? Они бы приняли меня низенькой, худенькой и с безумной копной, а не идеальной волной шевелюры?

Я не чувствовала красных нитей между ними и собой. Как долго бы продлилась их любовь?

*Алан, молящий невидимого отца простить его, валяясь на полу камеры в немом крике.
Элина, заливающая предательство матери выпивкой.*

Сколько невидимых красных нитей порвано на их запястьях?

— Привет, — раздался робкий голос у порога, — Элла сказала, что ты теперь живешь здесь, и я решил...

Ленард мялся у двери, держа в руках маленькую коробочку, перемотанную лентами. На локте у него висел зеленый бесформенный халат, щетиной можно было заколоть насмерть, но усталые серо-зеленые глаза светились особой мягкой добротой.

— С днем рождения, — протянул он мне коробочку, — и с концом Йоля. И у тебя дома тоже прошел какой-то праздник, который я забыл. Поэтому вот.

Я невольно рассмеялась от его очаровательной неловкости и подошла к нему, отложив пряжу в сторону.

— Спасибо, — мягко кивнула я, приглашая его сесть рядом со мной.

Ленард плюхнулся на стул, сложив руки на коленях, а потом вдруг затараторил:

— Я не верил ничему, что он говорил про тебя! Уйти не мог, потому что боялся потерять деньги! Но как только увидел тебя у Клариссы, то так себе стал мерзок! Уволился сразу же! Теперь работаю в госпитале, не вернусь к этому олуху!

— Ты ни в чем не виноват, — остановила я его, разрывая обертку подарка. — Кстати, у меня вопрос об Алане. Почему он меня не навещал?

— Не знаю, — покачал тот головой. — Наверное, король Эйл вызвал и тот помчался валяться в ногах у папочки.

Я достала из коробочки красную свечу, пахшую сладостями, но вдруг задумалась над словами Ленарда, так похожими на утреннее признание Элины.

Наши родители для нас все.

— Ты жесток к нему, — бесшумно подошла к нам Элина, — и я тоже была жестока.

— Любезность за любезность, — недовольно отрезал он. — Поганец из меня всю душу выпил.

Элла вручила мне вскрытый бело-синий конверт со словами:

— Алан попросил меня посмотреть сначала самой. И просил отдать тебе как можно скорее.

Мне пришлось несколько раз перечитать содержимое письма, прежде чем промямлить:

— Он правда это сделал?

— Я сама бы не поверила, — кивнула Элина.

— Да ну нафиг...

— Дамы, удовлетворите мое любопытство, — просунул голову между нами Ленард. — Пекло! Вот это жесть!

Алан признался отцу и сэру Персивалю. Он прислал мне копию приговора дисциплинарного слушания, где его признали виновным в лжесвидетельствовании при даче показаний об обстоятельствах гибели капитана Адама Горна. А также приложил краткую записку, написанную четким аккуратным почерком:

Принцесса Лисса,

Надеюсь, что мое письмо не потревожило Ваш покой. Я приношу глубочайшие извинения за все свои поступки по отношению к Вам, недостойные королевской чести дома Нилиона. Смею заверить, что понесенное наказание будет соразмерно моей вине, хоть и осознаю, что оно никогда не искупит ее полностью. Но я все же осмелюсь предложить любую посильную помощь в делах, что ожидают Вас на пути. Желая счастливых праздников и скорейшего выздоровления.

Алан Нилионский.

Ленард подпер подбородок кулаком и пробормотал:

— Вот же придурок.

Я огляделась вокруг в поисках своей смарт-панели и спросила ребят:

— Слушайте, ни у кого нет его номера? А еще у меня вопрос: что едят на Йоль?

***

Алан пришел как раз, когда мы закончили накрывать на стол. Застегнутый на все пуговицы (пальто было непричем), с землисто-серым лицом и незаживающими ранами от ногтей на ладонях, он недоверчиво оглядел гостиную покоев Клариссы, освещенную лишь сиянием свечей, стол с кучей еды и нас троих.

— Что это все означает? — прозвучал его первый вопрос.

— Кларисса отдала мне свои покои и разрешила неистово беситься, — ответила я, между делом заплетая волосы в косу. — Я хочу неистово наесться, но хомячить одной не в кайф. Давайте хомячить все вместе!

Алан не поверил моей чересчур радостной браваде. И ребята тоже не поверили, пока мы

варили кашу и пекли пироги в маленькой школьной кухне.

— Ты в порядке? — вдруг спросил Алан.

Тот самый нужный вопрос. Никто кроме него не спросил за эти дни, что я чувствую на самом деле.

— Я должна остаться в Измерении навсегда ради безопасности приемных родителей, — опустила я голову, перебирая ложки. — Буду нести на плечиках наследие семьи, который даже не помню. Мне страшно и одиноко. Знаю, что вы не обязаны, но... Было бы классно, если бы мы посидели вместе и отпраздновали конец Йоля. И я еще подарки приготовила!

Я достала из-под стола три маленькие коробочки, в которых лежали браслеты из красной пряжи, и поставила их на стол.

— Могу понять, почему вы выбрали Элину и Ленарда, принцесса Лисса, — усмехнулся Алан. — Но почему выбор пал на меня?

— Потому что у нас всех одна ноша, — я протянула ему подарок. — И ты забыл? Я Маргарита, можно просто Рири.

Он аккуратно вытащил браслет из коробочки и замер, держа его дрожащими пальцами. *Потерявший спесь и гордыню. Растерянный и испуганный.*

— Давай садись за стол, — дружелюбно рявкнул Ленард. — Опять весь день ничего не жрал? Чтоб все съел без разговоров!

— Если ты сам все съешь, — улыбнулся ему Алан. — Спасибо за приглашение, Рири.

Больше не Придурок.

***

Невидимой красной нитью связаны живущие во всех-всех мирах. Они завязывают их и обрывают, уходят и возвращаются.

Я знаю, что однажды вернусь по ниточке к своей семье. Знаю, что приведу в нее новичков. Знаю, что отпущу тех, кто не захочет больше быть связан со мной.

Я оставляю в сердце все-все обрывки, чтобы однажды связать их заново.

Ты не вернешься. Глупо на что-то надеяться.

Но я никогда не забуду тебя. И, наверное, однажды смогу простить.

А я — нет

Все еще не поняли, зачем я мучил диктофон и вас своей исповедью?

Молодой мужчина прячется где-то в перелесках Пустошей, без устали рассказывая невидимым слушателям историю своей паршивой юности. Неужели вы правда думали, что он хотел передохнуть и уйти живым?

Я уже почти сделал это. Поднес дуло к виску и приготовился украсить стену мозгами. Но...

Меня посетило видение, что тревожит уже много лет, не давая жить спокойно.

Сияющая золотистыми огоньками женская фигура. Смех звонче переливов колокольчика. Тепло рук на плечах и спине.

Намек понят. Ты почему-то не хочешь, чтобы я закончил свое позорное существование.

Тебе не приходило в голову, что порой ты бываешь слишком требовательна?

Я не знаю, зачем живу. И не знаю, зачем продолжать жить. Подскажи хоть одну адекватную причину? Молчишь? Так и знал.

Ты жестока. Ты очень ко мне жестока.

Рита, я больше так не могу! Прошу, просто дай мне сдохнуть!

Дорогая серая масса, а что думаете вы?

Послушаете еще одну историю, пока я решаю, нужно ли дальше искать в себе силы нести эту ношу дальше?

***

Я никогда не был настолько поломан и уничтожен, как зимой и весной первого учебного года в Тинтагеле.

Разумеется, меня не могли посадить в тюрьму за лжесвидетельство — где бы отец раздобыл нового наследника? Но это не означало, что мою жизнь не могли сделать подобной тюрьме.

— Вижу тебя, только когда идешь по коридору на занятия, — Ленард передал мне отчет о смене. — Ты как вообще?

Я посмотрел на него исподлобья и хмыкнул:

— Какое тебе дело? Разве тебе не противно «даже срать со мной на одном поле»?

О да, его увольнение прошло с шиком, блеском и потоком грязи, вылитой на меня. Наверное, ему было стыдно, ведь я не ответил ни на одну нападку.

— Алан, — вздохнул Лен, — давай поговорим, как мужик с мужиком. У нас теперь есть общее дело, потому мы должны перестать цапаться...

— С тобой цапается какой-то воображаемый друг, — прервал я его. — У меня к тебе нет никаких претензий.

— Мне сказали...

— Слушать надо ровно то, что идет из этого рта, — ткнул я пальцем себя в подбородок. — Общее дело я не подведу, уже большой мальчик. А теперь позволь идти. У меня моление через час, а потом идти на смену.

Отец не дал четких указаний насчет моего наказания, даже не счел нужным выйти на связь после приговора. Через сэра Персиваля он передал, что я взрослый мужчина и должен сам решить, как искупить свою вину. На этом его участие закончилось.

— Это и есть его наказание, — объяснила мне Элина, взбалтывая соломинкой густой напиток цвета болотной жижи. — Пусть сынок съест себя сам маленькой ложечкой.

Мы невероятно сблизились меньше чем за пару месяцев. Она бросила пить, под села на чересчур здоровый и весьма активный образ жизни и стала весьма приятной в общении, не считая моментов, когда пыталась посвятить всех нас в новую веру.

— Не принимает ни одного запроса на связь, — я сделал глоток пошла за компанию и поморщился. — Прости, ты уверена, что это оздоравливает? Как будто у яда и тошноты родились дети.

— Инфантильные родители часто игнорируют своих детей, когда не могут вербально объяснить им, чего хотят, — забрала у меня стакан Элла. — И не надо обижать мой очищающий коктейль. Не хочешь пить — мне больше достанется.

Мы брели по окраине парка, вдыхая теплые запахи молодой липкой листвы и прелой земли полной грудью. Почему-то в подобные сумерки меня всегда окутывало волной грусти.

— Элла, — вдруг спросил я жалобно, как маленький мальчик, — он меня не любит?

— Если бы я знала, Ал, — потрепала она меня по голове. — У наших родителей не было сил заботиться о себе, что там про нас говорить.

— И потому с нами обращались чуть лучше, чем со скотом? — злость и грусть лились из меня, как вода из переполненной чаши.

— Да, они не очень-то старались любить нас, — тряхнула головой Элина. — Но я так устала жалеть себя! Алан, у нас впереди такая важная пора! Не надо портить себе жизнь,

сидя в раковине и думая, как заставить каменную глыбу хоть что-то чувствовать к тебе!

Сказать по правде, отцу не нужно было даже стараться придумывать наказание. Я готов был покарать себя абсолютно добровольно.

Каждый вечер я читал вслух книгу о сотворении Мира, уделяя особое внимание строкам: *«И будут низвергнуты в Пекло лжецы. И задохнутся они заживо в паутине своей клеветы. И каждое слово против правды будет ранить их больше ударов ста мечей»*. Последняя фраза произвела на меня сильное впечатление, потому что, кроме одного приема пищи в сутки, я изобрел для себя весьма изощренную пытку.

— *Это нахрен что такое?* — просипела Рита, задирая манжет моей рубашки.

— *После примерки пара осталась,* — соврал я, пытаясь вырвать руку из ее цепких пальчиков.

— *Пять штук это не пара! Быстро вытащил!*

На пол посыпались иголки, которые я все утро втыкал в жесткую ткань. Запястья заныли и заболели от сотен уколов.

В кабинет госпожи Клариссы наконец-то пробилось солнце, яркое и теплое для весенней поры Клена (или для конца апреля). Оно ярко осветило всю картину: мое запястье в маленьких красных точках, капельки крови на коже и белой ткани, старые желтые книги...

— *Если ты думаешь, что так снова станешь настоящим мальчиком, то нифига.*

Волны темно-рыжих волос, золотистые глаза и россыпь веснушек. Руки, парящие вверх-вниз, как крылья у птицы. Голос нежнее перелива колокольчика на ветру.

Ри. Та.

— *Это не твое дело!* — я освободился из ее хватки и отскочил почти к двери. — *Что ты вообще из себя строишь?*

— *Строю?* — у нее поползли вверх брови.

— *Да, строишь!* — злость буквально пожирала меня изнутри. — *Благодетельница хочет всем добра! Даже уroda, что поломал ей жизнь, хочет помирить с друзьями!*

Ри медленно приблизилась ко мне, шуриша складками голубого платья. Затем она снова взяла меня за руку и произнесла:

— *Я тебя прощаю.*

Мне показалось, что сердце сделало кувырок. Рита смотрела на меня все также пристально, а от ее пальцев исходило тепло, убивавшее боль.

— *В Пекло такие подачки!* — взвыл я. — *И тебя в Пекло! Ты совсем дурная?!*

— *Да!* — дерзко ответила она. — *Бить больше нечем?!*

Я опять превратился в огромную расколотую вдребезги и кое-как склеенную чашу, из которой бежали боль и горечь.

— *Не смей меня прощать!* — шипел я, чувствуя комок в горле и горячие слезы на щеках. — *Никогда не смей...*

Рита обняла меня и ответила, сама едва сдерживая слезы:

— *Я не хочу и не буду тебя ненавидеть. Но прошу, перестань ненавидеть сам себя!*

Теплые руки на плечах. Цветочный запах духов.

Ри. Та. Ри. Та. Ри. Та.

Где-то вдалеке зазвенела панель, Рири побежала проверять в чем дело. А я остался прижатый к двери, переводя дыхание и пытаюсь понять, что со мной только что произошло.

Благодетельницы Арили творили настоящие чудеса: они возвращали пшеничные поля

за день, останавливали бури и исцеляли болезни.

А Рита исцеляла сердца. Она исцелила мое.

***

Вы такая невнимательная публика, право слово. Я тут все пишу об общем деле, сменах, а вы все не спрашиваете, в чем было дело.

Макрая и Кларисса не смогли бы придумать правдоподобной лжи о том, почему юная сестра Прикер за каникулы выросла на десять сантиметров, обзавелась золотыми глазами и способностью выращивать цветок из маленького семечка за полчаса. Именно потому Рири практически не покидала покоев директора Сагх. Но скучать ей было некогда. Рита работала без устали, а мы помогали ей как младшие наставники. И как друзья.

Она разговаривала по голограммосвязи с ведуньями в монастырях Благодетеля, заново тестируя их на приверженность к секте Зверя. Разумеется, не все были вежливы к ней, некоторые даже шипели что-то о предательстве сестринства. Но Рита не обращала внимания на их грубости. Под пристальным наблюдением оставили лишь пару девушек из десятка. Остальным Гвардия разрешила вернуться в школу Ронетт к началу следующего семестра.

— Они напуганы и злы, но не хотят даже думать о Звере, — объясняла Рита, разбирая ответы сестер чуть ли не по буквам. — Нельзя наказывать девчонок, просто потому что они не так на вас посмотрели.

Еще Ри много училась: углубленная история Измерения, книга о Сотворении мира. Прорицания, Душеведство и магическая медицина. Последнему она уделяла огромное внимание, пытаясь помочь Элине заново научиться колдовать.

— *В тебе есть что-то измученное, — говорила Рири, развалившись на пледе и водя рукой над юными травинками. — Магия тебе не в радость, а совсем наоборот.*

Мы выбрались все вместе пообедать в парке на первых выходных весенней поры Жасмина (или первых майских выходных). Элла и Ри сидели под огромным дубом, пока мы с Ленардом сидели неподалеку и периодически проверяли, нет ли поблизости еще людей.

— *Я ее люблю, — вдруг прошептал Лен, убедившись, что девочки нас не слышат.*

— *Сочувствую, — отозвался я, заглядывая на главную аллею.*

— *Ты тоже думаешь, что у меня нет шансов? — почесал тот затылок, пиная камушек, так некстати оказавшийся на пути.*

— *Я сочувствую бедной Элле, которой придется видеть твои неловкие брачные танцы.*

— *... Давай создадим новые воспоминания! — ветер донес до нас обрывки возгласа Риты.*

Он посмотрел в сторону поляны с невероятной болью во взгляде. Мне вдруг стало стыдно перед Леном. Да, до идеальной дружбы нам было далеко. Но ведь начать заново еще было не поздно.

Так Рири сказала.

— *Прости, — положил я ему руку на плечо. — За все. Я та еще тварина.*

— *Ты тоже меня прости, — улыбнулся Ленард. — Мы оба тварины.*

— *Точно.*

— *Эй, слышь, ты должен был сейчас не согласиться и сказать, что я человек высоких благородных качеств!*

— *Решил больше не врать, прости.*

— *... Котятки, пироженки, Тимоти Шаламе! — Рита не отставала от Элины. — Что значит не знаешь, кто это? Я тебе щас фотки покажу!*

Мы медленно направились назад. Ленард мрачно смотрел себе под ноги, тяжёлыми шагами поднимая пыль вверх. Я не знал, как поддерживать правильно, но переключить его на другую тему вполне мог.

— Может, ты не влюбился, — пихнул я его под руку. — Может, это пройдет!

— Правило трех часов после Темной поры.

— Что?

Ленард остановился и ответил мне с горечью прожженного мудреца:

— Если в три часа после Темной поры ты не можешь уснуть, думая о ней, то все. Это конец. Понимаешь? Ты пропал!

— Это подтвержденная информация? — нахмурился я. — Эксперименты проводил? У коллег спрашивал?

— Да пошел ты! Между прочим, я был популярен у девушек!

— В том и дело, что был!

Ленард уже открыл рот, но нас отвлек яркий серебристый свет. Все травинки и первоцветы покрылись яркой сияющей росой. Прекрасное видение длилось меньше мгновения, а потом резко пропало.

Мы побежали к нашей поляне. Элла лежала на пледе, беспомощно моргая, а Рири суежилась вокруг нее, размахивая бутылкой с водой и причитая:

— Сильно я тебе импульса придала? Ничего, котик, в следующий раз буду помягче!

Рита не очень любила колдовать сама. Она могла вырастить яблоки на дереве, перевернуть огромный камень силой мысли и залечить раны, но никогда не использовала магию в бою, уворачиваясь от противника или используя щит. Это не нравилось ни Макрае, ни Клариссе.

— Ты должна отвечать на силу силой! — злобно передразнивала она своих наставниц. — Никому я ничего не должна, перчатки старые!

Рири ошибалась. Долг наследницы древнейшего королевского дома нарастал за ее спиной как снежный ком. И его рано или поздно нужно было отдавать.

Первое представление последней принцессы Арили наметили на первый день весенней поры Ясеня, совместив с экзаменом Элины на титул Верховной чародейки Лефари.

Я был несказанно рад этой дате, потому что Чудо, которое она готовила вместе с Рири, отвлекло бы их внимание от меня.

Двадцать пятое мая. Мой день рождения.

***

Стоило мне только переступить порог комнаты Элины, как в меня полетел ворох разноцветных бумажек.

— Неужели ты думал, что уйдешь от нас так просто? — промурлыкала хозяйка комнаты, одетая в нежно-голубой шелк.

— Да-да, — вторил ей Ленард, с трудом даже дышавший в сером льняном костюме. — С народжением, дурачок!

Я стоял абсолютно ошарашенный. Настроение с самого утра было хуже некуда. Отец даже не удосужился написать хоть пару строк. А еще я не смог выспаться из-за странного холодка на шее, потому намеревался пережить день и забыться на закате до следующего дня.

Мне в руки запихнули тарелку с огромным куском шоколадного пирога и вилку.

— Всю ночь для тебя пекли! — гордо заявила Рита, похожая на бабочку в легком

светлом платье. — Подарки получишь после экзамена, потому что мы все их забыли у меня в спальне.

— Очень полезно для здоровья! — не утихала Элла, подкрашивая глаза перед огромным зеркалом. — Сухофрукты, мука с низким содержанием углеводов...

Она вдруг ойкнула и убежала в соседнюю комнату. Ри и Лен заговорщицки подмигнули друг другу.

— Мы заменили муку, — прошептал Ленард.

— И фрукты не положили, — смущенно почесала затылок Рита. — Элина нас убьет.

— Не убьет. Она даже не знает, какая эта дрянь на вкус.

— Точно?

— Крошка, да она тащит в рот все, на чем есть пометка «Диетическое»! Не глядя!

— Ох, надеюсь пронесет. Ал, ты уже попробовал? Ал?

Я вытирал слезы кулаком и громко шмыгал носом. Меня переполняло незнакомое чувство, словно солнечные лучи пробили мою броню и растапливали тяжелое и тянущее чувство в груди, с которым я жил всегда.

— Такой большой мальчик, а ревешь! — неловко похлопал меня по плечу Ленард. — Нам сегодня сколько — восемнадцать или восемь?

Рита, которой пришлось стоять на цыпочках, глядя меня по голове, вдруг удивленно спросила:

— Сколько? Так это что выходит... Я тебя старше?

— Всего на пять месяцев, — отозвался я, потихоньку приходя в себя и даже не понимая, в какую ловушку только что попал.

По лицу Ри расплзлась широкая улыбка, а в глазах засверкали дикие огоньки. Она взъерошила мне волосы и лукаво спросила:

— Ты у нас младшенький?

— Нет! — запротестовал я. — Мы с тобой одного...

— Рита, хватит издеваться над малышом! — раздался голос Эллы. — Ленард, разними деток!

— Но ведь так неинтересно! — обиженно протянул тот.

В кармане моего пиджака завибрировала панель. Это был отец, кто же еще.

Я не потрудился даже проверить оповещения. Был слишком занят.

Развлекался с друзьями.

***

Когда мы вошли в спортивный зал школы Эйлин, директрисы и сэр Персиваль уже расселись за огромным столом, обложившись бумажками как престарелые патриархи. А за ними на зрительских рядах расселись все королевские дома, что только смогли собрать.

Болезненно прямые и тошнотворно идеальные, в тяжелых тиарах и венцах и одеяниях, похожих больше на клетки. Стекланные и фарфоровые, откровенно скупающие и не понимающие, зачем их вызвали на экзамен принцессы-пьянчужки. Решившие не жить и не дышать ради идеала.

Мы шли за Элиной и Ленардом, потому могли незаметно оглядеть всех. Как только Ри увидела людей, которым ее должны были совсем скоро представить, то замедлилась, в ужасе глядя на них.

— Страшно, — прошелестела она.

Я молча взял ее за руку и лишь приподнял уголки губ, всеми силами пытаюсь показать,

что бояться нечего.

— Да просто перенервничала, — поежилась Рири. — Плохо спала те два часа, что удалось урвать. Холодок такой на шее мерзкий был...

Я решил не рассказывать, что чувствовал то же самое. А стоило бы. Тогда тот день не закончился бы настолько погано.

Отец сидел в самом центре зала. Мы обменялись приветственными кивками — на большее он решил не размениваться. Рита заметила это и сжала мои пальцы своими, думая, что я расстроен.

Плевать на него. У меня есть вы.

У меня есть ты.

— Приветствую, чародейка Элина! — начала экзамен госпожа Макрая, потому мы быстро уселись в самом дальнем конце зала.

Элла стояла в центре игрового поля словно маленькая птичка под свирепым взглядом хищников. Но она отвечала им приветливо и абсолютно спокойно:

— Здравия всем, кто пришел поддержать меня в начале долгого и длинного пути хранительницы волшебства Лефарии!

— Чем ты докажешь нам и Благодетелю, что достойна его и нашего доверия? — продолжала церемонию директриса Пембрак.

Вместо ответа Элина подняла руки высоко вверх и хлопнула в ладоши.

Во всем зале погас свет. Но вдруг прямо из рук Эллы начали один за одним появляться серебряные огоньки. Они порхали вокруг нее в подобии четко отрепетированного танца, сближаясь и разбегаясь друг от друга.

— Звезды всегда играли особую роль в наших жизнях и в жизнях наших предков, — плавным и сильным голосом начала свое представление Элина. — Мы предсказывали будущее и находили дорогу домой по звездам. Мы получали тепло и свет от энергии Солнца — огромных звезд, что подарил нам Благодетель. Даже созерцание их красоты целебно для юных душ и разумов, вы согласны?

Огоньки вокруг Элины складывались в картины лекарей, прорицателей и художников. Неожиданно она снова хлопнула рукой, и огоньки исчезли.

Мои чувства обострились в крошечной тьме. В шею снова задул мерзкий холодный ветерок.

— А иногда звезды — это единственный свет, который есть у людей, — снова раздался голос Элины. — В некоторых мирах нашего Измерения ночь длится полгода. И порой там бывает так темно, что хочется кричать от страха, что так будет вечно. Я не жила в таких краях, но знаю, что такое — жить без надежды и проблесков радости, что дарит свет. Именно потому я хочу предложить источник энергии, который раньше никто и нигде не применял.

В проходе ровными рядами ярким белым светом загорелись светильники и гирлянды. Элла сама стояла со старинной лампой в руках, глядя прямо на нас:

— Я не инженер, — скромно призналась она, — просто девушка, только-только обретшая свет и цель в жизни, потому предлагаю лишь идею. Но вдруг сегодня в этом зале найдутся мои будущие товарищи и верные друзья, готовые помочь мне превратить ее в нечто великое? А я клянусь здесь и сейчас, что буду гореть так ярко, чтобы даже самая крошечная Тьма отступила. И больше никто не останется без света и без надежды. Спасибо за ваше внимание!

В наступившей тишине раздались первые едва слышные хлопки. Они становились все громче и громче, превращаясь в чудовищный шум.

Рита зажала уши руками и положила голову на колени. Я аккуратно сгреб ее в охапку и вывел из зала, пока лицемерное стадо восхваляло ту, что недавно мешало ее с грязью.

***

— Я их боюсь, — простонала Ри, прижавшись лбом к стеклу. — Мерзкие-мерзкие-мерзкие!

Я сидел рядом с ней на подоконнике, выжидая момент, когда ей станет чуть легче. Она медленно приходила в себя, лихорадочно повторяя:

— Не буду такой. Не стану такой. И ты не будь, прошу!

Я вздрогнул от ее последних слов. Рита смотрела на меня с отчаянием, как на умирающего. Нельзя было еще больше ее расстраивать.

— Не буду, — положил я руку на сердце. — У меня на это нет теперь на это никакого морального права.

Рири успокоенно вздохнула и сползла вниз на пол. Шум из зала давно стих, лишней повод для тревоги ушел. Она посмотрела в окно и вскрикнула.

— Что там? — соскочил я с подоконника. — Благодетель...

Мы увидели Элину, стоявшую на самом краю крыши. Рядом с ней стояла черная женская фигура, державшая ее за одно только запястье.

***

— Совсем не торопились, — прицокнула языком Долорес. — Пирожок, тебе нужна подруга или нет?

Элина не пыталась вырваться. Она смотрела в одну точку стеклянными глазами, как будто и не дыша. Издали ее можно было принять за большую тряпичную куклу.

— Отпусти ее, — приказала Рита глухим рыком.

Долорес заливисто расхохоталась. За полгода она зачахла: волосы превратились в грязное и спутанное гнездо, щеки ввалились как у покойницы, кожа стала серой с выступающими черными венами. Только лишь темно-карие глаза напоминали о прежней красоте. Но светились они, как огни Пекла.

— Я долго думала, что твои засранцы отдали благодать своим дружочкам из Лефарии, — она ущипнула Эллу за щеку. — Представляешь, как обрадовалась, когда узнала, что она твой Куратор? Кстати, за часики огребешь, Рита. Я следилки полночи туда ставила.

Я загородил Рири собой, готовясь хватать Элину за руку и бежать. Но Дора посмотрела на меня, как на насекомое, и щелкнула пальцами со словами:

— Достал.

Я отлетел на другой конец крыши и рухнул почти на самый край. Все тело пронзила чудовищная боль, мешавшая даже перевернуться на спину.

— Знаешь, что вспомнила? — Долорес разговаривала с Ри как с нашкодившим ребенком. — Прошлую осень. Ты не можешь встать с кровати и реवेशь круглыми сутками. Я кормлю тебя, пою колыбельные, чуть ли не переодеваю. Не помнишь, когда случился самый яркий эпизод? Точно! Когда ты пошла в эту дыру, а тебя сравнивали с грязью те двое кровопийц. И что я вижу? Стоило мне отвлечься, как ты с ними браслетики дружбы плетешь!

Рита не издала ни звука. Когда я насилу смог оглядеться, то увидел, что она стоит практически рядом с Дорой, но не пытается даже оттолкнуть ее от Элины.

— Что он с тобой сделал? — в ужасе прошептала Рири. — Ты как...

— Мертвечина, знаю! — перебила ее Дора. — Твоя вина, между прочим. Думаешь, Учитель простил мне, что я вернулась в тот раз без тебя? Нам всем приходится отвечать за ошибки. Но тебя это не коснется. В последний раз.

Макрая и Кларисса с Ленардом осторожно вышли на крышу. За ними следовала группа из чародеев.

— Дернетесь — девчонка полетит вниз! — Долорес присвистнула, и Элина подошла к краю так близко, что носки ее туфель смотрели вниз.

— Ты не понимаешь, что творишь? — дрожащим голосом спросила Ри. — Дора, ты снова убьешь!

— Это сложно только в первый раз, Пирожок, — показала она острые как у хищника зубы. — Думаешь, с тобой не поступят так же?

— Что? — пропищала Рири.

Дора вдруг мягко улыбнулась Рири и положила руки ей на плечи.

— Милая, — ответила она, — если венценосные уроды узнают, что наследница Арили, да еще и Благодетельница жива, то они перегрызут друг другу глотки. Счастливчик, получивший тебя в свою власть, выиграет эту жизнь. Сила, власть, знания — все, что пожелают их душонки. А ты? Знаешь, что ждет тебя?

Долорес взяла ее лицо между ладонями и медленно проговорила:

— Они тебя используют. Будут брать, брать и брать. А потом выбросят. Думаешь, Алан и Элина будут всегда рядом? Они такие же как их родители!

— Ложь! — заорал я, собрав последние силы.

Долорес уже приготовилась щелкнуть пальцами, но Рири остановила ее и спросила:

— Что даст мне Учитель?

— Все! — с пылом ответила та. — Мы положим к твоим ногам все! Ты наше сокровище, наша драгоценность.

— Да? — склонила Ри голову набок. — Все, что я захочу?

— И даже больше, — заверила ее Долорес.

Рита вдруг улыбнулась ей. Мягко и ласково, как улыбалась раньше только нам. Она шагнула к ней навстречу и крепко обняла.

— Отпусти Элину, — попросила она. — И мы уйдем.

— Хорошо, — погладила ее по волосам Долорес.

Элла сделала глубокий вдох и упала на крышу, как марионетка без нитей.

— Крошка, нет! — закричала она. — Стой!

Рита как будто не слышала ее. Она положила голову Долорес на плечо и произнесла:

— Мы так глупо поссорились, помнишь? Ты сказала, что пути назад нет...

— Погорячилась, милая, — рассмеялась Дора.

Рита повернула голову в мою сторону. И даже с другого конца крыши я увидел в ее взгляде невероятную ярость.

— А я — нет, — ответила она.

И вдруг с диким ревом она ударила Долорес в живот, оттолкнув от себя.

На белую черепицу упали первые капли крови. Рита с удивлением посмотрела на свой кулак. Ногти на ее руках были невероятно длинные и острые как кинжалы.

Темно-красные.

— Пирожок... — прохрипела Дора, зажимая рану на животе, — Ри...

— Свали нахрен, Зверье! — прорычала та и с силой толкнула спиной вперед.

Долорес полетела вниз, не издав даже стопа. Ее тело упало на землю с глухим тяжелым звуком.

Рита повернулась к нам. Ее лицо, руки и платье были перепачканы в крови. Она слабо улыбнулась и прошептала:

— Я не прощу. Никогда не прощу.

Мы втроем окружили ее, крепко обнимая со всех сторон, сами пачкаясь в крови. И в наших руках она лишилась чувств.

Эпилог

— Портал будет открыт ровно минуту. Багаж перевезем потом окольными путями, — распоряжалась Кларисса, ходя кругами по комнате. — Король Эйл, вы уверены?

— Более чем, — кивнул отец. — Моя жена была близкой подругой Реган и наставницей принцессы Лины. Мой долг оберегать дитя Арилии.

Я даже не сдержал презрительного смешка. Мне хотелось выйти из машины и самым наивным тоном спросить, как он собирался оберегать дитя Арилии, если не смог позаботиться о своем родном. Но Рита лежала в беспамятстве у меня на коленях, нельзя было даже шевелиться.

Мы были словно воры: уезжали поспешно ночью, впопыхах собрав вещи и наскоро простившись с Элиной и Ленардом, передав записку через Макраю. А саму Рири мы одурманили успокоительными и таскали словно драгоценную статую.

Соображения безопасности. Секретность. Прочие эвфемизмы, которыми король Эйл скрыл панический ужас перед сектой Зверя, которая в его фантазиях успела оплакать свою самую верную сподвижницу и уже направлялась в школу Эйлин за ее убийцей.

Наконец-то отец сел в машину и дал отмашку. Перед нами загорелось белое зарево портала.

— К чему это было? — спросил он, устало потирая виски. — Твой смешок. Что забавного ты нашел в нашей ситуации? Поделись, мой принц!

Услышь я столь гневную тираду прошлой осенью, то, наверное, уже бы разодрал ладони в кровь. Но вместо разъедающего страха я ощутил лишь пустоту.

Мне было на него абсолютно наплевать.

— Вспомнил одну забавную сказочку, мой король, — ответил я, наблюдая, как за окном появляются до боли знакомый темный лес Нилиона. — В одном королевстве много лет правил страшный кровопийца. Никто не знал, почему он вообще оказался у власти: забыли за давностью лет. Все боялись кровопийцу, потому что он выпивал жизнь из всех, кто осмеливался приблизиться к его замку в чашобе. Но однажды появилась добрая и смелая девушка, которая поверила его завываниям о несправедливости бытия. Она стала его женой, родила ему сына, любила всей душой. Но он выпил ее до дна, как бокал с водой.

Отец сделал глубокий вдох через ноздри. Но я продолжал свой рассказ, положив руку на мягкие шелковистые прядки Рири:

— Выпил и выбросил, потому что такова была его природа. Затем он взялся за сына. Его он решил не осушать так быстро. Долгие годы он пил из него жизнь маленькими глоточками. Мальчик пытался выпросить для себя хоть немножко любви. Думал, что если станет похожим на него, то отец примет его за себе подобного и сохранит жизнь. Но кровопийца пил и пил. И ему всегда было мало.

— Ты не смеешь так разговаривать со мной... — зарычал отец.

— Но однажды отец привел в их замок девочку, — зарычал я в ответ, смотря ему прямо в глаза, — прекрасную и нежную, как сама любовь. И мальчик понял, что если не станет против убийцы, то девочка зачахнет и умрет, как умерла его мама! И знаешь, что сделал мальчик?

— Закрыв свой поганый...

— Мальчик дал себе страшную клятву, что не допустит ее страданий! — перебил я криком. — Что она не погибнет от лап кровопийцы, как погибла его мать! И сам он тоже больше не дастся ему в лапы!

Машина затормозила рядом с нашим будущим убежищем. Отец пожирал меня взглядом, но не произносил ни слова в ответ. Я же смотрел на него абсолютно спокойно, чувствуя холод в крови и голове.

— Всю свою жизнь... — наконец произнес отец медленно, как будто каждый звук давался ему с трудом. — Я любил Рослин. После ее смерти я не мог дышать, не мог жить...

— Так какого Пекла ты жив? — произнес я сквозь зубы. — Если бы ты любил ее по-настоящему, то она бы не умерла!

— Как ты смеешь... — прошептал отец. — Как ты можешь что-то говорить мне о любви?

— Ты прав, — согласился я. — Не могу. Потому что ты не дал мне ни крохи.

Он лишь откинулся на спинку сидения и расхохотался, хлопнув себя по лбу рукой.

— Я положил на тебя всю свою жизнь, глупец! — ответил он. — Каждую секунду!

Я осторожно взял Ри на руки и прижал к груди как ребенка. Она что-то пробормотала во сне, сдавленно всхлипнув. С трудом понизив голос до шепота, я в последний раз перед долгим презрением обратился к отцу с вопросом:

— Так почему ты ни разу мне этого не показал?

***

Нилион и союз Познания отдали Рири одну из своих самых секретных вилл, спрятанную далеко в своих бескрайних лесах. Ей нужен был покой и передышка, им — время на очередной план. А нам всем пришла пора решить, как жить дальше.

Я уложил ее на огромном лежаке в глубине террасы, а сам сел с книгой неподалеку, решив быть рядом в час ее пробуждения. Читать при слабом свете лампы не вышло, потому я раскачивался на стуле, вглядываясь в ночной мрак.

Истошный вопль Риты выдернул меня из полудремы. Я подбежал к ней, хлопоча вокруг и утешая:

— Все хорошо, ты в безопасности! Доры тут нет!

Она уставилась на меня все еще немного стеклянными глазами и прохрипела неожиданно низким от сна голосом:

— Где я?

— В убежище! — я решил быть честным с самого начала. — Тебя хотят спрятать, пока...

— Пока что? — испуганно огляделась Рита. — Пока эти уроды не решат меня простить?

— Пока ты не придешь в себя и не решишь, как жить дальше, — ответил я своим самым спокойным тоном, хотя меня самого раздирали такие же вопросы.

Рита села, свесив ноги с лежака и принялась раскачиваться из стороны в сторону, пытаясь в чем-то себя убедить:

— Я не хотела ее убивать. Просто оттолкнуть. Она держала тебя с Эллой на прицеле.

Если бы я не начала действовать, то...

— Мы бы все погибли, — закончил я. — Рири, никто ни в чем тебя не обвиняет. Тебя все считают героиней.

— Так вот как надо было заслужить авторитет в этой школе? — хрипло рассмеялась она. — Убить подругу?

— Она тебя ей не считала.

— Нет! Ты же не знаешь!

Рита всхлипнула и закрыла лицо руками. Я испытал дикое желание обнять ее и не отпускать, пока она не перестанет винить себя в смерти этой поганки.

— Я хотела показать тебе записку в тот раз, — простонала она. — Когда я болела, Дора оставила записку с рисунком котика на моей тумбочке. И еще завтрак!

— Крошка, — я впервые назвал ее так. — И это все хорошее, что ты можешь рассказать о ней?

— Вспомню еще...

— А мне даже трудиться не надо, чтобы вспомнить хорошее о тебе! — придвинулся я чуть ближе. — Эта тварь не стоит даже твоего ногтя!

Рита вдруг криво усмехнулась и прошептала:

— Мне не было ее жалко. Когда она полетела вниз с крыши... Вы же ее подобрали?

— Не знаю, наверное, — пожал я плечами. — Как-то не до этого стало. Но поверь, никому не было ее жалко.

— А если я однажды распорю кого-нибудь из вас? Если сойду с ума как Дора? Если... — Рита буквально заходила приступами истерики, дрожа как травинка на ветру.

Я не выдержал и резко обнял ее, прижав к себе так крепко, как только мог.

— Ты не Дора, — твердил я как молитву. — Ты лучше Доры. Ты лучше всех нас. И с тобой все будет хорошо.

Она плакала и кричала, но я не давал ей вырваться, сам с трудом держа лицо. И Рири медленно утихала, пока не обмякла у меня в руках.

Я понес ее в дом, даже дыша через раз. Вдруг мой взгляд упал на большие напольные часы в гостиной. Стрелки вот-вот готовились пробить три часа после Темной поры.

Ри. Та.

***

Знаете, невидимые читатели, я решил пожить еще немного. Какая жалость, правда? Придется терпеть меня еще...

Но я должен довести историю до конца, потому что она все еще длится. И точку ставить рано.

Кстати, вы догадались, о чем она? Власть? Битва добра и зла?

Чушь.

Это история любви. Моей любви.

Конец

Больше книг на сайте - Knigoed.net